

Эдуард Володарский

ВЕСИ
№ 1-2,
2012

Отчаяние

ОТЧАЯНИЕ

литературный сценарий телевизионного фильма
(восемь серий)

СЕРИЯ 1

ТИТР: «К концу 1920 года войсками революционной Красной Армии был занят Крым. Остатки белой армии Врангеля уходили на последних пароходах. Не успевшие сесть на пароходы уходили в горы, оседали в городах и сёлах... Но гражданская война ещё клочкотала на просторах Российской империи. Ещё предстояло выбивать белые армии из Сибири и Дальнего Востока. И по всей России полыхали крестьянские восстания против власти коммунистов-большевиков. За три года гражданской войны крестьяне успели лютно возненавидеть новую власть в России...»

ТИТР: «КРЫМ, январь 1921 года»

...Мела сухая позёмка, и акватория порта была затянута белёсым туманом. Сильные острые волны били в скулы парохода, в длинный причал, забитый кричащей, волнующейся, мечущейся толпой. По нескольким трапам торопливо взбегали последние пассажиры, волоча мешки и чемоданы. Оцепление казаков и солдат с трудом сдерживало толпу, пытавшуюся прорваться к трапам.

Порт был забит казаками и солдатами, брошенными лёгкими полевыми пушками, телегами с разным скарбом, ящиками и мешками. Бродили бесхозные лошади, многие осёдланные, подбирали с земли рассыпанные яблоки. Изредка то здесь, то там бухали винтовочные и револьверные выстрелы, но лошади были привычны к выстрелам и сосредоточенно жевали яблоки. Между людьми и лошадьми метались бездомные собаки в поисках добычи...

А вокруг порта на холмах лежал город, чёрный и угрюмый. Кое-где на крышах серели клочья чахлого снега. Улицы извилистыми ручьями сбегали по холмам к порту.

Возле орудия, глядя на пирс, на пароход и на беснующуюся толпу, стояли офицеры Вадим Дубровин и Николай Мордвинцев. Курили и молча смотрели на пароход, на мелкие катера, стоявшие вдоль пирса, на которые тоже спешно грузились дамы в шубах, старики, офицеры, казаки.

– Вот и всё, – сказал Дубровин, затягиваясь папиросой. – Финал, достойный пера Салтыкова-Щедрина.

– Куда ты теперь, капитан? – Мордвинцев глянул на Дубровина.

– Главное – с полуострова выбраться! А там – в Румынию!

– А из Румынии?

– В Европу, конечно. Там сейчас нашего брата пруд пруди – великий исход!

К ним подскакал сотник на лошади. Артём Татаринов. Шея и пол-лица обмотаны башлыком.

– Что стоишь, Вадим?! – крикнул сотник, осаживая лошадь. – Красных ждёшь?!

– Угу! Хочу выпить с ними на брудершафт! – усмехнулся Дубровин, выплюнув изжёванный мундштук папиросы. – Любуюсь, как красиво покидаем родину! – и он кивнул на столпотворение у причала.

– Да чёрт с ними! Лови коня – и уходим! А вы чего стоите, ротмистр? Тоже хотите выпить с красными на брудершафт?

– Я с ними на брудершафт кровь пил, – усмехнулся Мордвинцев. – И надеюсь, ещё выпью...

– И я надеюсь! – отозвался сотник Татаринов. – Значит, уходить надо!

– Мы похожи на проигравшихся в рулетку, – сказал Дубровин. – Последний золотой в кармане, а всё хотим куш сорвать.

– Жизнь – не последний золотой, капитан! – крикнул сотник. – Жизнь подороже будет!

Дубровин и Мордвинцев быстро поймали двоих осёдланных лошадей, проверили подпруги, стремена.

– Вон они! Легки на помине! – крикнул сотник Татаринов, указывая нагайкой на город. – Уходим, Вадим, уходим!..

По нескольким улочкам, ведущим в порт, неслась во весь опор конница. Мелькало впереди красное знамя, молниями вспыхивали обнажённые клинки шашек. На площади перед причалами забухали выстрелы, раздался женский истеричный крик, затараторил пулемёт. Недалеко от причала взорвался снаряд и лошади заметались по площади, а вместе с лошадьми забегали и люди.

Протяжно загудел пароход, завизжали сиренами катера. Казаки стали сбрасывать прямо в воду трапы. Не успевшие сесть на пароход прыгали прямо в воду, пытались вплавь добраться до парохода. Истошные вопли, матерная брань...

Нахлестывая коней, трое офицеров уходили в другую сторону от города... Дорога вела в пологие горные отроги...

...В лесистой долине между гор горели костры, возле которых грелось много офицеров. Некоторые ломали, рубили сучья, тащили их к огням. Другие сидели на камнях, курили, ссутулившись и бездумно глядя в пространство. Доедали остатки провианта – хлеб, консервы, лук и чеснок.

Многие спали, закутавшись в шинели и казацкие бурки. Неподалёку от костров видны пулемёты и патронные металлические коробки, ещё немного поодаль, в кустарнике, густо стояли лошади – мешанина голов, крупов. Лошади паслись и дальше, на самом перевале, где были остатки пожухлой, покрытой тонким снегом травы. Там же были видны лёгкие пушки и солдаты, спавшие рядом.

И среди этого офицерского столпотворения можно увидеть капитана Дубровина, сотника Татарина и ротмистра Мордвинцева...

В горах послышалось тарахтение. Звук постепенно нарастал, и, наконец, показался аэроплан. Он шёл низко, едва не цепляясь за лесистые верхушки полых гор.

Офицеры в долине, задрав головы, смотрели на него.

В аэроплане двое – пилот и второй лётчик в меховых кожанках, кожаных шлемах и больших очках-консервах.

Вот аэроплан вынырнул между гор прямо на долину, пошёл ещё ниже, и тут второй лётчик стал поднимать и бросать из самолета вниз толстые пачки бумаг. Тысячи листовок запархали в воздухе. Они опускались на деревья, кустарники, падали на костры и загорались, сворачиваясь в чёрные трубочки. Но их ещё ловили офицеры и сразу начинали читать. Шевелили губами, читая печатные строчки, некоторые даже бубнили вслух:

«Возвращайтесь к родным очагам... к матерям и жёнам... Гражданская война закончена, и лишняя пролитая кровь будет на вашей совести... Те, кто сложит оружие и даст честное офицерское слово никогда больше не поднимать оружие против Советской власти, получит жизнь и возможность трудиться на благо Родины. Даю вам в этом честное слово. Место сдачи – Бахчисарай. На размышление даю два дня. Через два дня начинаю операцию по вашему уничтожению. Командующий революционными войсками Крыма Фрунзе»...

Тарахтение аэроплана растворилось в небесной мути. Офицеры читали листовки и вглядывались время от времени в белёсое мутное небо... Закуривали... В раздумье присаживались на камни... курили, вновь перечитывали листовки... думали...

ТИТР: «ТАМБОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ, январь 1921 года...»

...В утреннем тумане деревня была затянута белёсой дымкой. Чёрные крыши виднелись через большое поле – рожь убрали, и поле чернело, прореженное желтоватыми осинами. Большие скирды

соломы, видневшиеся в тумане, были похожи на слонов.

На самом краю поля, в редком перелеске, красноармейцы устанавливали батарею орудий. Слышались короткие команды. Красноармейцы по двое подносили к орудиям плоские снарядные ящики. На ящиках была видна чёрная надпись: «Осторожно. Газ иприт».

В стороне от батареи в том же подлеске стояли десятка два верховых. В длиннополых шинелях и будёновках. Впереди Антонов-Овсеенко – на рукаве шинели большая красная звезда и четыре красных ромба. В бинокль он смотрел на деревню. Сзади подъехал на лошади и остановился рядом Балтрушайтис. Тоже стал смотреть в бинокль на деревню на другом краю поля.

– Бунта среди красноармейцев не боитесь, товарищ командующий? – с сильным прибалтийским акцентом спросил подъехавший комиссар.

– Какого еще бунта? – недовольно спросил Антонов-Овсеенко. – Что вы мелете, Балтрушайтис?

– Уже разговоры идут... Своих же... русских крестьян артиллерия крупным калибром шрапнелью громить будет... где это видано?

– Где это вы слышали такие разговоры? – Антонов-Овсеенко оторвался от бинокля, зло посмотрел на комиссара.

– Я только что из 136-го стрелкового полка, там и слышал...

– Так они в тылу далеко, откуда знают?

– Слухом земля полнится, товарищ командующий.

– Чепуха! Здесь только латыши, литовцы и мадяры – они и по-русски-то не знают. И потом, я отдал приказ всем командирам – везде говорить, что артиллерия будет бить только по пустым деревням... Вы что, не читали?

– Читать-то читал, да только...

– Хватит, Балтрушайтис, хватит, я говорю! – резко оборвал Антонов-Овсеенко. – Думаете, у меня душа не болит? Есть приказ председателя Реввоенсовета Республики Троцкого! Огонь ведётся по мятежникам-кулакам! Врагам трудового народа! Они прячут хлеб! Мясо прячут. Не против народа, а против кулака мы ведём войну!! А что вы мне предлагаете, не выполнить приказ?

– Я предлагаю не уничтожать целиком деревни вместе с народом... гражданами своей республики, – процедил Балтрушайтис.

– Вот вы и командуете первый залп, товарищ Балтрушайтис, – отчеканил Антонов-Овсеенко. – Как комиссар дивизии!

– Не буду... – комиссар тронул повод и поехал в сторону.

– Немедленно вернитесь, комиссар, я приказываю! – повысил голос Антонов-Овсеенко.

– Можете расстрелять меня за невыполнение приказа... – уже издали отозвался комиссар Балтрушайтис.

И тут же подъехал на лошади адъютант, спросил:

– Я не нужен, товарищ командующий?

– Командира артиллерии ко мне, – бросил Антонов-Овсеенко и снова стал смотреть в бинокль.

Остальная группа командиров, сидевших верхом, смотрела вслед уезжающему Балтрушайтису.

ТИТР: «КРЫМ, январь 1921 года...»

...К Бахчисараю ручьями стекались белые офицеры. На площади перед мечетью стояли группы красноармейцев, конных и пеших, вся площадь была оцеплена красноармейцами в шинелях и будёновках – в два ряда. В первом ряду – пешие бойцы, во втором – конные красноармейцы. Белые офицеры один за другим подходили к горе винтовок, револьверов и сабель посреди площади и бросали в эту гору своё оружие, потом шли через площадь и останавливались на краю. Их уже стояла большая толпа, за которой следили конные красноармейцы. Несколько красных командиров стояли возле горы оружия.

А офицеры всё шли и шли нескончаемым потоком... вынимали из кобур револьверы... отщёгивали от поясов шашки и сабли... снимали с плеч винтовки... И гора оружия быстро росла... И росла толпа сдавшихся добровольно офицеров...

ТИТР: «КРЫМ, январь 1921 года...»

Кабинет М.Фрунзе.

...Двери распахнулись, и, громко стуча каблуками сапог, стремительно вошёл Троцкий. В кулаке он сжимал смятую листовку. Следом вошли двое охранников, встали у дверей. Троцкий прошагал в центр кабинета, где стоял массивный письменный стол, и с маху ударил кулаком об стол, оставив на нём скомканную листовку, рывкнул, выставив вперед подбородок:

– Что это?!

Фрунзе встал из-за стола, взял листовку, расправил, посмотрел и ответил:

– Листовка, отпечатанная по моему приказу, товарищ Предреввоенсовета.

– Я знаю, что по вашему приказу! Вы кому даёте честное слово?! Деникинским и врангелевским офицерам?! Головорезам дроздовцам и корниловцам?! На совести которых тысячи расстрелянных красноармейцев и комиссаров! Вы с ума сошли, Фрунзе?!

– Мы тоже их расстреливали без пощады, – ответил Фрунзе. – И это братоубийство надо остановить...

– Как? Как вы сказали? – опешил Троцкий. – Братоубийство? Где же вы братьев себе нашли, товарищ Фрунзе? Заклятые враги Советской власти – вам братья? – стёкла пенсне Троцкого сверкали и глаз не было видно. – Сколько их сдалось в плен?

– Сорок три тысячи, товарищ Предреввоенсовета.

– Немедленно расстрелять всех! – отрезал Троцкий.

– Сорок три тысячи? – тихо переспросил Фрунзе.

– Я сказал – расстрелять всех! – ударил кулаком об стол Троцкий. – Вы оглохли, товарищ командующий? Повторяю – расстрелять всех!

– Сорок три тысячи русских людей, товарищ Предреввоенсовета?..

– Нет русских людей! Нет китайских людей! Нет немецких и французских! И еврейских людей нет! – Троцкий уже кричал, брызгая слюной. – Есть крестьяне и рабочие! И есть помещики и капиталисты! Веками пьющие народную кровь! Есть попы-эксплуататоры! Веками обманывающие народ и наживающиеся на этом! И я приказываю расстрелять всех!

– Я не могу выполнить этот приказ, товарищ Предреввоенсовета, – тихо, но твёрдо выговорил Фрунзе. – Я дал честное слово отпустить всех по домам!

– Я отстраняю вас от командования войсками Крыма! Немедленно отправляйтесь в Москву! Мой приказ выполнит другой командующий! – Троцкий резко развернулся и вышел из кабинета, грохоча сапогами. Следом за ним вышли и двое охранников...

ТИТР: «КРЫМ, январь 1921 года...»

...За Бахчисараем, в расщелине между двумя горами гор, был огромный обрыв в пропасть, и на равнине перед обрывом сгоняли пленных офицеров. Две плотных шеренги красноармейцев с винтовками наперевес и конармейцы с револьверами и маузерами теснили огромную толпу к обрыву. А напротив шеренгой были установлены шесть пулемётов, и расчётные команды уже приготовились к стрельбе.

Комиссар в кожанке, взмокший от беготни, снял кожаную со звездой фуражку, утёр мокрый лоб и хрипло крикнул:

– Раздевайтесь!

Толпа офицеров молчала.

– Приказано раздеться! – повторил комиссар.

– Давай, золотопогонники, разоблачайся! – понеслись выкрики всадников. На лошадях они наезжали на офицеров, размахивали нагайками. – Князь, графья, дворянчики-кабанчики, шевелись! Раздевайся, кому сказано!

И толпа офицеров взорвалась криками:

– Выкуси!

– Обойдётся, мразь!

– Не дождётесь, сучье племя! С мёртвых снимать будете!

– Хриstopродавцы! Ублюдки! Быдло! – неслись крики из толпы. – Гниль! Мразь! Чёрные душонки!

– Давай! – не выдержал и махнул рукой комиссар, надевая фуражку.

Загрохотали пулемёты, и первые тела расстрелянных офицеров полетели в пропасть. Они успевали обняться, но многих пули доставали и в тот момент, когда они обнимались. Так и падали в пропасть в объятиях друг друга.

Многие из конных и пеших красноармейцев тоже стреляли из винтовок и револьверов – просто так... чтоб не сидеть сложа руки...

Горы нависали над местом расправы, сверкало холодное зимнее солнце, грохот пулемётов и предсмертные крики людей тысячекратным эхом отзывались в горных ущельях...

...Но не все офицеры сдались на милость победителей, и вот мы видим отдельные группки офицеров,

пробирающихся заросшими горными тропами. И в одной из них – ротмистр Мордвинцев, капитан Вадим Дубровин, полковник Степан Костылин, сотник Артём Татаринов... Над горными вершинами разносится стрёкот аэроплана.

Двое лётчиков в кабине смотрят на землю.

Офицеры прячутся в кустарнике... пережидают... Издалека доносится грохот стреляющих пулемётов. Из зарослей на высоком горном уступе офицеры видят, как расстреливают их товарищей: маленькие фигурки, похожие на тряпичные куклы, падают в пропасть.

– И что дальше? – спросил ротмистр Мордвинцев. – Куда будем пробираться? В Румынию?

– Может, до моря? – неуверенно предложил сотник Артём Татаринов. – Цепляем там какой-нибудь ялик и – в Турцию? Контрабандисты ещё не перевезлись, перевезут...

– А что в Турции? – спросил капитан Вадим Дубровин. – Подыхать на Галлиполийских полях? Там без нас хватает голодных и рваных... Вы откуда родом, сотник?

– Я-то? Из Новочеркасска... Мне туда нельзя – меня там каждая собака знает, – ответил Артём Татаринов. – У нас там кто в красные подался, кто за белых... И все друг дружку знают – под корень изводят. Сперва мы их рубили в капусту, потом красные нас... Я дома последний раз в июле девятнадцатого был – мать-отца навестил... Жинка от тифа померла, деток народить не успели. Так что мне теперь один хрен – куда... Хоть в Турцию, хоть в Румынию.

– Из Румынии можно в Сербию пробраться – там генерал Кутепов денкинцев собирает, – сказал Николай Мордвинцев.

– А может, всё же куда-нибудь в Алушту... или в Алупку? До Рыбачьего совсем близко. А оттуда на баркасе в Турцию? – спросил Дубровин.

– Крым переполнен красными. На побережье нас точно схватят, хоть в Алуште, хоть в Рыбачьем, – сказал полковник Андрей Стеблов. – Считаю своим долгом предложить вам пробираться в Финляндию, господа.

– Через всю Россию? – опешил Дубровин. – С ума сошли, полковник? Или вокруг России через всю Европу?

– А прямо! По ридной Украине и по России – на север да на север. Уверяю вас, будет легче пробраться, – весело проговорил полковник Стеблов. – Там везде сейчас, думаю, такой бардак и сумасшедший дом – можно будет батальонным строем пройти! Родные мои господа, там кругом мятежи против коммунистов, неразбериха, все друг с другом воюют... Там проскочим, красным сейчас не до нас. Вы как хотите, мои дорогие господа, а я буду пробираться в Финляндию через милую моему сердцу Россию.

– Красиво поёте, полковник, – усмехнулся ротмистр Мордвинцев. – Просрали мы милую нашим сердцам Россию...

– Похоже на то, ротмистр, но умереть я желаю не официантом в Варшаве или Париже, а здесь на Родине... с оружием в руках, – чуть поклонившись офи-

церам, твердо выговорил полковник Стеблов. – Как и подобает офицеру русской армии...

– А что, полковник прав, – подал голос сотник Артём Татаринов. – Я с вами, ежели не возражаете.

– Буду счастлив, – улыбнулся полковник Стеблов.

– И я с вами, – решил Мордвинцев.

ТИТР: «ТАМБОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ, январь 1921 года...»

– ...Командуйте «огонь»! – сказал Антонов-Овсеенко, глядя в бинокль.

Начальник артиллерии подскочил к батарее орудий и прокричал, резко остановив лошадь:

– Огонь!

И стволы орудий, вытянутые длинной шеренгой, разом выплеснули огонь...

И над чёрными крышами деревни поднялись фонтаны земли, и вместе с землёй взлетали обломки стен домов, крыш, оконных рам, плетней и куски печных кирпичей, и всё это окутывалось клубами чёрного дыма... Ударил второй залп орудий и новые фонтаны земли поднялись над домами, и вновь взметнулись чёрные фонтаны земли и обломков домов... Залпы гремели один за другим, и скоро вся деревня была окутана клубами чёрного дыма... И в этом дыму разбежались насмерть перепуганные коровы и овцы... Бежали в разные стороны люди, не понимая, где можно спастись... И когда дым рассеивался, была видна деревенская улица, усеянная трупами женщин, стариков и детей... Артиллерийские залпы гремели один за другим... И скоро пожаром была охвачена вся деревня...

Люди бежали в поле, надеясь там найти убежище от смертоносной шрапнели. А за их спинами стеной вставал чёрный дым пожара... Люди что-то кричали, грозились кулаками, посылая проклятия убийцам...

И тут по бегущим открыли огонь из пулемётов. По толпам людей, бегущих из деревни, окутанной дымом пожарища...

Люди продолжали кричать... размахивали руками... падали, сражённые пулями... А пулемёты строчили без остановки.

Лежащие рядом с пулемётчиками красноармейцы исправно подавали к затворам патронные ленты, и пулемёты пожирали их, выплёвывая смертоносный свинец...

И скоро всё поле было усеяно телами жителей деревни, и медленно рассеивался жёлто-зелёный дым...

Кузьма Бартенев, худой паренёк лет семнадцати, пришёл в себя, когда красные уехали. Грудь у него была прострелена в двух местах, и на рубашке темнели, сочились кровью два пятна. Кузьма судорожно кашлял, плевался кровью...

Горела подожжённая деревня – клубы теперь уже чёрного дыма поднимались к небу, языки пламени лизали обуглившиеся бревенчатые стены домов.

Кузьма поднялся и вновь стал кашлять кровью, утирая губы, и из глаз всё ещё сочилась кровь. Его шатало из стороны в сторону, он медленно пошёл через поле, продолжая надсадно кашлять. Он шёл среди трупов своих сельчан, согнувшись и шатаясь из стороны в сторону... И тут стали подниматься ещё мужики. Они все были ранены, шли, спотыкаясь и хромая, как сомнамбулы, ничего не видя перед собой. Человек десять-пятнадцать. Спотыкаясь, они брели к лесу... Чёрный дым совсем рассеялся, и над полем засияло холодное зимнее солнце, освещая десятки трупов на поле и на окраине деревни...

...А это другая деревня в Тамбовской губернии. Народ согнали на площади перед церковью. Церковь догорала – груды почерневших обугленных брёвен вместо стен, местами ещё курился чёрный дым, чернели на фоне яркого зимнего неба остатки обгоревших бревенчатых стен, груды церковного скарба. На покосившейся обгорелой, но ещё стоящей звоннице вместо большого колокола висел священник в чёрной рясе. Ветер развеивал седые волосы и бороду, шевелил полы рясы.

В стороне от толпы лежала небольшая гора оружия – винтовки, охотничьи берданки, вилы, сабли, револьверы и маузеры.

Бабы и старухи то и дело оглядывались на развалины, на повешенного священника и украдкой крестились. Мужики стояли неподвижно с непокрытыми волосами, шапки сжимали в руках. Вся толпа была оцеплена красноармейцами, державшими винтовки наперевес.

С десятков всадников сгрудились недалеко от церкви. Это командиры: на рукавах шинелей – яркие красные звёзды.

Поднимая снежную пыль, подъехал открытый автомобиль. Антонов-Овсеенко и с ним ещё трое старших командиров выбрались из машины. К Антонову-Овсеенко, который поднялся и стоял в автомобиле, печатая шаг, подошёл высокий красноармеец-командир, козырнул, доложил, выговаривая слова с сильным прибалтийским акцентом:

– Товарищ командующий, жители села Петрухино по вашему приказанию собраны!

– Хорошо... – кашлянул Антонов-Овсеенко в кулак, обтянутый кожаной перчаткой, и заговорил отрывисто и громко. – Вы с кем воевать вздумали, мужики? С Советской властью?! С Красной армией?! Которая вас защищает от помещиков и капиталистов?! От всяких белых гадов?!

Антонов-Овсеенко замолчал, медленным взглядом обводя толпу.

– Белые-то гады последний хлебушек не отымали... – негромко проговорили в толпе.

– Что, что?! – спросил Антонов-Овсеенко и спрыгнул на снег, медленно подошёл к крестьянам. – Что вы сказали? Повторите? Не расслышал!

Толпа молчала.

– Да не бойтесь! Кто сказал – выйди, повтори!

– Да что тут говорить-то, гражданин хороший? – вперёд протолкался рослый мужик в рваном тулупе. –

Белые-то последний хлебушек не отымали! У меня пятеро детишков было, трое девок и мальчонков двое, осталось двое – девка и пацан, трое с голоду помёрли... и жинка помёрла, мать помёрла... Корова издохла... На деревне ни одной живой курицы не осталось, ни одной козы... Как жить дальше прикажешь, господин гражданин хороший? Вы ить даже гнилую картошку забрали...

– Всем тяжело! – криком перебил Антонов-Овсеенко. – Тебя как зовут?

– Иваном зовут. Тяглов Иван Афанасьевич буду.

– Рабочие Москвы и Петрограда голодают, Иван Тяглов! На границах вновь собираются десятки тыщ недобитых белых гадов! Они мечтают вернуть в Россию старые порядки! Угнетать трудящийся народ! И вместо того, чтобы добивать белых гадов, Красная армия вынуждена...

– Вот я гляжу на тебя – ты-то сытый, справный... – перебил Иван Тяглов. – Небось, завтракал и полдничал... и одёжка справная, на автомобиле раскатываешь... Ты и есть гад на наши головы! И солдаты твои – гады заморские! Они и по-русски-то не понимают! Тыфу на тебя, будь ты проклят! – и мужик смачно плюнул Антонову-Овсеенко на сапоги.

Двое красноармейцев бросились к мужику, схватили, заломили руки за спину. Толпа глухо заволновалась. Антонов-Овсеенко посмотрел на плевков на сапоге, вновь поднял голову, сказал:

– Круминьш, проверьте его руки.

Высокий стройный командир подошёл к мужику, взял закрученную за спину руку, повернул к себе ладонь, посмотрел и сказал:

– Следы пороха и машинного масла, товарищ командующий, – с сильным акцентом проговорил Круминьш. – Стрелял из винтовки или пулемёта.

– Проверить руки у всех! – отрывисто приказал Антонов-Овсеенко. – Подростков тоже! У кого найдут на руках следы оружия – расстрелять немедленно!

Антонов-Овсеенко забрался в машину, сказал негромко водителю в кожаной меховой куртке и кожаной кепке:

– Поехали.

Мотор взревел громче, автомобиль дёрнулся и поехал, набирая скорость. Шлейф снежной пыли стелился за ним...

– Всем показывать руки-и! – закричал Круминьш. – Слышали?! Всем показывать руки-и! – а потом повернулся к красноармейцам и закричал на латышском: – Проверить руки у всех крестьян! У подростков и женщин тоже! Быстро, быстро!

Оцепление красноармейцев шагнуло ближе к толпе, заклацали затворы винтовок, громко хрустел под сапогами сухой снег... Человек десять красноармейцев вошли в толпу и стали приказывать налево-направо на ломаном русском:

– Руки показывай! Руки! Ладонь вверх! Быстро!

...Расстрелянных крестьян солдаты сваливали на телеги. Бросали трупы друг на друга. Мужики, под-

ростки... женщины... Двенадцать подвод, полные трупов, стояли на площади перед сожжённой церковью. Заиндевелившие лошади мотали головами. Женщины сидели на краях подвод, ноги мёртвых упирались им в спины.

– Повезёшь в деревню... – командир Круминьш с трудом выговорил название, – Кар-на-у-у-хо-во... Поняла, дура?! Пусть смотрят! И скажешь им – если они тоже вздумают оказывать сопротивление – расстреляем всех! Пшла, ну?!

Женщина медленно пошла вдоль вереницы подвод, часто крестилась, взглядывая на сваленные горой трупы на каждой подводе... Наконец, подошла к передней, с трудом взобралась на телегу, разобрала поводу и дёрнула – и лошадь напряглась и медленно пошла. Следом за ней тронулась вторая лошадь... третья... четвёртая... пятая... шестая... Громко скрипели колеса, стучали по мёрзлым ухабам... Снежная дорога уходила в поле, на окраине которого чернела полоса леса...

Группы красноармейцев стояли на площади, всё ещё держа наготове винтовки, смотрели вслед... Раскачивался под ветром на звоннице повешенный священник, всё ещё чадили обугленные брёвна сгоревшей церкви...

...Промасленный чёрный паровозик едва тащил с десяток теплушек и старых расшатанных вагонов, над крышами которых стлался чёрный дым. И на крышах плотно сидели люди с мешками, узлами, корзинами, и лица их были густо покрыты паровозной копотью...

Кузьма Бартенев сидел в углу теплушки, притиснутый к стенке вагона дородной бабой в плюшевом жакете и шерстяной большой шали. Скрипел, раскачиваясь, подслеповатый фонарь под потолком, выхватывая из полумрака разные лица стариков, мужчин и женщин. Воротники шинелей, солдатские папахи, фуражки и тёмные кепи, узлы и корзины, мешки и чемоданы... Кузьму всё так же время от времени начинал бить кашель, и другие пассажиры недовольно косились на него, особенно дородная баба в плюшевом чёрном жакете.

– Что ж ты так надрываешься-то? Туберкулёз у тебя, что ли? Ишшо заразишь, не дай Господи...

– Не, кха-кха-кха... – сквозь кашель отвечал Кузьма. – Раненый я, кха-кха! Грудь прострелена...

– Кто ж тебя так-то? – баба испуганно подалась от Кузьмы в сторону. – Грудь прострелена, а живой?

– С-под Тамбова я... Деревня Крестовая...

– И что у вас там, на Тамбовщине? Стреляют? – поинтересовался сидевший напротив пожилой мужик в стёганом полупальто и картузе с надломленным козырьком.

– На вот... гляди... – Кузьма раскрыл драный тулуп, задрал окровавленную рубаху, обнажив тощий живот и грудь с двумя пулевыми запёкшимися ранами.

– Знамо откуда... – вновь закашлялся Кузьма. – Коммунисты пришли, сперва из пушек деревню по бревну разметали, потом нас всех из пулемётов... и детей малых не жалели... живых в колодцы бросали...

– Ладно брехать-то, малый... – недоверчиво сказал другой мужик. – Я слышал, вы там, на Тамбовщине, бунтуете против власти-то? Вот вас и поприжали, а ты сразу – детей в колодцы... Напридумывают чёрт чего...

– Ты тут пропаганду свою кулацкую не разводи, понял-нет, орёлик? – вмешался ещё один мужик, в городском пальто и шляпе. – А то Чека всех похватает... Сиди и помалкивай...

– И куды путь теперь держишь? – спросил первый мужик, в стёганом, на вате, полупальто.

– А в Питер... У меня там старшой брательник на флоте служит, кха-кха-кха... – отвечал Кузьма. – Может, приютит где-нибудь... Может, подлечусь у него, да с работой чего поможет... Жрать-то нечего, кха-кха-кха...

– Гляди, не подохни по дороге... Что ж получается, тебя навывлет прошило?

– Навывлет... кха-кха...

– На флоте, говоришь? – вдруг спросил из другого угла молодой мужчина в морской шинели без погон и морской фуражке без кокарды. – Где ж он там служит?

– А на линкоре «Севастополь», – ответил Кузьма. – Прошлым месяцем письмо от него получали... читали, кха-кха-кха...

– Ну, значит, нам по пути, – усмехнулся молодой мужчина. (Это Сергей Ладейников) – Я тоже на «Севастополе» служу... Как, говоришь, фамилия брательника?

– Прохор Бартенев...

– Знаю, знаю... Комендор второй статьи Бартенев, – улыбнулся Ладейников. – Дай-ка раны погляжу... – он придвинулся к Кузьме, снял с него полущубок, задрал рубаху и осмотрел раны спереди и сзади:

– Повезло тебе, парень... Навывлет обе прошли... Видно, лёгкие порваны... Может, и подлечишься... Раз до сих пор живой, значит, вытянешь...

Почти все пассажиры повернули головы к Ладейникову, изучающее рассматривали. Ладейников достал из-за уха недокурную сигарку, чиркнул спичкой, прикурил.

– На службу торопитесь? – с ухмылкой спросил мужик в полупальто.

– Не... – подумав, ответил Ладейников. – Домой... Семья у меня там... в Кронштадте проживает... Ездил пропитание семье добывать...

– Поди, у белых воевал? – спросил въедливый мужик в полупальто.

– Не воевал, Бог миловал – на флоте служил... – усмехнулся Ладейников.

– Я и то говорю – будя, навоевались все досыта, – пробурчал другой мужик, в городском пальто и шляпе. – А всё никак не угомонимся... Всё нам мало...

– Да я вот вижу – не всё, – глядя на Кузьму, говорил Ладейников. – Тебя как звать-то, Бартенев?

– Кузьмой звать, кха-кха... – ответил Кузьма. – Бартеневы мы...

В это время в конце вагона послышался шум, мимо по проходу, спотыкаясь об узлы и мешки, прошмыгнули несколько теней, донесся хриплый голос:

– Проверка документов! Граждане, приготовить документы!

Ладейников увидел выражение ужаса на лице Кузьмы, быстро сдвинул в сторону свои ноги и приказал:

– Под лавку полезай, быстро!

Кузьма полез под лавку, распахивая корзины и мешки. Толстая баба зашипела:

– Тише ты, чёрт косолапый...

– Кашлять не вздумай, – сказал капитан Ладейников и сдвинул ноги, подтащил поближе к лавке большую корзину и мешок с картошкой.

Появились трое – два красноармейца с винтовками и наганами на поясах и средних лет мужчина в кожанке и кожаной фуражке со звездой на тулье. На широком ремне у него тоже висела кобура с револьвером, в руке фонарик.

Пассажиры зашевелились, доставая из-за пазух засаленные бумажки и картонки, и сразу несколько рук потянулись к чекисту. Тот, нахмурившись, стал рассматривать бумажки и картонки, подсвечивая фонариком. Уставился на Ладейникова.

– Проживаете где, гражданин?

– В Кронштадте. Соборная, дом девять, первый этаж. Там семья. Жена, дочери...

– А служите на линкоре «Севастополь»?

– Совершенно верно, на «Севастополе».

– Куда ездили?

– В Харьков. Матушка у меня там. Навещал. Хво-рает матушка. Старая...

– Давно?

– В начале ноября уехал из Питера... Вот теперь возвращаюсь... Там, в документе, числа проставлены.

– Н-ну ладно... – чекист неохотно вернул Ладейникову картонку, стал рассматривать другие бумажки.

И вдруг из-под лавки послышались покашливания. Чекист насторожился, и красноармейцы завертели головами по сторонам, и тут Ладейников сам принялся неистово кашлять, сделав вид, что поперхнулся, и пока чекист смотрел документы, он всё время кашлял. И мужчина в городском полупальто и шляпе тоже стал покашливать и даже ногами пристукивать.

Чекист и красноармейцы двинулись в другой закуток, распахивая по дороге чемоданы и узлы, освобождая дорогу...

...Вереница страшного обоза медленно втягивалась в деревню, двигалась по главной улице. С верхом наваленные на телегах трупы припорошило снежной пылью, торчали обнажённые заледеневшие руки и ноги, смерзшиеся космы волос, окаменевшие лица.

Все жители деревни, от мала до велика, стояли по обочинам дороги, смотрели и молчали. Лишь время от

времени всхлипывали бабы и старухи, часто мелко крестились.

И вдруг одна из баб громко закричала:

– Ой, лишенько! Ой, супостаты-и! – и кинулась к одной из телег, стала обнимать заледеневшие трупы, идя рядом с подводой.

Следом за ней кинулись к другим подводам бабы и старухи, обнимали мертвецов, вопили и причитали. И только мужики и подростки стояли, угрюмо глядя на проезжающие мимо телеги с трупами. У многих за плечами были берданки, винтовки и старые ружья. Головы непокрыты, шапки – в руках. Высокий мужик в рваном тулупе громко сказал:

– Вона чего нам уготовила Советска власть! Вона чего делают комуняки! Товарищ Антонов правильно говорит: покудова всех коммунистов не убьём – не будет жизни крестьянину!

– Они нас раньше перебьют... али газом потравят... изверги антихристовы... – отозвался другой голос.

– Одна дорога – в могилу! – выдохнул мужик в рваном тулупе. – Только я жалаю драться с проклятыми до смертного вздоха! Нагрянут они сюда – нехай вместе с нами хоть десяток-другой проклятых тож могилу себе найдут!

ТИТР: «ТУЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ, февраль 1921 года...»

...Пока красноармейцы и рабочие продотряда обшаривали избы в деревне, в избу, где размещался сельсовет, волокли крестьян.

За дощатым столом сидел мрачного вида тощий рабочий (Фёдор) в протёртой до белизны кожанке. Кожаная фуражка лежала на столе. Ещё лежала раскрытая тетрадь – с затрёпанными, засаленными страницами, исписанными корявыми строчками. Двое красноармейцев сидели на лавке у двери.

Два других красноармейца втащили в комнату крестьянина в рваном расстёгнутом тулупе, со всклокоченной бородой и окровавленным лицом.

– Вот гад, Фёдор, картошку в подвале землёй засыпал, едва нашли!

– Картошку прятал? – спросил начальник Фёдор.

– Чуток землёй присыпал, чтоб совсем не помёрзла, – отвечал мужик, хлюпая окровавленным носом.

– А что ж продотрядовцам говорил, что в погребе пусто?

– Так и было пусто. Ваши всё выгребли! А картоха мёрзлая, мелочь одна – что дети жрать будут, ироды проклятые!? С голоду подыхать оставляете? Так уж лучше стреляйте сразу! – мужик захрипел, заорал. – Не то я ружьё раздобуду и вас всех постреляю, погубителей!

– Ну раз сам просит – выведите и расстреляйте, – мрачно приказал Фёдор, и красноармейцы потащили мужика из комнаты.

– Аспиды! Антихристы! – кричал мужик за окнами избы... потом грохнули два выстрела.

А в избу привели ещё одного мужика – тощего, маленького. Фёдор некоторое время молча рассматривал его. Потом спросил:

– Пять пудов зерна у тебя нашли в хлеву. Где ещё прячешь? Давай, показывай... Или бить будут...

– Бей! Хоть до смерти забей – не укажу... – равнодушно ответил мужичок.

– Лучше укажи, – с мрачным спокойствием проговорил начальник.

– Ага, я укажу, а детишки мои с голодудохнут.

– В Москве и Петрограде детишки тоже с голодудохнут, и хлеб им взять негде. Тебе революция землю дала – по весне запашешь, посеешь, и будет хлеб...

– Ага, а чем сеять – ты мне дашь... Да я до весны не дотяну – вы же всё выгребли... Гнилая солома только осталась, а её и скотина есть не будет...

– Значит, не укажешь, где зерно спрятал?

– Не укажу...

– Расстреляйте его.

Красноармейцы заломили мужичку руки за спину и поволокли из дома.

...У сельсовета, прямо у крыльца, уже лежали на снегу шестеро расстрелянных мужиков, раздетых до нижнего белья. Возле убитых стояли двое красноармейцев с винтовками. В стороне толпились, тихо завывали бабы, сморкались и вздыхали старики.

Красноармейцы выволокли мужичка, подтащили его к трупам, лежавшим на снегу.

– Ещё один сволочь! Не говорит, где хлеб спрятал! Стреляйте его – Фёдор приказал.

Двое красноармейцев вскинули винтовки, и через секунду грохнули два выстрела. Мужик всплеснул руками и повалился навзничь. Громче взвыли бабы, громче засморкались старики, засопели, согнутыми корявыми пальцами утирали слезившиеся глаза...

ТИТР: «ВАРШАВА, февраль 1921 года...»

...На одной из улочек, мощённых булыжником, со множеством небольших трёх- и четырёхэтажных домов, залепленных вывесками магазинчиков и ларьков, ничем не выделялось невысокое трехэтажное здание с узкими окнами. У подъезда под небольшим жестяным козырьком от дождя переминался с ноги на ногу, иногда прохаживался мужчина средних лет в штатском пиджаке, сапогах и кепке, хотя военная выправка сразу выдавала в нём офицера. У двери на стене была укреплена металлическая табличка: «Комитет Русских Офицеров».

Подошёл другой мужчина, лет тридцати, тоже в штатском и тоже по военной выправке офицер. Он показал небольшую картонку с печатью. Первый штатский внимательно посмотрел, приложил два пальца к кепке:

– Пожалуйста, господин штабс-капитан.

– Савинков здесь?

– Сопещание проводит...

Штабс-капитан вошёл в подъезд. Прошла секунда-другая, и к подъезду подошёл ещё один одетый в штатское человек, по возрасту юноша лет двадцати двух – двадцати трёх, на голове выдавшая виды лихая офицерская фуражка. Он тоже предъявил

часовому картонку с печатью. Тот посмотрел, лениво козырнул:

– Прапорщик Козловский?

– Он самый, – улыбнулся прапорщик. – Откуда вы меня знаете?

– Генерал Козловский ваш отец?

– Да... отец...

– Похожи на отца... – усмехнулся часовой. – Довелось служить под началом вашего папаши.

– А нас четверо...

– Что четверо? – не понял часовой. – Братьев?

– Ну да...

– Братья тоже в Варшаве?

– Нет, в Финляндии, – вновь улыбнулся Козловский.

– Что заканчивал, прапорщик? – вдруг пылливо спросил часовой офицер.

– Алексеевское военное.

– Ну проходи, прапорщик...

...В накуренной комнате сидело человек пятнадцать бывших офицеров. Почти все одеты в штатское, но на четверых – сильно поношенные мундиры без погон. Савинков ходил у стола, стоявшего перед стеной. На столе лежали кипы листовок и газет. Савинков взял одну из них, развернул:

– Вот, почитайте! В Петрограде зреет восстание! Путиловский завод уже объявил забастовку. Население голодает. Продовольственные склады пустые. На флоте недовольство. В армии недовольство. Рабочие готовы выйти на улицы! – Савинков замолчал, обвёл взглядом присутствующих. – Я хочу вам сказать – борьба не окончена, господа. И наша ближайшая задача – создание в Петрограде боевого ядра офицеров для восстания. Следует отправить в Финляндию наших представителей – там сейчас находится более пятидесяти тысяч офицеров.

– Намереваетесь иметь дело с генералом Юденичем? – с насмешливой ноткой спросил один из офицеров. – Я лично уже имел с ним дело. Больше не желаю!

– Кроме Юденича есть другие! Важно другое – правительство Финляндии готово предоставить нам посильную помощь. Комитет ведёт переписку с влиятельными людьми во Франции. Нам обещают значительную финансовую поддержку! Обещают наладить транспортировку продовольствия и оружия! Союз офицеров обещает наладить переправку в Россию людей...

– Послушайте, господин Савинков, – раздался другой голос. – Вы хоть понимаете, какие силы освободились у большевиков после взятия Крыма? Вы знаете, сколько у большевиков сосредоточено войск между Москвой и Петроградом? О каком восстании вы говорите? Мы и двух суток не сможем продержаться... А как идущие к нам офицеры из Финляндии смогут пробиться в Петроград? Насколько мне известно, там стоят две дивизии красных под командованием Косиора... Как быть с этим обстоятельством?

– Но нас поддержат! – крикнул Савинков, сжав кулаки.

– Кто? – хладнокровно спросил тот же голос, принадлежавший офицеру лет сорока с коротко подстриженными усами.

– Рабочие Петрограда!

В ответ несколько офицеров коротко рассмеялись.

– Напрасно смеётесь, господа, – с каменным лицом ответил Савинков. – Всё, что происходит в Петрограде и в Кронштадте, мне известно из первых рук... В ближайшее время там назревает взрыв...

– Боюсь, это будет взрыв отчаяния... – раздался третий голос.

– Не вашего отчаяния! – резко повысил голос Савинков. – Восстания полыхают по всей России! В Верх-Исетске! В Ижорах! В Тамбовской губернии! В Новосибирской губернии! В Саратовской! Оттуда поступают сведения! К нам! В Белград! В Бухарест! Это крестьяне доведены до отчаяния! Они просят о помощи! Стоят заводы и фабрики! Это рабочие доведены до отчаяния! Они тоже просят помощи!

Офицеры молчали. Кто-то курил, пуская к потолку клубы дыма.

– Я не понимаю вас, господа офицеры, – Савинков медленно обводил взглядом лица собравшихся. – Вы не хотите продолжать борьбу с большевиками? Скажите об этом прямо – здесь никто никого не принуждает...

Напряжённое молчание повисло в комнате. Наконец средних лет капитан спросил:

– Чего хотят эти рабочие? И эти крестьяне?

– Они за Советы без коммунистов-большевиков, – ответил Савинков.

– На моей памяти я лично повесил двоих председателей Советов. В городе Млынове и городе Кустовом, – сказал капитан. – А теперь вы предлагаете с этими председателями в обнимку ходить?

– Я советкомовцев и ревкомовцев расстреливал десятками, – сказал полковник. – Но это же гидра – срубил одну башку, три других вырастает!

– Восставшим понадобится военная организованная сила, господа. И я уверен, они будут благодарны нам, если мы придём к ним на помощь! – решительно проговорил Савинков. – Турция и Сербия, где базируются основные силы белого движения – далеко. А мы рядом с Петроградом, рядом с очагами восстаний на Тамбовщине, в Холмском районе... Главное – подержать, а там пойдёт – не остановишь!

– Боже милостивый, сколько раз я уже слышал всё это... – со вздохом проговорил ещё один офицер, сухопарый, в поношенном кителе без погон. На груди были видны два георгиевских креста и крест офицера-корниловца, покрытый синей эмалью серебряный меч с терновым венком.

– Послушайте, как вас, простите? – обратился Савинков к сухопарому офицеру.

– Подполковник Феклистов, Герман Фёдорович, если вам угодно...

– Послушайте, Герман Фёдорович, как я понимаю, вы дрались в Добровольческой армии?

– Ох, оставьте... Какое это теперь имеет значение?

– И вы теперь совсем сдались? У вас я вижу на груди знак офицера корниловского полка! И вы смирились? Нашу родину захватили коммунисты! И мы смиримся? Будем на чужбине просить подавание? Будем смотреть из-за кордона, как погибает русский народ?!

– Устали все, господин Савинков, как вы не понимаете? – раздался ещё один голос.

– Устали держать в руках оружие?

– Души устали... Такое тоже случается, уж поверьте...

– Ну что ж... конечно, безвыходных положений не бывает, господа, – проглотив ком в горле, проговорил Савинков. – Что ж, снимайте мундиры... Забудьте о крестах и медалях... Забудьте о России... В Марселе... в Таллине... в Финляндии... да и здесь, в Польше, можно устроиться в порту грузчиком... Можно официантом в ресторанах... Говорят, во Франции рабочие требуются на автомобильные заводы... Будете рабочий класс... Пролетариат, так сказать... Как я понимаю, счетов в банках ни у кого нет? И фамильных драгоценностей из России не вывезли. Значит, пролетариат и есть. Нет, хуже – вы люмпен-пролетариат... Ну ничего, с голоду не помрётё... Европе нужна дармовая рабочая сила.

И вновь воцарилось напряжённое молчание. Офицеры курили, раздумывали...

...Чёрный промасленный паровоз торопился, шумно пыхтел, стучал колёсами и пускал к вечернему небу клубы жирного чёрного дыма. Он тащил состав старых разболтанных вагонов. Многих досок в стенах вагонов не хватало, и в широкие щели торчали туго набитые мешки. В коротких тамбурах между вагонами были видны фигуры красноармейцев с винтовками. Воротники шинелей подняты, будёновки нахлобучены на уши – чтобы хоть как-то защититься от пронизывающего ледяного ветра...

И вдруг под паровозом полыхнул взрыв. Тяжеленную машину даже подбросило на месте. Взрывом выворотило шпалы и рельсы, паровоз накренился и рухнул на бок, объятый пламенем, и на него поползли вагоны, громоздясь, налезая друг на друга и опрокидываясь на насыпь. Трещали вагонные стенки, лопались доски, и тяжёлые, тугие мешки вываливались на заснеженный откос железнодорожного пути. Мешки лопались, и на снег, на землю лились струи пшеницы.

И тотчас из близлежащих зарослей по обе стороны железнодорожного пути, словно чёрные стрелы, стали вылетать лошади, запряжённые в телеги. В телегах стояли мужики, размахивали кнутами. И следом за телегами пчелиным роем вылетели из кустарника мужики с винтовками, побежали по заснеженному полю к насыпи, к поезду с хлебом. Из тех же кустов в нескольких местах застучали несколько пулемётов.

Скоро поле было усеяно телегами с лошадьми, несущимися к составу на насыпи, и бегущими мужиками с винтовками наперевес. Стучали пулемёты, хло-

пали винтовочные выстрелы. Красноармейцы залегли по обе стороны от насыпи, пытались отстреливаться, затем, поняв бессмысленность сопротивления, бросали винтовки, поднимались с вытянутыми вверх руками.

А мужики торопливо грузили на телеги мешки с зерном. Много зерна просыпалось на землю из порванных мешков, но на это никто не обращал внимания – все торопились.

...Пленных красноармейцев отвели в лесок, напротив выстроились человек десять мужиков с винтовками наперевес. Рослый дядя в валенках, полупальто на вате и шапке-ушанке с одним оторванным ухом хрипло командовал:

– Раздевайсь-разувайсь, живо!

– Помилосердствуйте, православные... – тонким голосом крикнул один из красноармейцев, худенький и невысокий.

– Цыть, сука! – рявкнул «Рослый». – Ты, комиссарский прихвостень, у православных весь хлебушок-то отобрал! В Питер жидам и комиссарам везёте! А што мы с голоду подыхать должны – энто у вас классовой борьбой теперя называется!

– Да что ты с ним тренделя разводишь, Архип! Стрелять их, христопродавцев! Они стреляли, даже баб и детишков не жалели! – крикнул другой мужик, в драном тулупе, и выстрелил первым, и следом за ним, не дожидаясь команды, загрохали выстрелы.

Красноармейцы падали один за другим. Через минуту всё было кончено.

– Одежу с них сымайте! Быстрее! Эй, офицеры, вы гдей-то, господа-товарищи? – крикнул Архип, вертя головой по сторонам.

Из зарослей вышли ротмистр Мордвинцев и полковник Стеблов, медленно подошли к Архипу. Он был в своём заношенном военном кителе и тулупе поверх него.

– Чего орешь, Архип? Уходить быстрее надо – ещё время нужно, чтобы хлеб спрятать, – сказал Мордвинцев.

– Да там всё готово – большой схрон заготовили.

– Ну и ладушки... Поторопи мужиков, поторопи...

– Дайте мне десяток мужиков в боевое охранение, Архип, – сказал полковник Стеблов.

– Да пошли, щас укажу кого, – Архип первым зашагал к лесу, полковник устремился за ним, чуть прихрамывая.

Бывший ротмистр Мордвинцев задержался. Ещё хлопали последние выстрелы – мужики добивали красноармейцев.

Мордвинцев подошёл к расстрелянным красноармейцам. Они лежали в разных позах, на боку и на спине. Мордвинцев медленно переводил глаза с одного на другого и вдруг встретил живые глаза. Красноармеец был жив, тяжело дышал, и тонкая струйка крови текла из угла рта, и широко открытые глаза с ненавистью смотрели на Мордвинцева.

– Что, брат, нехорошо тебе? – рука Мордвинцева потянулась было к кобуре, сжала рукоятку револь-

вера, но отпустила. – Ладно, как Господь управит. Выживешь – живи... – и он медленно пошёл к веренице телег, на которые мужики грузили мешки с хлебом...

...Нагруженные телеги уходили в темноту. Возчики цокали языками, кричали на тощих лошадей, стегали кнутами. Ещё одна телега ушла... ещё одна... ещё... ещё... Грохотали колёса по мёрзлой земле, стучали копыта... Рядом с телегами шли вооружённые крестьяне, и Мордвинцев с полковником Стебловым были среди них, с винтовками за плечами.

И скоро на месте ограбления осталась груда искорёженных вагонов, догоравший и чадивший чёрным дымом паровоз, искорёженные рельсы и многочисленные кучи просыпанного зерна. Сыпал и сыпал сухой мелкий снег...

...Полковник Стеблов и ротмистр Мордвинцев вышагивали в толпе мужиков, сопровождавших обоз с хлебом. Обоз тащился по глухой лесной дороге, лошади, напрягаясь, едва вытягивали тяжело нагруженные телеги из глубоких колдобин.

– Что дальше, полковник? – спросил на ходу Мордвинцев. – Спрячем хлеб в погребах, дальше-то что? Завтра каратели тут каждый овраг проверять будут. В ближних деревнях заложников хватать начнут... Потом постреляют их. Хорошо, если деревни не сожгут...

– Это и есть, ротмистр, партизанская война... – ответил Стеблов.

– И до каких пор?

– Пока большевики не уничтожат всех сопротивляющихся крестьян... Боюсь, они близки к своей цели...

– Нам-то как дальше быть, полковник? – спросил Мордвинцев.

– Зачем спрашиваете, ротмистр, когда знаете ответ? – усмехнулся Стеблов. – Нас убьют или здесь... Или в другом месте... Или захватят в плен красные и расстреляют.

– Ну уж нет, – нахмурился Мордвинцев. – Последнее я исключаю – в плен меня не захватят...

Голова обоза вышла на большую поляну. Здесь и там были видны большие выкопанные ямы. Горело несколько костров, над которыми висели большие закопчённые котлы. Стоявшие возле котлов мужики длинными черпаками помешивали варево. Здесь, возле костров, носились ребятишки, неподалёку бабы складывали из поленьев большую поленницу. Дальше в чаще виднелись большие шалаши, сложенные, как серные чумы, из досок, крытые толстым лапником, небольшие дощатые столы. Если оглядеться, то можно было понять, что здесь пряталась целая деревня.

Возчики стали останавливать лошадей, прыгивали на землю, подводя коней поближе к ямам. Подходили вооружённые мужики. Слышались возбуждённые голоса:

– Хлебушок! Наш хлебушок! Родимый!

– С хлебушком-то и зиму перетерпим!

Телег с мешками на поляне прибавлялось. И тут же стали разгружать, тащили мешки к ямам. Днища

и стены этих ям были устланы еловым лапником. Мешки медленно, осторожно опускали в ямы.

И вдруг над кронами берёз и елей пролетело нечто со свистом, и рядом с поляной рванули взрывы снарядов. Через несколько секунд – снова свист и шелест и новые взрывы. Столбы земли и снега взметнулись выше верхушек деревьев. Взрывами выворачивало деревья с корнями, туман из снежной пыли, листьев и хвои повис в воздухе. И ухнули новые взрывы, теперь уже на самой поляне. Дикое ржание раненых лошадей, крики мечущихся по поляне баб и мужиков, детский плач и визг. А снаряды продолжали рваться с дьявольской методичностью, перемешивая с землёй всё живое и неживое. Оборвавшие построики и сбруи раненые лошади очумело неслись по лесным зарослям. Скоро поляна была усеяна трупами мужиков, баб и детей, развороченными мешками с зерном... Загорелись шалаши, и пламя взметнуло в морозный воздух рыжие хвосты, огонь поплыл над лесом... Уцелевшие мужики пробирались лесом, неся на руках маленьких детей... Но снаряды продолжали рваться, и тяжёлые фонтаны земли и снега взмётывались над верхушками деревьев... И вдруг наступила крошечная тишина.

Командир батареи, стоявший на взгорке, покосился в сторону батареи. Двенадцать орудий, вытянутые стволы в направлении леса, замолчали.

– Ну, чё там у вас? – крикнул командир.

– На два залпа снарядов! – отозвался красноармеец от крайнего орудия.

– Расходуй! – крикнул командир. – После обеда обещали ещё подвезти! Давай!

– Заряжай! – закричал командир орудия, и дальше понеслись крики:

– Заряжай! Заряжай!..

(Конец первой серии)

СЕРИЯ 2

...Стеблов и Мордвинцев тоже пробирались лесом, шли, сами не зная куда. И вдруг Стеблов остановился, дёрнул за рукав Мордвинцева:

– Вон они!

Сквозь деревья медленно пробиралась цепь красноармейцев с винтовками наперевес. Иногда звучали выстрелы. Сзади подошли с десяток мужиков с ружьями. Двое держали на руках пятилетних детей. Среди них – высокий в рваном тулупе Архип. Сзади подходили, напирали, тяжело дыша, ещё мужики, с ружьями, вилами и топорами.

– Окружили, супостаты... – хрипло выдохнул Архип. – Некуда бежать...

– Бежать не надо, – сказал Мордвинцев. – Прорываться надо! Пошли, мужики! Зубами их грызть! Душить! На куски рвать! Не трусь, мужики-и! У нас злобы больше-е!!

Мордвинцев вытянул из кобуры револьвер, достал из кармана брुक горсть патронов, набил барабан и

первым пошёл вперёд прямо на цепь красноармейцев. Полковник Стеблов тронулся за ним. Следом, помешкав, пошёл Архип. Потянулись другие мужики, только те, кто держал на руках детей, стояли, смотрели страшными глазами.

– Зубами их, мужики! Ихнюю мать-перемать, в грызло, в душу, в Креста, Бога, мать-перемать! – скаля зубы, яростно закричал Мордвинцев и побежал навстречу красноармейцам.

Защёлкали выстрелы. Пули срезали ветки, поднимая снежную пыль. И мужики не кричали «Ура!», они хрипло выли, словно стая волков:

– Хры-ы-ы-у-у!!

И вот схлестнулись, и закипела страшная драка... Не рукопашный бой, а страшная драка, в которой мужики и вправду впивались зубами в горла красноармейцев, вонзали вила в животы, били прикладами винтовок... падали мёртвые, обняв красноармейца, и не отпускали, уже испустив дух...

...Мордвинцев и Стеблов из последних сил бежали по лесу. Бой кипел уже у них позади. Изредка откуда-то с боков слышались крики:

– Сто-ой! Руки вверх! Сто-ой! – и щёлкали частые беспорядочные выстрелы...

ТИТР: «ХЕЛЬСИНКИ, СЕВЕРНЫЙ КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ РОДИНЫ И СВОБОДЫ, февраль 1921 года...»

...Полковник Эльвенгрен сидел во главе стола, за которым расположились офицеры разных чинов. Эльвенгрен говорил неторопливо и весомо:

– Из всех моих встреч в Генеральном штабе Франции и встречи с представителями англичан я сделал один категорический вывод – они готовы помогать деньгами. Ни о какой военной помощи речи быть не может. Мы должны сами позаботиться об организации живой регулярной силы. Комитет возлагает надежды на остатки армии генерала Булак-Балаховича и генерала Перемыкина в Польше. Это более двадцати тысяч штыков. Польское правительство благосклонно согласилось не разоружать эти войска. В Сербии мы надеемся на совместные действия с остатками врангелевских войск из Крыма, которые сейчас возглавил генерал Михаил Кутепов. Это более ста тысяч штыков. Здесь – в Финляндии, Эстонии и Латвии – остатки армии Юденича. Это около сорока тысяч штыков. Но, господа, ни о каком новом военном вторжении в Россию речь не идёт. Наши французские и британские покровители категорически против.

– Конечно, они теперь надеются, что Советы заплатят им царские долги, – усмехнулся полковник Дзеркач.

– Наверное, так, но тем не менее... Они исходят из того, что Россию нельзя завоевать, но в России можно организовывать и поднимать восстания и таким образом продолжать вести гражданскую войну. Хотя Россия устала от гражданской войны – мы это видим

хорошо, – полковник Эльвенгрэн закурил папиросу на длинном мундштуке, пыхнул дымом, поправил стоячий ворот хорошо сшитого новенького мундира с серебряными погонами и многочисленными боевыми наградами на груди, продолжил неторопливо. – Многочисленные регулярные армии влекут за собой большие тылы. Закрепление фронтов повлечёт многочисленные реквизиции продовольствия у крестьян, что неизбежно повлечёт массовое недовольство тех же крестьян и рабочих. А вот восстания недовольного народа, доведённого большевиками до отчаяния, можно и нужно поддержать небольшими отрядами с боевыми преданными командирами. И вместе с восставшими дойти и до Петрограда, и до Москвы! – полковник Эльвенгрэн затаился и выпустил сильную струю дыма.

– Генералы Кутепов, Деникин и Врангель тоже так считают? – спросил сотник Некрашевич.

– Нет. Они считают, что нужно готовить большие войсковые соединения, конницу, артиллерию и вновь осуществить наступление через границу на Москву.

– Как же вы заставите их сотрудничать с нами, если они не поддерживают наши планы? – спросил казначий полковник Новиков.

– Жизнь заставит, – усмехнулся Эльвенгрэн. – Французы и англичане деньги дают не им, а нам. Это главное обстоятельство, согласитесь, не так ли? Во-вторых, генералы Кутепов и Врангель опираются только на своих офицеров, а мы сейчас в крепкой связи с Комитетом Бориса Савинкова и с другими влиятельными левыми эсерами и меньшевиками – здесь, в Финляндии и в Польше. В-третьих, мы ближе к Петрограду и Москве, и наших и людей Савинкова сейчас там больше. Мы владеем самой свежей информацией о событиях в России. А события там, господа, говорят нам, что наша установка на восстание сейчас верна как никогда...

– Пожалуйста, поподробней, господин полковник, – попросил полковник Дзеркач.

– Пожалуйста. В Петрограде и Москве – голод. Рабочие на грани объявления всеобщей забастовки. Полыхает восстание крестьян в Тамбовской губернии. Руководитель – Антонов. Мы установили с ним связь, и он будет благодарен за предоставленную помощь. Далее – положение в Кронштадте тоже на грани взрыва. Матросы всё громче и громче заявляют о своём неприятии политики коммунистов. А Кронштадт всегда был опорой большевиков, господа, и если они лишатся Кронштадта... Это же огромная огневая мощь, которая может от Питера камня на камне не оставить. Это больше пятнадцати тысяч военных моряков, не считая солдат фортов... – Эльвенгрэн сделал паузу, спросил тихо: – Представляете, какая это сила? А артиллерия фортов Красной Горки и Лисье-го Носа? – полковник Эльвенгрэн подошёл к стене, раздвинул шторы, открыв карту Северо-Восточной части России. Там крупно были обозначены и финский залив, и остров Кронштадт, и форты и побережье Финского залива перед Петроградом. – Только представьте себе – линкоры «Севастополь» и «Петро-

павловск» входят в Неву и высаживают десант моряков – Петроград будет у них в руках через час-полтора и практически без боя!

– Это я уже слышал. Жду, когда ваши слова Господь услышит... – пробурчал полковник Дзеркач.

– Господь услышит наши слова, если мы сами здесь дурака валять не будем, а будем действовать. Прежде всего нужно установить связь с активом революционно настроенных матросов и морских офицеров, выступающих против коммунистов, против Ленина и кремлёвского правительства. Им нужна будет типография для печатания листовок и воззваний. Мы можем предоставить им уже сейчас две типографии. Им нужны будут деньги – мы дадим им деньги. И наконец, им нужны будут решительные, опытные в военном деле офицеры – мы дадим им этих офицеров... – полковник Эльвенгрэн чеканил каждое слово, и звучали они, как приказ. – В Петрограде нами уже давно организован боевой отряд. В скором времени туда понадобятся добровольцы... Если поднимется Кронштадт, мы должны будем поднять вооружённое восстание в Петрограде...

...В кабинете Дзержинского ничего лишнего – два стола буквой «т», ряд стульев, на стене – карта бывшей Российской империи, исчёрканная стрелами, кружками и квадратиками, местами сплошь затущённая чёрным.

– На Путиловском и Невском созданы забастовочные комитеты, – говорил средних лет человек в чёрном пиджаке.

– Кто председатели забастовочных комитетов? Меньшевики? Эсеры? – резко спрашивал Дзержинский.

– На Путиловском – меньшевик Зальцман Иосиф, а на Михельсона... даже не знаю. Там такой шум стоял, два раза выбирали, отвергали, опять выбирали...

– А коммунисты что же? Большевики? – опять спросил Дзержинский.

– Тяжёлое у них положение, Феликс Эдмундович, врагу не пожелаешь. Жрать-то рабочим нечего, семьи голодают... А что им отвечать? Потерпите, братцы, потерпите?

– Именно так и отвечать! – отрезал Дзержинский. – Только с умом отвечать надо! Обещать надо! К апрелю положение с продовольствием будет нормализовано! Будет хлеб, будет мясо и молоко! Главное – успокоить людей, понимаете, о чём я говорю? Успокоить! Положение таково, что любая искра может взорвать пламя! У тебя что, товарищ Арсений?

– Я брюхом чую – там чего-то готовится, Феликс Эдмундович, – проговорил мужчина в чёрном пиджаке (Арсений), из-под которого была видна тельняшка. – На линкоре «Петропавловский» и особенно на линкоре «Севастополь» в открытую говорят о мятеже... Матросы, офицеры...

– Прямо-таки в открытую? – спросил Дзержинский.

– Недовольство повсеместное. Причина та же – голодные пайки. Разговоры – Врангеля добились, Крым

взяли, а жизнь всё хуже и хуже... – говорил чекист товарищ Арсений.

– Это моряки-балтийцы так говорят? – покачал головой Дзержинский. – Н-д-а...

– Так ведь старых кадровых моряков на флоте меньше четверти осталось, Феликс Эдмундович – всех вычерпали на гражданскую войну. А замена кто? По мобилизации все из деревень пришли. Те же крестьяне. И психология, как говорил товарищ Ленин, частнособственническая. Они и рады всё валить на коммунистов.

– А на кого же им ещё валить, дорогой товарищ Арсений? – усмехнулся Дзержинский. – Власть пока ещё у нас...

– Что значит «пока», Феликс Эдмундович? – усмехнулся Арсений.

– То самое, товарищ Арсений, что вы сейчас подумали, – тоже усмехнулся Дзержинский.

– А что я подумал? – так же весело спросил товарищ Арсений. – Вы же в душу умеете заглядывать, ну так скажите.

– Вы переспросили «пока», потому что не верите в нашу окончательную победу. Ведь не верите, так?

– Вы сомневаетесь в моей преданности революции?

– В вашей преданности революции я не сомневаюсь, товарищ Арсений, в нашей окончательной победе вы сомневаетесь.

– Меня за это следует расстрелять, Феликс Эдмундович? – улыбнулся Арсений.

– Ни в коем случае, дорогой, – тоже улыбнулся Дзержинский. – Вас расстреляют позже. После победы революции... А пока... Пока власть у нас, значит, мы за всё и в ответе. Или считаете, не так?

– Но ведь есть объективные причины, Феликс Эдмундович... – начал было товарищ Арсений, но Дзержинский перебил:

– Какие? Война? Разруха? Рабочим наплевать на это, когда речь идёт о хлебе! Ты власть? Значит, дай нам хлеба! Мы тебя защищали от разных Деникиных, Колчаков и Врангелей? Значит, обеспечь нам жратву! А иначе какая мы власть? – Дзержинский замолчал, добавил устало: – Иначе отдайте власть другим... Может, они народ накормят?

– Да кто накормит-то, товарищ Дзержинский? Кто накормит? – уже со злостью спросил товарищ Арсений. – Большевики? Эсеры? Скажете тоже! Кругом банды! Мятежи! Опять под Питером эшелон с хлебом подорвали! Две тысячи пудов как корова слизнула!

– Знаю... – устало ответил Дзержинский. – Что еще? У тебя что, товарищ Павел?

– Офицеры в Кронштадт пробираются, Феликс Эдмундович. Все мои агенты из Финляндии передают.

– А пограничники что?

– Да какие там пограничники, Феликс Эдмундович? Смехота одна! Они мимо пограничников прямо по льду через Финский залив прут, во как! И не боятся, сволочи.

– Морские офицеры?

– Всякие... Армейских больше. Кто от Юденича остался... Да и врангелевцев хватает... Там сейчас офицера – как клопов в старом диване. И надежду они не потеряли... У меня твёрдое убеждение, Феликс Эдмундович – в Кронштадте назревает мятеж. И полыхнуть может в любой день!

– Кронштадт, Кронштадт... – задумчиво проговорил Дзержинский. – Всегда был опорой революции... Всегда первыми в бой шли балтийцы... Сколько раз выручали...

– Да я ж говорю, всех повычерпали, – сказал товарищ Павел. – Сейчас первогодок почти три четверти. Деревенских. С кулацкой психологией. Да ещё письма им из родных мест идут. А там иной раз такого понаписано... – товарищ Павел безнадежно махнул рукой.

– А что же коммунисты? – спросил Дзержинский. – Сидят и смотрят, как зреет мятеж? Как эсеры и меньшевики и недобитая белогвардейская сволочь разлагают матросов? А потом опять силой давить будем? Опять братоубийство? Не многовато ли крови, товарищи? Ах, пся крёв, совсем не предполагал отсюда... Из Кронштадта возникнет угроза революции!

Воцарилось молчание. Товарищ Арсений сосредоточенно смолил самокрутку, потом сказал:

– Странно мне это слышать от председателя ВЧК... Неужто революция под такой угрозой?

– Если такой вопрос задаёт один из лучших наших чекистов, значит, действительно революция под угрозой, – усмехнулся Дзержинский. – И самое время сейчас подумать, какие меры будем предпринимать...

ТИТР: «ПЕТРОГРАДСКАЯ ГУБЕРНИЯ, январь 1921 года...»

...Поезд стучал и стучал колёсами в стылой мгле. Тусклая слепая луна плыла в морозном небе. Теплушка почти опустела, да и весь вагон почти наполовину был пуст. Кавторанг Игорь Ладейников достал из большого вещевого мешка краюшку хлеба, отрезал по толстому ломтю, развернул маленький узелок с солью, достал несколько варёных картофелин. Позвал:

– Кузьма, а Кузьма! Вылазь, поедим немного.

Под лавкой зашевелился Кузьма Бартнев, вылез, уселся на лавку напротив Ладейникова.

Мужчина в городском полупальто и шляпе посторонился и смотрел на хлеб и варёный картофель на полотенце на коленях Ладейникова. И кавторанг перехватил этот жадный взгляд, пригласил:

– Присоединяйтесь, пожалуйста, – он отрезал от краюшки ещё один ломоть и протянул мужчине в шляпе.

– Благодарствую... – мужчина снял шляпу, осторожно взял ломоть и стал медленно есть, откусывая по маленькому кусочку.

И Кузьма взял свой ломоть, тоже стал есть, и вдруг закашлялся, закрывая рот ладонью, потом отнял руку – на ладони был большой сгусток крови. Кузьма вытер кровь о свой кожух и продолжил есть хлеб.

– Ничего, Кузьма, на линкоре врач есть, он тебе поможет...

– Спасибо... – ответил Кузьма и вновь закашлялся.

– А вы из Питера в Кронштадт направляетесь? – спросил мужчина.

– В Кронштадт. А вы?

– А я в Питер. Сестра у меня там на Васильевском проживает... Может, примет... Жить, понимаете ли, не на что и работы нет...

– В Питере, насколько мне известно, тоже безработица, – сказал Ладейников.

– Тогда, право же, не знаю, что дальше делать... – растерянно проговорил мужчина.

– А вы по профессии кто?

– Бухгалтер... Я до революции работал в Орле на табачной фабрике купца Горохова... Кое-что скопил, на что и жил все эти годы... А потом как началось... Фабрику разгромили... И дом у меня сгорел. И казаки жену и дочку зарубили... Я просто чудом уцелел... А вот что дальше?.. И подумать боюсь. Вот теперь к сестре еду, примет ли? Ежели не примет, так ложись посреди улицы да помирай... Знаете, хоть и грешно православному человеку, но иногда жалею, что меня тогда казаки не зарубили... – и он надолго замолчал, старательно жуя кусок хлеба и глядя остановившимся взглядом в одну точку. Громко скрипели вагонные переборки, громко перестукивали колеса.

Другие пассажиры дремали, нахохлившись и кутаясь в шарфы и шали, запихнув руки в рукава пальто и шинелей – в вагоне было зверски холодно...

...От Питера до Кронштадта ехали на телеге прямо по заснеженному льду залива. Лошадь звонко цокала подковами по запорошенному снегом льду. Возчик, пожилой мужик – борода и усы белые от густого инея – дремал, уронив голову на грудь. Лошадь знала дорогу – наезженная колея тянулась, извиваясь, между льдистыми торосами.

По наезженной дороге спешили в обе стороны повозки, влекомые мохнатыми заиндеветшими лошадаками, фыркали и рокотали, плюясь клубами чёрного дыма, грузовики и автомобили, шли пешие люди, в основном матросы и красноармейцы батарей разных фортов.

А впереди в морозной мгле маячили тёмные громады боевых кораблей, полоска берега острова Кронштадт...

Недалеко от берега их остановил красноармейский патруль – двое солдат и командир в полушубке, перетянутом ремнями, с маузером на боку. Ладейников предъявил свою картонку.

Командир долго смотрел в неё, спросил:

– Из отпуска едете?

– Из отпуска.

– Понятно... А у него? – он указал на Кузьму Бартенева.

– Питерский. Бартенева Кузьма. Брат у него в третьем форте служит...

– Документ какой-то есть?

– Да какой у него документ? На Путиловском его документы. Болеет он. Хорошему врачу показать надо.

И словно в подтверждение слов Ладейникова Кузьма стал сильно и часто кашлять, сплюнул на снег ярко-красный сгусток крови. Командир и красноармейцы со страхом посмотрели на кровь, командир испуганно спросил:

– Ранение, что ли?

– Да нет... Воспаление лёгких у него... Кровью кашляет...

– Ладно, езжайте...

И они поехали дальше...

...Потом они шли узкими кронштадтскими улочками, мощёнными булыжником. Впереди – Ладейников с вещевым мешком за плечами, за ним, закрываясь в свой драный кожух от ветра, топал Кузьма Бартенева. Встречались компании матросов по три-четыре человека. Позванивала гитара и простуженный хмельной голос напевал:

*– «Ты, моряк, красивый сам собою,
Тебе от роду двадцать лет,
Полоби меня, моряк, душою,
Что ты скажешь мне в ответ?»*

*По морям, по волнам,
Нынче здесь, завтра там...»*

Торопились отдельные прохожие – женщины в шубках и пальто с меховыми воротниками, пожилые мужчины, почти все – в форменных морских шинелях без погон. Что-то несли в авоськах и кошелках, видимо, какие-то продукты... Возле магазина с заколоченными досками окнами и вывеской над дверью «Хлеб» тянулась молчаливая очередь из женщин и стариков... Прошли совсем немного и увидели ещё одну лавку с вывеской «Хлеб» и такую же очередь женщин и стариков, молчаливую и скорбную.

– У нас тут тоже скоро голодуха начнётся, – сказал Ладейников Кузьме. – Видишь, хлеб выдают по полфунта в день на человека...

Кузьма не ответил, только оглянулся на очередь...

...На звонок долго не открывали. Кузьма топтался на лестничной площадке, пол которой был выложен чёрно-белым кафелем, и он опасливо смотрел на свои грязные лапти и обмотки, потом стал озираться на две другие двери на площадке, тёмно-коричневые, морёного дуба. Наконец послышались быстрые шаги и лязгнул замок, дверь отворилась и на пороге возникла девчонка лет пятнадцати (Настя), ладненькая, с шустренькими глазами, с короткой модной причёской – аккуратной округлой чёлкой на лбу.

– Ой, папка, наконец-то! – и она, подпрыгнув, повисла на шее у отца.

– Ну-ну, успокойся... – Ладейников расцеловал дочь. – Знакомься, Кузьма Бартенева, попутчик. Ему пока негде жить и он пока побудет у нас.

– Настя, – девочка протянула руку Кузьме.

– Кузьма, – он осторожно пожал руку Насти.

А в коридор прихожей уже успела выйти дама средних лет в длинном глухом платье, с пуховой шалью на плечах. Это – Катерина Васильевна.

– Боже мой, наконец-то! – нараспев произнесла Катерина Васильевна, и они обнялись. Ладейников жадно целовал её лицо, волосы, руки.

– Катюша... Катенька... Боже мой, как я счастлив быть дома... Что может быть прекраснее родного дома?

– А мы уж и не знали, что думать! – громко говорила Настя. – Там что, на Украине, до сих пор война? Мы решили, что тебя Махно в плен захватил!

– Настя... – мать укоризненно взглянула на дочь.

– А что? Я правду говорю! – обиделась Настя.

– А где вторая анархистка? – спросил Ладейников. – Где наша Александра?

– В гостях, – ответила Настя. – У Танечки Берестовой сегодня день рождения. А у нас тоже гости.

– А тебя не взяли? – улыбнулся Ладейников.

– Больно надо! – нахмурилась Настя. – У меня своя компания.

– Катюша, это Кузьма Бартенев, – представил Ладейников. – Его брат на моём линкоре служит. Он у нас пока поживёт. Его помыть надо, одежду ему какую-нибудь подбери, сапоги... У него правое лёгкое в двух местах прострелено, кровью кашляет... Слава Богу, навылет... Может, поправится. Ты посмотри его.

– Пойдёмте, Кузьма, я помогу вам... – сказала Катерина Васильевна.

– Куды идти-то? – робко спросил Кузьма.

– В ванную пойдёмте. Я сейчас воды подогрею. Пойдёмте, не стесняйтесь!

И Катерина Васильевна увела Кузьму в узкий коридор, открыла дверь в ванную, и Кузьма вошёл внутрь, хозяйка зашла за ним.

А Ладейников в сопровождении дочери пошёл по другому коридору – впереди были открыты двери в большую гостиную. На стенах висело много фотографий в застеклённых рамках, и на них изображены были в большинстве морские офицеры. Пожилые и молодые, с дамами, на полянах, с теннисными ракетками, на палубах боевых кораблей... Когда Ладейников и Настя вошли, из-за стола под накрахмаленной белоснежной скатертью поднялся человек лет сорока (Белецкий) в тёмном морском мундире без погон, с аккуратной окладистой бородой и тщательно закрученными стрелками усов.

– Здравия желаю, товарищ командир линкора! – весело отрапортовал Ладейников. – Несказанно рад видеть вас, и особенно в моём доме!

– Взаимно, Игорь Сергеич, взаимно... – они долго трясли друг другу руки.

– Чаи гоняете? В самый раз! Ужасно соскучился. И жрать хочу, Катерина, сил нету. Принеси-ка мой «сидор» из прихожей!

Катерина Васильевна, вошедшая было в гостиную, ушла снова и скоро вернулась с вещевым мешком.

Ладейников грохнул мешок на стул, развязал и стал доставать гостинцы.

– Держите, братцы, гостинцы с ридной Украины...

На стол лег свёрток – большой кусок сала, ещё один кусок в промасленной тряпице – тоже сало, только тёмно-коричневое.

– Это сало просто солёное, а это – копчёненькое и солёное. Просто объедение! – говорил Ладейников. – А это – козий сыр, господа...

– Товарищи, – поправила его Катерина Васильевна.

– Да-да, прошу прощения, товарищи, конечно... Замечательный козий сыр, вкусный и полезный. Боже мой, скольких нравственных и физических сил мне стоило не сожрать всё это по дороге! Но я каждый раз вспоминал ваши измождённые бледные лица, вспоминал лицо матушки, её сияющие глаза и слышал голос: «Игорёчек, свет мой, только не вздумай слопать всё в дороге. Я тебя, слава Богу, знаю! Я Кате письмо напишу, где подробно перечислю всё, что ты должен привезти!» – Ладейников рассмеялся. – Матушка сама выбирала на базаре и отдала за всё это два платья, две крепдешиновые блузки, две кофты и дивные хромовые сапожки, в которых она ходила ещё в гимназию!

– Ты бессовестный мародёр! – всплеснула руками Катерина Васильевна. – Ты обобрал маму, и ещё хвастаешься!

– Катюша, это всё по её настоянию. Она хотела, чтобы я вернулся домой с подарками.

– Как здоровье любезной Лизаветы Трофимовны? – спросил Белецкий.

– Она когда меня увидела, сразу выздоровела, честное слово. А когда я уезжал, я понял – сразу начнёт хворать. Звал её с собой – наотрез отказалась. Говорит, здесь не так голодно, и я смогу вам помогать... А что, Катюша, под такое сальце... у нас водочки не сохранилось?

– Ты сначала умойся, а я всё быстро приготовлю...

– Это сало? То самое? – Настя проворно отрезала ломтик, сунула в рот, пожевала, зажмурилось. – Какое солёное... но вкусное...

– Тут ещё в банках мочёные яблоки, солёные огурчики, связка баклажанов, муки пять килограмм. Какое, а? – Ладейников победоносно посмотрел на жену, потом на дочь, потом на Белецкого.

– Дай я тебя поцелую, – Катерина Васильевна обняла его, поцеловала в губы. – Иди, умывайся, а я всё приготовлю... Яков Иваныч, я надеюсь, вы не откажетесь поужинать с нами?

...Кузьма помылся и теперь растирался большим махровым полотенцем. Вода в ванной после мытья была вся в чёрных разводах. Кузьма со страхом смотрел на грязную воду, на свою всклокоченную башку и красную морду. Раны на груди и спине были закрыты тампонами и тщательно заклеены.

Дверь открылась и вошёл Ладейников:

– Ну что? Как успехи?

– Куды теперь воду-то девать? Грязная же... Прямо чёрная...

– Ничего, дело поправимое, – Ладейников выдернул затычку, и вода с шумом стала уходить.

Из бельевого шкафа Ладейников достал кальсоны и нательную рубаху, протянул Кузьме.

– Одевайся. Сейчас верхнее тебе принесу.

– Спасибо вам великое, Игорь Сергеич. Без вас я бы сюды не добрался никогда...

...И вот они уже сидят за круглым столом под белой крахмальной скатертью, освещённым большой керосиновой лампой под зелёным абажуром с кистями, висящей над столом, и перед каждым – тарелка и приборы: два ножика, две вилки, какие-то ложечки и рогульки, на которые со страхом смотрел Кузьма, не зная, за какой предмет взяться. Он был в тёмной рубахе-косоворотке и чёрном пиджаке, влажные после ванны волосы кое-как приглажены.

Все уже выпили водки и теперь закусывали горячей картошкой, маленькими дольками сала и мочёными яблоками, и Ладейников говорил, жуя:

– Если ещё год назад большевики видели врага воочию – это была Добровольческая армия Деникина, это был Колчак на востоке и Юденич на севере, то теперь враг у большевиков везде... По всей России... Во всех губерниях восстания – крестьяне убивают продотряды, убивают представителей власти, комиссаров, чекистов... Украина наводнена бандами – Махно, какой-то Наливайко, какой-то Мельник и прочие, прочие... Ужас весь в том, что они не только с большевиками воюют! Они остервенело и друг дружку уничтожают... Более всего страдают от этой всеобщей войны крестьяне. Голодает вся центральная Россия, голодает Украина, говорят, в Поволжье тоже голод... И в довершение ко всем напастям во всех губерниях свирепствуют продотряды. У крестьян забирают всё, вплоть до гнилой картошки. Фактически обрекают людей на страшную голодную смерть... В общем, посмотрелся и наслушался таких ужасов, что... – Ладейников положил вилку, достал папиросы и закурил.

– Но сало и козий сыр всё же привезли, – не без ехидства вставил Белецкий.

– А это, я думаю, тоже из награбленного... У кулака кое-что осталось. Где комиссаров убивают, у крестьян ещё кое-что есть. Везут поскорей на базары – продать, обменять... – Ладейников взглянул на Кузьму. – Вот, полюбуйтесь, Яков Иваныч. Кузьма Бартечев с Тамбовщины. Кто у вас там восстанием заправляет, Кузьма?

– Антонов...

– Он кто? Из белых офицеров?

– Нет. Он из бывших милиционеров. Он наш, тамбовский, из села Горюхино...

– У этого Антонова целая армия, да-да, натуральная армия, с пушками. Идут настоящие бои. И против Антонова – регулярная Красная Армия. Командует герой гражданской войны господин, то бишь товарищ Антонов-Овсеенко. Большевики заложников расстреливают сотнями, выжигают целые деревни... Грудных детей бросают в колодцы...

– Как это – детей в колодцы? – оторопело спросил каперанг Белецкий. – Вы шутите?

– Вы полагаете, я способен на подобные темы шутить? Расскажи им, Кузьма...

– А чего рассказывать-то? – Кузьма хмуро смотрел в стол. – Окружили деревню и стали из пушек палить. А потом всех перед церковью согнали и стали расстреливать. Ежели на руках следы пороха али масла ружейного увидят – сразу стреляют... И баб-молодух постреляли. Они мёртвые лежат, а детишки малые на руках у них плачут... Тогда самый старший приказал: «Покидайте их в колодец, чтоб не орали!» Ну, солдаты и покидали... – и Кузьма вдруг стал глухо кашлять, стараясь сдержаться, зажимал рот ладонью, но кашель прорывался, сотрясая всё тело.

Когда он отнял руку ото рта, ладонь была полна крови. Потрясённая Настя смотрела на эту кровь, тихо вскрикнула:

– Ой, мамочка...

– Салфетку возьми, салфетку, – Ладейников схватил со стола крахмальную салфетку, сунул в руку Кузьме, но тот положил салфетку на стол, поднялся и вышел из гостиной.

– Вот так-то, господа-товарищи, – пробормотал Ладейников. – После всех этих экзекуций из всего населения деревни в живых осталось не более десятка человек, да и те... не жильцы, я думаю...

– Я не понимаю... – проговорил оглушённый Белецкий. – Я не понимаю...

– Я тоже, – мрачно ответил Ладейников. – А ты, Катюша? Ты что-нибудь понимаешь? А ты, Настенька?

Мать и дочь словно лишились дара речи.

– Найдите мне человека, который хоть что-нибудь понимает?! – в ярости закричал вдруг Ладейников, ударил кулаком по столу, вскочил и заходил по гостиной. – Что происходит в России – кто-нибудь понимает?! Мы же образованные люди! Корабли водим! Сталь варим! Аэропланы строим! Железные дороги строим! Романы сочиняем! Стихи, поэмы, мать твою! Почему же мы ничего не понимаем?! Почему мы не понимаем самых простых вещей?! Что такое хорошо и что такое плохо! Почему мы не понимаем, что нельзя кричать на митингах: «Да здравствует счастье трудового народа!» – и расстреливать сотнями заложников! Бросать детей в колодцы! Ну почему мы этого не понимаем-е-ем?!

– Не надо истерик, Игорь Сергеич, – спокойно проговорил Белецкий. – Моряку это не подобает...

– Хорошо, объясните мне без истерик, – успокоившись, сказал Ладейников, остановившись перед Белецким.

– Я сказал – я не понимаю, – пожал плечами Белецкий.

– Ну, разве вам в детстве мама с папой не объясняли, что такое хорошо и что такое плохо? Разве священник на исповеди не говорил вам, что такое хорошо и что такое плохо?

– То, что с одной точки зрения хорошо, с другой точки зрения может быть плохо, – ответил Белецкий.

– Это казуистика! Это логические выверты! Это бесовство! – с тихой яростью говорил Ладейников.

– А бесы – это большевики, – вдруг нарушила молчание Настя.

– Настя! – крикнула Катерина Васильевна. – Прекрати немедленно! Что за выходки?!

Настя резко встала, быстро вышла из гостиной, вдруг заглянула обратно:

– Я знаю, скоро будет новая революция! И большевиков прогонят! – и Настя с грохотом закрыла дверь в гостиную.

Все молчали. Ладейников налил из синего штофа водки себе и Белецкому, чокнулся с его рюмкой и молча выпил. Белецкий к своей рюмке не прикоснулся.

– Видишь, Игорь Сергеич, дочь у тебя умница – ты не понимаешь, а она уже понимает.

– Боже мой, как я устала от всего этого... – со слезами в голосе проговорила Катерина Васильевна, качая головой. – Три с половиной года мы живём как на вулкане... Когда это кончится?

В прихожей послышался шум, хлопнула входная дверь и в коридоре застучали каблуки, потом раздался пронзительный крик:

– Мама-а!

– Господи, это же Александра вернулась! – мать вскочила и выбежала из гостиной и скоро вернулась в сопровождении девушки лет пятнадцати (это и есть анархистка Александра) и Кузьмы Бартенева.

– Игорь, представляешь, Александра заходит в ванную и видит там незнакомого страшного мужика! – весело сообщила Катерина Васильевна.

– Разве он страшный, Саша? – с улыбкой спросил Ладейников.

– Ой, папка, как я рада тебя видеть! – Александра бросилась к отцу, обняла его, поцеловала. И вдруг бросила взгляд на стол. – Ой, а что это вы тут едите? Бесовестные! Весь Кронштадт на паёк существует, а у них... Буржуи! – она подлетела к столу, схватила мочёное яблоко, откусила, стала громко жевать. – Это бабушка прислала, да?

– А кто же ещё? – сказал Ладейников. – Я ей рассказал о твоих политических взглядах, и она пришла в ужас.

– Почему? – с набитым ртом спросила Александра.

– Сказала, у них на Украине уже есть анархист, Махно зовут – он всю Украину замучил.

– Махно делает много грубых ошибок, – вновь надкусывая яблоко, сказала Александра. – Настоящие анархисты отреклись от него!

– Зато народные массы за него горой! Даже большевики его в союзники позвали, – усмехнулся Ладейников.

– Вот-вот. Сперва героем сделают, потом врагом объявят... – сказал Белецкий.

– Это называется политика, – ответил Ладейников.

– Пожалуй, мне пора домой, – Белецкий поднялся. – Катерина Васильевна, разрешите откланяться.

Благодарю за прекрасный ужин. Милые девицы, разрешите откланяться. До следующих приятных встреч.

– Приходите, Яков Иваныч, мы все всегда рады вас видеть, – сказала Настя.

Белецкий пожал руку Кузьме, сказал:

– На линкоре у нас врач хороший. Игорь Сергеич приведёт вас, может, поможет...

– Мне бы брата Прохора повидать, – неуверенно проговорил Кузьма.

– И Прохора повидаете...

Белецкий и Ладейников вышли в прихожую. Ладейников открыл дверь. Белецкий задержался. В полумраке остро блестели глаза.

– Жена твоя права, Игорь Сергеич, – сказал Белецкий. – Три с половиной года мы живём, как на вулкане. Когда-то это должно кончиться...

– Хотелось бы знать, когда, – вздохнул Ладейников.

– Отпуск у тебя когда кончается? – спросил Белецкий.

– Ещё три дня могу побыть с семьёй...

– Постарайся послезавтра прибыть на корабль... – и Белецкий вышел на лестничную площадку.

Ладейников не торопился закрыть дверь, смотрел, как командир линкора медленно спускается по лестнице...

ТИТР: «МОСКВА, КРЕМЛЬ, февраль 1921 года»

...В кабинете Троцкого – Дзержинский, Тухачевский, Фрунзе и Сталин. Сам Троцкий сидел за письменным столом, Дзержинский стоял у карты Петроградской губернии и побережья Финского залива.

– За последние две недели подорваны три эшелона с хлебом, которые шли в Петроград и Москву, – говорил Дзержинский, показывая рукой на карте. – Диверсии совершены вот здесь, здесь и здесь. Вблизи села Поповка... Стародубцево и в двадцати верстах от Бологого.

– Эшелоны охранялись? – спросил Троцкий, поднимаясь из-за стола и подходя к карте.

– Да. Но охраны мало, она не в состоянии защитить эшелон – нападают большими группами и в первую очередь взрывают железнодорожное полотно.

– Кто это? – спросил Троцкий, глядя на карту. – Недобитые белогвардейцы? Крестьяне?

– Крестьяне, Лев Давидович...

– Значит, надо прочесать все окрестные сёла! – резко проговорил Троцкий. – Взрослых мужчин арестовать! У кого найдут хлеб – расстреливать на месте!

– У меня нет боеспособных воинских частей, Лев Давидович. – То, что у меня есть – не хватит на охрану одной дороги Петроград–Москва. Только по Петроградской и Московской губернии совершено восемнадцать нападений на продовольственные отряды. Мы потеряли девяносто два бойца...

– Тухачевский, у вас есть воинские части? – Троцкий повернулся к Тухачевскому.

– Откуда, Лев Давидович? Вы же сами знаете... – развёл руками Тухачевский. – Антонов-Овсеенко всё время резервы требует – на Тамбовщине настоящая война идёт. В Крыму до сих пор беспокойно... На Украине банды плодятся, как крысы... На Дону... На Кубани... И везде войска требуют...

– Везде войска требуют... – задумчиво проговорил Троцкий и медленно пошёл по кабинету, заложив руки за спину. – Везде войска требуют... Вы ещё про Поволжье забыли, товарищ Тухачевский. И про Сибирь... И про Дальний Восток...

– Надо срочно отозвать Антонова-Овсеенко из Тамбова, – сказал Дзержинский. – И направить его в Петроград.

– Нельзя, – отрезал Троцкий. – Там в самом разгаре боевые действия... Задействованы две дивизии штыков, все латышские и мажарские батальоны. Даже Первую Конную не можем использовать. После польского похода не можем восстановить её боеспособность...

– Тамбовские крестьяне страшнее белой армии Деникина и Врангеля? – усмехнулся Сталин. Он говорил с сильным кавказским акцентом, держа в руке потухшую папиросу.

– Выходит, так, Коба, – зло посмотрел на него Троцкий. – Можем вас направить на Тамбовщину, хотите?

– Партия направит – я готов поехать, – ответил Сталин. – Но думаю, надо смотреть в корень происходящего.

– Вы смотрели? – усмехнулся Троцкий. – И к какому же выводу пришли?

– Я хотел бы знать, что думает по этому поводу товарищ Ленин, – нахмурился Сталин. – Что он думает о политике военного коммунизма, который проводит партия...

– Я давно считаю – нужно разрешить деятельность мелкому частному собственнику! – сказал Троцкий.

– А потом и среднему частному собственнику? – спросил Сталин. – А потом и крупному? Зачем тогда революцию дэлали, товарищ Троцкий? Зачем тогда гражданская война идёт?

– А вот именно для спасения революции! – резко перебил Троцкий.

– Революция не должна спасаться, – возразил Сталин. – Революция должна побеждать.

– Уважаемый... товарищ Коба, – едва сдерживая ярость, проговорил Троцкий. – Ваш победоносный талант вы прекрасно проявили вместе с товарищем Будённым в польском походе... Сколько поляки у вас в плен взяли? Сто восемнадцать тысяч красных бойцов? А сколько вы убитыми потеряли?

– Спросите об этом Тухачевского, – спокойно ответил Сталин. – Он планировал поход на Варшаву... вместе с вами, кажется, Лев Давидович...

– Да как вы смеете мне такое говорить?! – чуть не до визга повысил голос Троцкий и шагнул к Сталину, сжав кулаки.

Сталин стоял неподвижно, спокойно смотрел на Троцкого.

– Прекратите бессмысленные пререкания, товарищи! – резко проговорил Дзержинский. – У нас нет времени на склоки!

– Я считаю, всю обстановку нужно доложить товарищу Ленину. И немедленно, – сказал Сталин. – Немедленно.

– И всё это происходит накануне съезда партии! – почти кричал Ленин, указывая на большую карту бывшей Российской империи, висевшую почти на всей стене.

Это был кабинет Ленина, и в нём находились, кроме хозяина, Троцкий, Дзержинский, Сталин и Зиновьев.

– О каких успехах мы будем докладывать делегатам?! – вновь зло и пронзительно вопрошал Ленин.

– Из Крыма выброшены остатки врангелевцев! – сказал Троцкий. – Добиваем остатки банд Махно на Украине. Покончено с армией Колчака и с самим Верховным правителем. Блюхер на Дальнем Востоке наступает... Революционные войска заняли Архангельск и Кольский полуостров и вошли в Мурманск. Не понимаю, Владимир Ильич, разве нечего докладывать съезду? – с ноткой обиды произнёс Троцкий.

– Да, да... – покивал Ленин, прохаживаясь по кабинету и заложив большие пальцы рук за жилетку. – Кругом одни победы, а положение наше всё хуже и хуже... Вы не считали, сколько мужицких восстаний по России?

– Не считал, Владимир Ильич, – ответил Троцкий. – Но этого следовало ожидать. Это реакция кулака на продразвёрстку и на изъятие излишков хлеба. Кулак не хочет везти хлеб в город – приходится изымать. Вы сами были инициатором этой идеи, Владимир Ильич.

– Вот именно – был! – Ленин повернулся к Зиновьеву. – Ну те-с, и что же в Питере?

– Петроград на грани всеобщей забастовки, Владимир Ильич, – сказал Зиновьев. – Дневной паёк хлеба по талонам сокращён до осьмушки. Рабочие голодают. На заводах митинги, где открыто высказывается недовольство политикой большевиков. Появился лозунг «За Советы, но без коммунистов»... Появились листовки контрреволюционного содержания. Подпольную типографию обнаружить пока не удалось. Чекисты почти каждый день арестовывают бывших белогвардейских офицеров. Прибыли в Петроград из Финляндии и Польши...

– Так что будем делегатам докладывать, Лев Давидович? Ваши победные реляции или то, что сообщает нам товарищ Зиновьев?

– И то и другое надо докладывать... – пожал плечами Троцкий. – Конечно, можно доложить делегатам, что политика, проводимая нами, провалилась, что мы не видим выхода из сложившегося положения, и тогда... решением съезда нас отстранят от руководства партией и государством.

– И правильно сделают! – крикнул Ленин и вновь заходил по кабинету. – Перегнули палку! Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт!

– Эта народная поговорка применима не только ко мне, Владимир Ильич, – сказал Троцкий.

– А я ни с кого вины не снимаю! В том числе и с себя! – ответил Ленин.

– Из Кронштадта поступают тревожные сигналы. Ну, об этом лучше Феликс Эдмундович знает... – сказал Зиновьев.

– Ну те-с... – Ленин остановился перед Дзержинским. – Что же там, в Кронштадте?

ТИТР: «КРОНШТАДТ, февраль 1921 года»

...На баке линкора «Севастополь» собралась почти вся команда. Матросы стояли тесно, тянули головы, чтобы получше рассмотреть. Офицеры стояли группой, чуть сзади и сбоку. И среди них были Игорь Сергеевич Ладейников и командир линкора Яков Иванович Белецкий. Офицеры почти все молчали, смотрели без всякого выражения на лицах.

На возвышении стоял стол, покрытый красной материей, за столом сидели трое матросов и ещё один в расстёгнутом бушлате выступал, стоя у стола. Он говорил резко и отрывистыми фразами:

– Боеспособность флота падает, так? Любому слепому видно. Опытных канониров нету! Машинистов нету! А куды харчи деваются? Комиссары по своим кабинетам растаскивают, с блядьми водку жрут, колбасой закусывают! Свояк из Питера пишет – там комиссары заставляют денщиков сапоги им сымать, это что? Хужей старорежимных порядков!

– Да врёт твой свояк! – перебивает другой голос из толпы. – Или ты врешь! В Питере тоже жрать нечего – не хуже меня знаешь! Хлеба по осмущке выдают.

– А куды ж он подевался, хлебушек-то? – живо спросил оратор (Савостьянов Михаил – военмор линкора), – Раскольников приезжал, соловьём пел – идут эшелоны с хлебом! Мясо везут! Молоко везут! Картошку везут! А где всё это? Нет, пуцай ответят комиссары-коммунисты! Где продовольствие?

– Да я вот вчера письмо из деревни получил! – к столу стал проталкиваться молодой матрос с бумагой, зажатой в кулаке. – Всё выгребли, всё! Семенное зерно подчистую выгребли – весна придёт, что сеять крестьянин будет? Какие гады такое творят? Комиссары! Продотряды! Отец пишет, до весны не доживут – с голоду подохнут!

Он встал рядом с Михаилом Савостьяновым, показал всем развёрнутые исписанные листки:

– Вот пишет отец! У меня там трое братьев и две сестрёнки! Мать! Дядька на гражданской загинул! Советску власть защищал! Отец тоже – без руки с фронта пришёл! А теперь что? Всем с голоду подыхать? На хрен мне такая власть?!

– Да я такое же письмо третьего дня получил! Сестра пишет – коровёнку единственную продотрядники увели! За куриями полдня по двору бегали, стреляли!

– А в партячейках жратва есть! Где коммунисты пайки получают?! Втихаря, за закрытыми дверьми едят, так, да?!

– А кто у нас тут коммунисты? Нехай ответят!

– Ну я коммунист. Член ВКП(б) с восемнадцатого! – к столу проталкивается ещё один моряк. – Много вы видели, чтоб я за дверьми сало трескал?!

– И я коммунист!

– И я!

– А меня что, не знаете, братцы? Я тоже с восемнадцатого член ВКП(б)! Когда я другой паёк получал? Что все едят, то и я ем! Кому я приказывал сапоги мне сымать? Сдурели, да? Это вам меньшевички в уши старую песню поют! Это всё сволочь эсеровская воду мутит!

– Да заткнись ты, член ВКП(б) с восемнадцатого! Где ты новую обмундировку получил? А я вот в старой уже второй год хожу!

– А почему ты при оружии, а нам запретили? Вон у тебя револьвер на поясе висит, а мне приказали личное оружие сдать! Не доверяют коммунисты морякам-балтийцам! Оружие поотбирали, под замок закрыли! А сами, вона, маузеры да револьверы на боку таскают! Чекисты везде шастают, слушают, а после доносы в Москву Дзержинскому строчат!

– А потом стрелять начнут! У ЧК не заржавеет!

– Стопори, товарищи! – закричал, перекрывая всех, матрос Савостьянов. – Мы должны всем собранием моряков линкора принять решение – требуем, чтобы начальник Балтфлота Раскольников и комиссар Балтфлота Кузьмин лично явились на наше собрание и дали категорические ответы по поводу текущего политического момента и как нам – морякам-балтийцам и всему трудящемуся народу – жить дальше, потому как никакого просвета мы не видим! Голосуем или как?

– Голосуем! – выкрикнули сразу десятки голосов.

– Тогда кто «за», поднимайте руки!

Вырос лес рук.

– Кто против?

Поднялось десятка полтора рук.

– Конечно, коммунисты против! – насмешливо проговорил Савостьянов. – Видал, Петриченков, а ты ещё надеялся, что коммунисты вместе с народом!

Раздался дружный смех...

– Предлагаю! – вновь выбросил вверх руку матрос Савостьянов. – Создать Временный революционный комитет, чтобы этот комитет поставил категорический вопрос перед Правительством Республики Советов! Долго ещё коммунисты будут гробить нас?! Пусть уйдут из власти! Хватит мучить трудовой народ! Поддерживаете?!

– Поддерживаем! – взревела толпа моряков.

Большинство офицеров тоже согласно махали руками, но не кричали. Ладейников стоял неподвижно, хмурился.

– Предлагаю! – вновь закричал Савостьянов. – Председателем Временного революционного комитета выбрать Сергея Петриченкова! Сергей Михалыч, ходи сюда! – закричал Савостьянов. – Давай, давай!

Из толпы матросов вышел военмор средних лет (Петриченков), встал рядом с Савостьяновым.

– Вы все нашего стармеха знаете! У него машинное отделение как часы Буре работает! Он наши мысли полностью поддерживает! Он наш! Вы его все знаете! Он честный военмор! Он душой за трудовой народ! За его счастье! Он сам из трудового народа! И ещё предлагаю! Обратиться ко всем морякам Кронштадта! Ко всем экипажам линкоров, крейсеров, эсминцев и катеров! Ко всем батареям Лисьего Носа и Красной Горки! И к другим экипажам! Поддержите нас! И тогда коммунисты поймут, что революционные моряки Балтийского флота не согласны с ихней политикой! Голосуем, товарищи! За Советскую власть без кровопийц-коммунистов! Кто за – поднимайте руки!

И вновь лес рук вырос на палубе огромного железного корабля. Раздались возмущённые крики коммунистов:

– Вы что делаете, дуры головы? Это измена революции!

– Одумайтесь, балтийцы! Вам крови мало?!

– Они думать будут, когда сюда Чека нагрянет! И трибуналы заработают!

– А мы их под лёд спустим, Чека ваше вместе с трибуналами!

– Не нравится, да? В штаны наложили?! Тогда двигайте с корабля, покудова не поздно!

Толпа моряков бурлила и волновалась.

– Прошу выдвигать кандидатуры в члены Революционного комитета! – кричал Савостьянов.

– Бориса Огромнова!

– Николу Квартальева!

– Фёдора Коптелова!

– Прошу голосовать, товарищи! Как будем голосовать? Всем списком сразу или по отдельной кандидатуре?

– Ежели они согласные, давай списком сразу!

Вновь вырос лес рук.

– Давай, Петриченков, веди дальше, – Савостьянов подтолкнул Петриченкова к столу. – Предлагай командира...

– А он согласится? – тихо спросил Петриченков.

– Разговор с ним был... Он, как и мы все, тоже против коммуняка...

– Предлагаю в члены Революционного комитета нашего командира линкора Якова Иваныча Белецкого!

Мгновенно стало тихо. Матросы вертели по сторонам головами, пытаясь увидеть в толпе командира Белецкого. Наконец увидели – он стоял с краю и рядом с ним несколько офицеров, среди которых и кавторанг Ладейников. Белецкий скользнул глазами по лицам офицеров, задержался на Ладейникове. Тот усмехнулся. Белецкий нахмурился, тронулся с мест, пробираясь в толпе матросов.

И вот он медленно вышел к столу. Средних лет человек в офицерской шинели без погон, короткая окладистая борода, закрученные стрелки усов, набрякшие мешки под глазами. Он снял фуражку и ладонью пригладил коротко остриженные волосы, вновь надел фуражку.

– Я так полагаю, што командира вся команда знает и уважает? – полувопросительно произнёс Петри-

ченков, и в ответ раздался дружный смех, и сам командир сдержанно улыбнулся.

– Пуцай командир слово скажет! – крикнул голос и сразу десятки голосов загалдели:

– Давай, командир, скажи! Какая твоя платформа?! За Советскую власть али против?! Говори давай!

– Я ещё в семнадцатом свой выбор сделал, товарищи матросы и командиры, – подождав, пока гвалт стихнет, заговорил Белецкий. – Я за Советскую власть!

Толпа взорвалась аплодисментами, свистом, криками:

– Правильно, командир! Так держать!

– Но за эти годы позиция моя изменилась, товарищи матросы и командиры! Может быть, она кому-то не понравится! Но я скажу! Я за Советскую власть, но без коммунистов! Ибо они узурпировали власть! Привели страну к кровавой войне! Довели Россию до голода! Обрекли крестьян на вымирание! Россия не простит коммунистам зверства военного коммунизма! Не простит трибуналов и самодурства Чека! И потому я говорю вам – да здравствует Советская власть без коммунистов! Долой власть Чека и коммунистов!

– Долой! – взревела толпа матросов. – Ур-ра-а!!

Среди офицеров кричали несколько человек, Ладейников и ещё трое молчали, оглядываясь по сторонам. Иногда встречались взглядами, усмехались.

– Что-то я побаиваюсь этого революционного энтузиазма, – сказал мичман Слепцов. – Нечто подобное я слышал, когда свергали царя... Потом – когда свергали Временное правительство...

– Бог троицу любит, мичман, – сказал Ладейников.

– Предлагаю! – вновь кричали почти одновременно Петриченко и Савостьянов. – Известить экипажи всех кораблей и гарнизонов Кронштадта, Красной Горки и Лисьего Носа о том, что на линкоре «Севастополь» создан Революционный комитет! И тогда мы возьмём власть в Кронштадте в свои руки!

– Ур-ра-а!! – вновь взревела толпа. – Даё-ё-ёшь!!

Медленно сгущались сумерки. Вспыхнули прожектора на мачтах и орудийных башнях.

Жерла тяжёлых башенных орудий грозно смотрели в заснеженную даль...

(Конец второй серии)

СЕРИЯ 3

В матросской столовой линкора Кузьма сосредоточенно ел пшённую кашу с кусками воблы. Брат – военмор Прохор – смотрел на него, чего-то ждал. Вокруг сидели моряки и тоже ели кашу. Когда Кузьма стал поскребывать ложкой по дну котелка, Прохор подвинул Кузьме свой котелок:

– Рубай давай.

– А ты?

– Рубай, говорю, – злым голосом приказал Прохор, подвигая к Кузьме большую кружку с тёмной жидкостью. – И чаем запивай...

Кузьма послушно стал есть.

Другие моряки громко стучали ложками о котелки, откусывали хлеб, запивали из больших деревянных кружек чаем.

– Что ж вы в лес-то не убёгли, когда узнали, что солдаты идут? – вдруг спросил Прохор. – Сидели, как телята, и смерти ждали?

– Да кто ж знал, што они газом травить будут? Думали, – ну обшарят все подполы, последнее заберут... Ну, оружие, какое было – заберут... Да куда бежать-то? Деревню-то оцепили – мышшь не проскочит...

– И всех?

– Вроде всех... Не знаю, может, с десятков мужиков оклемались, што покрепче... Вроде меня...

– Н-да-а... – Прохор сжал кулак, тихо пристукнул по столу, огляделся по сторонам. – Пирог с гвоздями... Эй, братва, двигай ко мне поближе! Брательник мой из села приехал! Послушайте, что рассказывает! Что большевики с крестьянством вытворяют! Давай к нам ближе!

Матросы медленно подходили к столу, за которым сидели Прохор и Кузьма, рассаживались. Многие на ходу ели кашу. Скоро мест за столом не было, и матросы останавливались вокруг стола.

– Чё там? Чё Бартенев шум поднял?

– Да брательник к нему из села приехал. Вроде, с Тамбовщины...

– А чё там, на Тамбовщине?

– Да крестьяне спроть властей бунтуют, не слышал разве?

– Да чё-то ребята болтали...

– Да там такая заваруха – целую армию усмирять послали...

– Ого! Стало быть, заваруха сурьезная!

– Ну давай, трави, чё там стряслось, Прохор!

Толпа матросов обступила братьев Бартеневых... Кузьма хотел было что-то сказать, но кашель вновь захлестнул его, сотрясая всё тело. Кузьма хрипел и сплёвывал кровь в ладонь.

Матросы оцепенели от вида крови.

– Чё это он так-то? Туберкулёз, что ли?

– Ага! – зло выкрикнул Прохор. – Товарищи коммунисты его наградили! Шрапнель это! Брательник мой говорить не может, так я сам расскажу! Подгребай ближе, братва! Всё расскажу!

...Перед полустанком поезд замедлил ход, и было видно, как из леса выскочили две фигуры, быстро вскарабкались на насыпь и побежали рядом с вагонами, протягивая руки к поручням. Несколько раз они цеплялись, подпрыгивали, но срывались, падая на насыпь в угрожающей близости от колёс. Наконец одному удалось уцепиться и подтянуться. Он повис, упёршись ногами в ступени и держась руками за поручень. Теперь можно было узнать в этом человеке бывшего ротмистра Николая Мордвинцева. Он посмотрел на тяжело бегущего по насыпи полковника Стеблова, крикнул:

– Давай! – и протянул вниз руку.

Полковник ухватился за эту руку и подпрыгнул, и в ту же секунду Мордвинцев из всех сил рванул его вверх. Полковник другой рукой успел ухватиться за поручень, подтянулся, нащупал ногами железные ступени.

Открыв дверь, они ввалились в тамбур, тяжело с хрипом дышали, растирали заочевенные руки о сукно шинелей.

– Пошли в вагон, там согреемся, – Мордвинцев открыл вагонную дверь и первым шагнул в узкий проход, заваленный узлами, мешками и корзинами.

Дальше было не протолкнуться. В сизом табачном дыму видны были головы в шапках и картузах, в шерстяных платках. Мордвинцев плюхнулся на какой-то мешок, прохрипел:

– Передохнём малость... Ноги дрожат...

Полковник Стеблов сел рядом, утёр ладонью мокрые от растаявшего инея усы, сказал:

– Ещё одна такая пробежка – и будет разрыв сердца...

– Привыкайте, полковник... – усмехнулся Мордвинцев. – У нас жизнь теперь такая – волку ноги жизнь спасают...

– Спать хочу смертельно...

– Поспите часок, я подежурю, – сказал Мордвинцев. – Потом я часок прикорну.

Стеблов привалился спиной к спине ротмистра, закрыл глаза и мгновенно заснул. Мордвинцев осторожно достал из кармана кисет и клочок газеты, отсыпал махры, свернул «козью ногу», прикурил и сладко затянулся... прикрыв глаза, выпустил густую струю дыма...

Штаб Командующего Балтфлотом Раскольников.

...Раскольников, молодежавый человек, сухопарый, остроплечий, затянутый в гимнастёрку, в высоких сапогах, сидел за столом, ссутулившись, пригнув голову и время от времени поглаживая чёрную густую шевелюру. Человек шесть по-разному одетых людей сидели на стульях вдоль стен и за другим столом у окна. Одеты в морские бушлаты, шинели. Шапки и фуражки комкали в руках. Комиссар Балтфлота (Кузьмин) тоже сидел за столом у окна, помешивал чай в стакане с серебряным подстаканником, прихлёбывал и говорил:

– На «Петропавловске» митинг был, тоже революционный комитет избрали. На «Гангуте», на «Бесстрашном», на плавбазе, на Шестом форте, на Третьем и на Пятом тоже революционные комитеты выбрали. И постановили избрать Революционный комитет всего Кронштадта. И все, значит, властные полномочия – этому Комитету. Да, а на миноносце «Стерегущем» драка получилась... Приличная драка... Но главная зараза – на линкоре «Севастополь», это точно!

– Между кем и кем драка была? – спросил Раскольников.

– Как между кем? Между нашими... То есть между большевиками и... контрой. Там всякие – и эсеры, и меньшевики... Мне Поярков – это осведомитель мой

на «Севастополе» – говорил, там и белогвардейские субъекты замелькали... По выправке точно офицерье.

– Как офицерье? – вскинул голову Раскольников.

– На линкоре белое офицерье? Сдурел, что ли?

– Да не на линкоре, – поморщился Кузьмин. – На Ораниенбаумской и Петроградской пристанях митинги были! Вот они там и мелькали... Там моряков и пушкарей тысяч десять собралось, не меньше.

– А ты почему на этих митингах не был? – спросил Раскольников и вдруг крикнул, ударив кулаком по столу. – Ты! Комиссар Балтфлота! Почему не был на митинге?!

– Ты на меня не ори! – поморщился Кузьмин. – Там обстановка так накалилась – вполне могли застрелить...

– А ты испугался? – усмехнулся Раскольников.

– Поостерёгся, – поправил его Кузьмин. – Тебя, между прочим, там тоже не было...

– Та-а-ак... – Раскольников обвёл взглядом присутствующих. – Назревает мятеж, к попу ходить не надо... Какие будут предложения, товарищи?

– Перво-наперво известить главкома и председателя ВЧК, – сказал один из мужчин, плечистый, в потёртой кожанке, под которой видна была гимнастёрка.

– Это само собой, – кивнул Раскольников. – Здесь что делать будем, в Кронштадте? Здесь более пятнадцати тысяч моряков и тысяч пять красноармейцев. Ежели буза начнётся, соображаете, что может быть? А рядом – Финляндия. Сколько там офицерья и всякой другой белогвардейской сволочи, как свора голодных псов, сидят, ждут – вы соображаете?

Ответом было молчание. Все напряжённо размышляли, понимая всю серьёзность положения.

– А я предлагаю. Немедленно выявить зачинщиков и арестовать, – сказал мужчина в потёртой кожанке. – ЧК в Кронштадте ещё есть или уже нету?

– Вон наш главный чекист сидит – пускай скажет. Чего молчишь, товарищ Фридман? – кивнул Раскольников на сухощавого человека лет тридцати (Фридман), в круглых в железной оправе очках, с короткими усами, в штатском пиджаке и белой косоворотке.

– Поздно, – спокойно ответил Фридман.

– Что поздно? Как это поздно? – повысил голос комиссар Кузьмин.

– У меня отряд в пятьдесят человек. Кого я могу арестовать? Петриченкова? Квартальева? Огромнова? Моряки растерзают моих людей, едва я на корабле появлюсь. Или на форте... Где я буду держать арестованных? Хотя бы сутки до оправки на побережье. На гауптвахте? Да моряки её штурмом возьмут, и это только подхлестнёт события! Только масла в огонь подольёт.

– Арестуешь и сразу отправишь в Ораниенбаум, – сказал Раскольников.

– На чём? Оба автомобиля без бензина, и двигатели уже неделю механики ремонтируют. По-другому как везти? На санях? Опять по дороге десять раз освободить смогут... – Фридман поправил очки на носу. – Я, между прочим, ещё месяц назад писал вам док-

ладную, товарищ Раскольников. И вам, товарищ Кузьмин. Что вы мне ответили? Не поднимай панику. Тебе везде измена видится. Тебе лишней крови хочется. Вы мне такое писали? Писали... Более того, когда я в декабре прошлого года был в Москве, я обо всём докладывал Феликсу Эдмундовичу. И Берзиню докладывал.

– Значит, сейчас надо доложить, – сказал Кузьмин.

– Вот вы и доложите, – ответил Фридман. – Я понимаю, чего вы боитесь. Вы доложите, а вас спросят – а что ж вы раньше делали? Почему такое допустили? А отвечать и вам, и мне нечего.

Раскольников и Кузьмин угрюмо молчали...

– По крайней мере, в Москве смогут принять решение, что делать... – вздохнул Кузьмин.

– Вы думаете, в Москве лучше нас знают, что делать? – с иронией спросил Фридман.

– В Москве знают, – угрюмо произнёс Раскольников. – Учредят трибунал и... начнут расстреливать...

– Кого? – испуганно спросил комиссар Кузьмин.

– Да всех подряд, – усмехнулся Фридман. – А начнут с нас...

Вагон.

...Дверь из тамбура отворилась и с клубами морозного пара появились трое чекистов в кожанках и кожаных фуражках. У двоих на поясах револьверы, у одного маузер в деревянной кобуре. Утро было в разгаре, и в подмороженные окна пробивался солнечный свет.

Тот, который с маузером, шагнул вперед и едва не наткнулся на Мордвинцева.

– Осторожней, – Мордвинцев медленно поднялся. – Тут же люди кругом.

– А документ у этих людей имеется? – сверкнул в улыбке железными зубами старший чекист. – Попрошу предъявить.

Стеблов тоже поднялся, полез за пазуху за документом. Мордвинцев первым подал чекисту засаленную бумажку с печатными строчками и двумя лиловыми печатями.

– И куда ж это господа офицеры следуют? – старший чекист вновь блеснул железными зубами. – И что такое им в Петрограде зандобилось?

– Почему офицеры? – спросил Мордвинцев. – В мандате ясно написано, кто я такой. Инженер бочарной фабрики в Твери. Еду по делам в Петроград.

– Ты такой же инженер, как я паша турецкий, – зло усмехнулся чекист. – Я вас, золотопогонников, за версту чую... Руки в гору, сучий потрох, ну!

– Вот это другой разговор, – улыбнулся Мордвинцев и выстрелил прямо из кармана шинели.

Пуля ударила старшего чекиста в горло. Выронив мандат Мордвинцева, он схватился руками за горло, захрипел, забулькал, падая на колени. Мгновенно прозвучали ещё два выстрела, и двое чекистов, стоявших позади старшего, рухнули навзничь в тамбур. Они не успели даже схватиться за револьверы, висевшие на поясах.

В глубине вагона закричали женщины:

– Ой, Господи, опять стреляют!

Мордвинцев ринулся, наступая на лежащих чекистов, в тамбур и только хотел было открыть дверь другого вагона, как она открылась, и в проёме, дыша клубами пара, вырос молодой человек лет тридцати, со щегольскими тонкими усами, в гимназической ту-журке с блестящими металлическими пуговицами, под которой был толстый свитер с высоким воротом, в высоких офицерских сапогах и галифе. В руке у молодого человека был револьвер.

– Это вы их? – глянув на трупы чекистов, спросил молодой человек.

– Нет, они с собой покончили, – Мордвинцев вынул из кармана шинели руку. В ней был револьвер.

– Тогда бежим туда. Сзади ещё идут. Быстрее!

Они развернулись и поспешили в вагон, пробираясь по проходу, заваленному бараклом, наступая на чьи-то ноги, отталкивая мужиков и женщин. Молодой человек звонко выкрикивал:

– С дороги, сволочи! Застрелю! С дороги!

Распихивая ногами корзины и чемоданы, они пробежали вагон и выскочили в следующий тамбур.

...Остановились, тяжело дыша.

– Позвольте представиться, поручик Рубашкин Антон.

– Ротмистр Мордвинцев Николай.

– Полковник Стеблов...

– Как я понял, вы тоже в Питер следуете? – спросил Мордвинцев.

– Вот именно, следую, – весело хихикнул поручик Рубашкин. – Чай до вокзала почти доехал – и надо же...

– В компании веселее, – сказал Мордвинцев.

– Придётся пешком... – поручик рванул дверь в тамбуре, высунулся из вагона – ледяной ветер со снегом ударил в лицо. – Прыгае-ем, господа-а! – и поручик первым прыгнул, кубарем покатился под откос.

– Давайте, полковник! – сквозь грохот колёс прокричал Мордвинцев. – Надеюсь на ваше сердце!

Полковник перекрестился и прыгнул.

Полы шинели развевались, как крылья. Он тяжело упал под откос и покатился в кустарник.

Мордвинцев тоже перекрестился и прыгнул. Упал, подогнув ноги, несколько раз перевернулся и налетел на густой куст орешника. Затрещали ветви, Мордвинцев замер. Тяжело поднялся.

Поезд уходил в морозную туманную даль, железная дорога, словно светлый туннель, тянулась между двумя стенами леса...

...Они вновь сошлись под насыпью.

– Целы? Не поломались? – весело спросил поручик Антон Рубашкин.

– Вашими молитвами, поручик...

– К кому в Питер ехали, господа? – спросил Рубашкин.

– В Божий свет как в копейку, – ответил Стеблов.

– Я всё понял, господа. Вам повезло, – улыбался Рубашкин. – В Питере я вас отведу туда, куда вы стремитесь.

– Уж не в Чека ли? – усмехнулся Мордвинцев.

– Я там бывал и туда не приглашаю. Пойдёмте. Пешедралом к вечеру будем в Питере...

– Подождите. Теперь спешить некуда, – Мордвинцев уселся на снег. – Перед дорогой я покурить должен... И подумать.

– Ну что ж... – поручик уселся рядом. – Буду признателен, если угостите...

ТИТР: «ХЕЛЬСИНКИ, СЕВЕРНЫЙ КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ РОДИНЫ И СВОБОДЫ, февраль 1921 года...»

Штаб «Северного комитета».

– ...По прибытии в Петроград явитесь в штаб Петроградской Боевой организации, адрес – Миллионная улица, флигель во дворе. Пароль: «Я ищу Андрея Христофорова». Ответ: «Гражданин Христофоров неделю назад уехал в Финляндию», – полковник Эльвенгрен держал в руке паспорт, толстый пакет, видимо, с деньгами. – Деньги передайте поручику Герману Юрию Петровичу. Это один из руководителей Петроградской Боевой организации. Передайте ему деньги. Скажете, что типография для Кронштадта будет доставлена в Петергоф десятого числа. Он должен обеспечить транспортировку. Герман даст вам людей, которые проводят вас из Петрограда в Кронштадт. Там встретитесь с командующим артиллерией Кронштадта генералом Козловским...

– Это мой отец, – улыбнулся молодой подтянутый подпоручик (Кирилл Козловский).

– Я знаю, мой дорогой Кирилл Аркадьевич, – тоже улыбнулся полковник Эльвенгрен. – И потому уверен – вы отлично справитесь с заданием. И скажите генералу Козловскому – мы очень рассчитываем на его участие в нашем общем святом деле. Счастливого пути, подпоручик, – и полковник Эльвенгрен с чувством пожал руку Кириллу Козловскому.

Подпоручик чётко развернулся и строевым шагом вышел из кабинета.

ТИТР: «РУССКО-ФИНСКАЯ ГРАНИЦА, февраль 1921 года...»

...Обросшие инеем лошади тянули тяжело нагруженные большие сани-розвальни. Правилы одетые в полушубки мужики-финны. Белые от инея усы, белые брови. Несколько человек русских – тоже в полушубках и валенках – сидели в розвальнях поверх нагруженных ящиков. На ящиках лежали винтовки, на поясах у русских висели кобуры с револьверами. Четыре лошади шли гуськом одна за другой, взмахивая заросшими инеем белыми головами и гривами.

– Эй, долго ещё? – громко спросил сидевший на передних санях русский. Только сейчас в нём можно было узнать подпоручика Козловского.

– Долго-о... – отозвался пожилой финн. – Немного-о совсем-ем...

– Чёрт, разбери у него – долго или немного совсем... – пробормотал подпоручик Кирилл Козловский.

– Не нервничайте, подпоручик, – сказал полулежавший в санях второй русский, усатый, с коротко остриженной белой бородой. – Старый Вайкуле ходит через границу раз в неделю. Он старый контрабандист. До октябрьского переворота он большевикам и эсерам оружие через границу возил... Бог мой, как всё поменялось! Тогда мы большевиков ловили, теперь они нас... – и офицер рассмеялся.

– Ничего, господин капитан, Бог даст, скоро мы их опять ловить будем, – нахмурился Козловский.

– Я люблю прекрасные мечты, подпоручик... – капитан достал из-за пазухи плоскую металлическую флягу, отвинтил крышку, отхлебнул, добавил. – Но верю в них с трудом...

На других санях тоже сидели двое офицеров в полушубках. Оба дремали, смежив веки. Потом один зевнул, вытащил руки из рукавов, достал из-за пазухи коробку папирос, закурил, проговорил:

– Как ныне собирается вещей Олег отомстить неразумным хазарам...

На третьих и четвёртых санях тоже дремали офицеры. И возчики-финны тоже дремали – лошади, видно, хорошо знали дорогу – шли и шли по укатанному снежнику...

ТИТР: «ПЕТРОГРАД, февраль 1921 года...»

В глухом Петроградском дворе с саней-розвальней сгружали тяжёлые ящики и несли их в раскрытые двери одноэтажного длинного флигеля. Ящики носили подтянутые молодые люди в коротких тёплых полупальто, сапогах и картузах. Так обычно одевались рабочие Петрограда. Но эти молодые люди скорее походили на юнкеров или прапорщиков царской службы.

Ящики спускали в просторный подвал с высоким потолком, освещённый несколькими керосиновыми фонарями. Распаковывали, отдирая гвоздодёром доски, и глазам открывались металлические странного вида станки. Двое пожилых усатых рабочих осматривали станки.

– Когда они заработают, господа? – спрашивал поручик Герман, тоже моложавый человек, в шерстяной гимнастёрке, галифе и сапогах.

– Наладим... посмотрим... – отвечал один.

– Наборщик ещё один нужен, ваше благородие... – сказал второй.

– Завтра с утра будет ещё один наборщик, – проговорил поручик Герман. – Поторопитесь. Через неделю мы должны получить первую партию листовок.

– Юра, ты здесь? – в подвал заглянул ещё один человек средних лет. – Там пришли!

Поручик Герман направился к выходу из подвала, уступив дорогу двоим молодым людям, вносящим в подвал ещё один тяжёлый ящик... Он прошёл через двор и вошёл в подъезд трёхэтажного особняка, закрывавшего весь двор от улицы.

В небольшом холле сидели на стульях и стояли шестеро молодых людей. По виду – юнкера. Увидев поручика, сидевшие на диване быстро встали.

– Господин поручик, вас ждут. Пароль назван правильно, – проговорил один из юнкеров.

Герман кивнул и вошёл в большую комнату, похожую на кабинет. У стола в деревянном кресле сидел подпоручик Кирилл Козловский. При появлении Германа подпоручик встал:

– Разрешите представиться, подпоручик Кирилл Козловский.

– С прибытием, подпоручик. Благодарю за типографию. Добрались, как я вижу, без приключений?

– Добрались, и слава Богу, – улыбнулся Кирилл Козловский. – Дорога в Кронштадт, надеюсь, будет полегче?

– Не сказал бы. Красноармейских патрулей значительно больше. Особенно в последнее время. Большевики что-то чуют и пытаются предпринять свои меры. Думаю, скоро Чека сильно активизируется. В Питере они уже сделали несколько арестов, хотя нашу организацию, к счастью, не затронули. Но могут и затронуть, и нам к этому следует быть готовыми...

– Я готов выполнять любые задания, Юрий Петрович, – сказал Кирилл.

– Верю, подпоручик. Иначе вы не прибыли бы сюда. Сейчас нужно терпеливо ждать и готовиться.

– Сколько ждать?

– Не терпится в бой? – усмехнулся Герман.

– Не терпится.

– Всё зависит от Кронштадта, поручик. Мы не устаём молиться, чтобы Кронштадт поднялся против власти большевиков, – в голосе поручика Германа прозвучала нотка озабоченности. – Для нас очень важно, какую сторону в будущих событиях займёт ваш отец, генерал Козловский. Он командующий артиллерией Кронштадта, а это огромная огневая мощь. Батареи Кронштадта и боевых кораблей способны разгромить силы большевиков в Петрограде и на побережье в считанные часы. Поэтому мы и посылаем вас, Кирилл Андреич, к вашему отцу, мы очень надеемся на вашу помощь. Если артиллерия не поддержит своим огнём восстание в городе и на побережье, оно обречено.

– Я понимаю, Юрий Петрович, я сделаю всё, что от меня зависит.

В дверь постучали, и заглянул юнкер:

– Прошу прощения, господин поручик. К вам поручик Рубашкин и ещё двое.

– Пусть зайдут. Жду.

В кабинет вошли тот самый весёлый поручик Антон Рубашкин, ротмистр Мордвинцев и полковник Стеблов. Шинели на них были грязные и задубевшие от мороза. На шинели Мордвинцева справа, где находился карман, были видны три чёрных обгорелых дырки от пуль.

– Ба! Антон собственной персоной! Заждались мы вас, поручик, заждались!

– Я с моими новыми друзьями, – Антон Рубашкин указал на Мордвинцева и Стеблова.

– Ротмистр Мордвинцев, – представился Мордвинцев.

– Полковник Стеблов. Пробираемся из Крыма.
– Стреляли из кармана шинели? – спросил поручик Герман, глядя на обгорелые дырки на шинели Мордвинцева.
– Пришлось... – Мордвинцев тоже посмотрел на дырки, погладил их ладонью.
– В поезде при проверке документов троих чекистов уложил, как в тире! – сказал Антон Рубашкин. – Я думаю, Герман, такие офицеры смогут помочь нам в нашей борьбе.
– Из Крыма, значит, пробираетесь? – спросил поручик Герман. – А почему не эвакуировались с армией Врангеля?
– Вы хотите сказать – с остатками армии? – сказал Мордвинцев. – Не успели... Слишком много было желающих...
– И много осталось таких, которые не успели?
– Много... Около сорока тысяч... Их расстреляли...
– Все сорок тысяч? – вскинул брови Герман. – Навероятно... Каким же образом? Вы что, все сдались в плен?
– Нет. Командующий красных Фрунзе разбросал с аэроплана листовки – обещал, если сдадим оружие и дадим честное слово больше не воевать против Советов, Фрунзе всех отпустит по домам. В Бахчисарае офицеры сдали оружие, а потом... Я не поверил и не пошел... наблюдал издали, – Мордвинцев усмехнулся. – К сожалению, таких как я неверующих оказалось совсем немного...
– А уцелели после расстрела многие?
– Не знаю... Думаю, очень немного...
– Стало быть, подтвердить ваши слова некому... Тем более здесь, на севере... Так далеко от Крыма, – поручик Герман улыбнулся и мгновенно лицо приняло прежнее серьёзное, участливое выражение.
– Вы нам не верите?
– А вы на моём месте поверили бы?
– Юра, брось! – сказал поручик Рубашкин. – Я лично видел, как ротмистр положил троих чекистов...
– Очень часто, Антон, то, что видишь, оказывается весьма обманчивым. В Чека научились ставить прекрасные инсценировки, – сухо возразил Герман и вдруг широко, радушно улыбнулся. – Впрочем, повсякому бывает... Вам надо отдохнуть с дороги, помыться, поесть. Прошу, поднимайтесь на второй этаж. Поручик Рубашкин вас проводит. Отдохните. Утром серьёзно поговорим...
– Пойдёмте, – Рубашкин первым пошёл к двери. Мордвинцев и Стеблов направились за ним. Мордвинцев оглянулся на Германа.
– Утром, господин ротмистр, утром... – улыбнулся поручик Герман.
...На втором этаже было несколько дверей. Поручик Рубашкин распахнул одну из них:
– Заходите. Здесь кровати, вон умывальник, полотенца. Я сейчас скажу, чтобы вам принесли поесть... Отдыхайте. Тут спокойно, тут наши боевики после операций отдыхают... В соседних комнатах как раз сейчас спят, так что не шумите... – Рубашкин ободряюще улыбнулся и вышел...

...Когда Рубашкин, Мордвинцев и Стеблов вышли из кабинета Германа, тот подошёл к узкой дверце в углу комнаты, открыл её – там был небольшой закуток с двумя стульями. На одном сидел худощавый человек с изрытым оспинами лицом, в тёмной косо-воротке, сапогах.
– Что скажешь? – спросил Герман.
– Чекисты, – коротко ответил человек.
Человек молчал, смотрел на поручика.
– Ты уверен? – переспросил Герман. – Послушай, Орловский, не тяни... Мне показалось, они заслуживают доверия... Опять же Рубашкин видел, как этот ротмистр застрелил в поезде троих чекистов.
Орловский встал, вышел из закутка в кабинет, взял со стола коробку папирос, закурил и продолжал молчать. Потом медленно сказал:
– Понимаешь... В бытность свою в боевой организации левых эсеров я много насмотрелся на жандармов... Чекисты по повадкам мало чем от них отличаются. Так вот, этот Мордвинцев – чекист... Или жандарм бывший – за это руку на отсечение отдам. Значит, теперь точно чекист...
– ...Об этом я не подумал, – сказал Мордвинцев.
Они сидели на кроватях, между ними стоял небольшой столик, на столике две тарелки с пшенной кашей и кусочками варёного мяса. Два стакана чая в подстаканниках. Офицеры проворно работали ложками, прихлёбывали чай.
– О чём? – спросил Стеблов.
– Что нам не поверят...
– Этого следовало ожидать, ротмистр. Они здесь в подполье и потому не могут доверять столь неожиданно появившимся людям, – спокойно ответил Стеблов. – Думаю, Чека их здесь в покое не оставляет...
– Как же мы докажем, что мы есть мы? – усмехнулся Мордвинцев.
– Никак... – доедая кашу с мясом, ответил Стеблов.
– Какой же выход?
– У нас или у них? – спросил полковник. – Наше дело телячье... Думаю, они нам какое-нибудь испытание назначат... Проверку... А как ещё? Других вариантов не вижу...
– А я вижу... – задумчиво проговорил Мордвинцев...
– ...Ты долго молчать будешь? – с ноткой раздражения спросил Герман.
– Они чекисты, – выпустив струю дыма, сказал Орловский. – Я их за версту чую... Тот, который ротмистром назвался, точно чекист... Да ещё и с опытом... Герман некоторое время задумчиво ходил по кабинету, сказал:
– Жаль... Нам такие офицеры очень быгодились... Тогда вот что – раз ты их чекистами признал, ты их и уберёшь.
– С нашим удовольствием... – усмехнулся Орловский. – У меня с Чека свои счёты...
– Тогда сделай это немедленно. Они сейчас спят наверху.

– В какой комнате? – спросил Орловский.

– Вторая от лестницы.

Орловский докурил папиросу, старательно погасил окурочек в пепельнице, достал из кобуры револьвер, покрутил барабан, поднялся со стула и медленно пошёл из кабинета...

...В комнате был зыбкий полумрак. В окно заглядывала круглая яркая луна. Стеблов и Мордвинцев, закрывшись одеялами с головой, спали на кроватях.

Бесшумно отворилась дверь, и на пороге выросла фигура Орловского. В поднятой руке он держал револьвер. Он направил ствол на кровать слева – и в ту же секунду из-за открытой двери к нему метнулся Мордвинцев, ударил кулаком сбоку в шею. Орловский повалился на пол, но успел дважды нажать курок. Грохнули выстрелы, и Стеблов, укрывшийся одеялом, два раза дёрнулся, привстал в кровати, сбросив одеяло, и рухнул обратно.

Мордвинцев и Орловский боролись на полу. Мордвинцеву никак не удавалось вырвать револьвер из пальцев Орловского, и тогда он страшным усилием согнул его руку в запястье и нажал на курок. Получилось, Орловский выстрелил в самого себя... в грудь...

Мордвинцев бросился к кровати, на которой лежал Стеблов – на его белой нательной рубашке чернели два пятна крови, в левой части груди и на животе. Неподвижные глаза смотрели в потолок. Мордвинцев медленно закрыл полковнику глаза, прошептал:

– Прощай...

Он схватил лежавшие на стуле гимнастёрку и галлифе, стал торопливо одеваться. У двери неподвижно лежал Орловский...

...Поручик Герман сидел за столом. Горела настольная керосиновая лампа. Поручик читал какие-то бумаги, когда услышал осторожные шаги. Он поднял голову и увидел стоящего в дверях Мордвинцева. В руке тот держал пистолет. Сказал медленно и негромко:

– Чтобы доказать вам, что мы не агенты Чека, я подарю вам жизнь. Но при следующей встрече таких подарков не будет. Смерть товарища я вам не прощаю. А теперь сидите и не дёргайтесь, поручик. Дайте мне спокойно уйти...

Герман сидел неподвижно, расширившимися глазами смотрел на Мордвинцева.

Ротмистр закрыл дверь, послышались торопливые шаги и стихли. Герман немного подождал, потом вырвал из кобуры револьвер и бросился из комнаты.

Он взбежал на второй этаж. Одна из дверей в комнаты была открыта, и Герман вбежал в неё и едва не наступил на тело, лежавшее у двери. Герман трясущимися руками зажёл керосиновую лампу, огляделся. На кровати лежал мёртвый полковник. Герман пощупал пульс, потом подошёл к лежащему на полу Орловскому, присел и тоже пощупал пульс. Орловский глухо застонал.

– Орловский, вы живы? Слава Богу! Потерпите, я сейчас! Я за доктором! – и Герман опрометью бросился из комнаты...

...Мордвинцев шёл пустынной Петроградской улицей, курил на ходу, зажав окурочек сигарки в кулаке, и поглядывал по сторонам. Впереди в туманном свете газового фонаря появились фигуры патрульных красноармейцев. Мордвинцев пробежал взглядом по стенам домов, увидел рассохшуюся приоткрытую дверь подъезда, бросился к нему, вбежал внутрь, спрятался за выступ перед лестничной площадкой, прислушался. Шаги патруля приближались, смутно были различимы голоса. Вот шаги поравнялись с подъездом, прошли дальше, медленно затихли... Мордвинцев докурил сигарку, растёр окурочек сапогом, поправил поднятый воротник шинели и вышел из подъезда...

ТИТР: «КРОНШТАДТ. КВАРТИРА КАВТОРАНА ИГОРЯ ЛАДЕЙНИКОВА, февраль 1921 года...»

Они сидели за столом, посреди которого стоял большой самовар, чашки, сахарница и вазочки с вареньем. Хозяин дома Игорь Ладейников, командир линкора «Севастополь» Белецкий, председатель ревкома линкора Петриченков, член ревкома Савостьянов, Кузьма и Прохор Бартенева и жена Ладейникова Катерина Васильевна. От разговоров уже порядком устали, но всё равно разговаривали:

– И всё-таки я не понимаю, – качал головой Ладейников. – Как? Когда это могло произойти? Когда большевики свергли Временное правительство?

– Да к чертям собачьим это Временное правительство! – решительно сказал Петриченков. – Министры-капиталисты! Туда им и дорога!

– Но ведь это было незаконно!

– Революция всегда ломает законы старого мира! – пристукнул кулаком по столу Савостьянов. – И Кронштадт, и весь Балтийский флот поддержали большевиков.

– Не распинайтесь за весь Балтийский флот, – возразил Ладейников. – Я держал нейтралитет. И множество офицеров были нейтральными!

– На свою шею, – сказал Белецкий.

– Вы хотите сказать, что и тогда не верили большевикам? – спросил Петриченков.

– Не верил, – кивнул Белецкий.

– Зачем тогда пошли им служить?

– Как вам объяснить? Я всегда считал и считаю – российский флот принадлежит России. Это национальное бесценное достояние и защита Отечества от врагов. И потому морской офицер должен служить любой власти, вставшей у руля государства.

– Любой? – переспросил Ладейников.

– Да, любой. Лишь бы она заботилась о России, – отвечал Белецкий.

– А позвольте спросить, милостивый государь, что это по вашему мнению значит – заботиться о России? – нервно переспросил Ладейников.

– Чтобы процветало государство и народ, живущий в этой стране.

– Bravo, товарищ командир линкора! Bravo, дорогой вы наш потомственный русский морской офицер! – Ладейников даже похлопал. – Просто обожаю это интеллигентское словоблудие!

– Может, обойдёмся без оскорблений, Игорь Сергеич? – по-прежнему спокойно спросил Белецкий.

– Нет, не обойдёмся, дорогой Яков Иваныч, нет, не обойдёмся! – вспыхнул Ладейников. – И как вы полагаете – нынешняя власть большевиков заботится о стране и её народе?

– В самую точку ударили, Игорь Сергеевич, – кашлянул в кулак Петриченков. – Правду сказать, вы тоже поговорить любите.

– Власть Советов, которую провозгласили большевики главной формой правления, я считаю справедливой и на сегодняшний день единственно верной... – начал говорить Белецкий, но Ладейников перебил:

– Во-первых, милейший Яков Иваныч, – Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов возникли задолго до большевиков! Ихний Ленин ещё только марки немецкие, полученные от кайзера, пересчитывал, когда здесь, в Питере и Кронштадте, развевалось красное знамя Советов депутатов!

– Не знаю, какие марки ваш Ленин пересчитывал...

– Наш Ленин, наш! – крикнул Петриченков и засмеялся.

– Дайте договорить, – Белецкий не терял спокойствия. – Я поверил Советам и поверил большевикам...

– А теперь разочаровались, товарищ командир? – ехидно улыбаясь, спросил Петриченков.

– Большевики перегибают палку, и я считаю, их нужно и можно исправить! Призвать к соблюдению законности и справедливости, которую они сами же провозгласили...

– И потому вы согласились возглавить Революционный комитет линкора? – спросил Савостьянов.

– Именно поэтому...

– А если они завтра нас арестуют и расстреляют? – спросил Петриченков.

– Не посмеют.

– Не посмеют?! – засмеялся Петриченков. – Да они весь народ обратно в крепостное рабство загнали – посмели!

– Ну какое крепостное рабство, ну что вы в самом деле, Степан Максимыч, говорите? – укоризненно проговорил Белецкий.

– Кузьма, хватит жрать, расскажи, как у вас фельдмаршал Антонов-Овсеенко крупным калибром деревни с землёй равнял! – зло сказал Петриченков.

Кузьма, который в это время тихо жевал хлеб, от испуга поперхнулся и закашлялся, проговорил с трудом:

– Да уж рассказывал...

– Степан Максимович, ведёте себя как пьяный анархист, – укоризненно проговорила Катерина Васильевна.

– Прошу прощения, Катерина Васильевна, виноват... Сорвалось, – Петриченков приложил руку к сердцу.

Белецкий смотрел на кашляющего Кузьму, молчал.

– Брат мой, товарищ командир, – виновато сказал Прохор. – До Кронштадта добрался... Вот, кровью исходит... Раны у него в лёгком...

– Вижу... Знаю... – коротко ответил Белецкий.

Кузьма встал и быстро вышел из гостиной.

– Как же вы думаете большевиков поправить, ежели они вот такое вытворяют? – спросил Ладейников.

– Стрелять их надо, а не поправлять... – зло проговорил Прохор Бартнев.

– Мы должны протестовать, – сказал Белецкий. – Но стрелять... по своим... Нет, это невозможно...

– А вот они стреляют, – сказал Петриченков. – Заложников расстреливают пачками! Газом травят! На голодную смерть обрекают!

– Присягу я не нарушу, – твёрдо выговорил Белецкий. – И никому из экипажа не позволю её нарушить.

– Даже если они нас стрелять начнут? – спросил матрос Савостьянов.

– Они не будут стрелять в революционных матросов, – твёрдо ответил Белецкий.

– А если? – вкрадчиво спросил Ладейников.

Белецкий молчал, потом достал карманные часы-луковицу, щёлкнул крышкой:

– Пожалуй, мне пора. Засиделся, друзья. Катерина Васильевна, дорогая, позвольте откланяться. Сердечное вам спасибо за оладьи, давно так вкусно не ел.

– Муку-то Игорь привёз, его благодарите, – улыбнулась Катерина Васильевна.

– Благодарю, всех благодарю... – раскланялся Белецкий.

Ладейников встал, чтобы проводить гостя.

Они вышли в прихожую...

– Н-да-а... барин – всегда барин, – вздохнул Савостьянов. – Нет, оно, конечно, благородно так рассуждать, только в жизни так не бывает, верно, Степан Максимыч?

Петриченков не ответил, хмуро смотрел в стол. В гостиную вошёл Ладейников, следом появился Кузьма. Он перестал кашлять, утирал лицо платком.

– Ну что, ещё чайку по чашечке? – потирая руки, спросил Ладейников.

– Как думаете, Игорь Сергеич, чего наш командир делать будет, если стрельба начнётся?

– А вы думаете, стрельба начнётся? – переспросил Ладейников, садясь за стол.

– А вы думаете, нет? – в свою очередь спросил Петриченков.

– Страшно отвечать на ваш вопрос, Степан Максимыч, но... думаю, Белецкий тоже будет стрелять...

– А я не верю! – убеждённо сказал Петриченков. – У интеллигентов всегда всё шиворот-навыворот, сегодня он с нами, завтра – против! И что самое главное, Игорь Сергеич – всегда оправдание найдут...

– Да ведь я тоже... вроде... интеллигент, – улынулся Ладейников. – Значит, и мне не веришь?

– Вам верю, – тряхнул головой Петриченков.

– Почему же? – наливая чай, опять спросил Ладейников.

– Ну хватит тебе, Серёжа, что ты пристал к человеку, – укоризненно сказала Катерина Васильевна.

– Почему? Да потому что вы полумёртвого Кузьму в поезде подобрали и к себе привезли, и чекистов не побоялись, и человеку жизнь спасли... Забрали бы его чекисты, и подох бы он где-нибудь в ледяной камере... Э-э, да что там! – и Петриченков махнул рукой...

– Спасибо за похвалы, Степан Максимыч, но, выходит, интеллигенты разные бывают, так или нет?

– Конечно... Все люди разные.

– Правильно... Значит, и большевики разные бывают... В этом, брат, вся сложность нашего времени... – задумчиво проговорил Ладейников...

...Уже ночью, когда они лежали в постели, Катерина Васильевна спросила:

– Игорь, что дальше будет?

– Ты о чём, Катюша?

– Ты понимаешь, о чём я... Что с нами будет дальше?

– Думаю, очень скоро поднимется весь Кронштадт... – глядя в потолок, ответил Ладейников.

– Под этим вашим лозунгом? Советы без коммунистов?

– Видимо, так...

– Вы сумасшедшие. Вас всех убьют, – решительно сказала Катерина Васильевна.

– Я думаю, Катюша, тебе с Сашей и Настенькой надо будет уехать в Харьков... К матери... Там ты будешь в безопасности...

В окно заглядывала большая белая луна, и в спальне было почти светло. Катерина Васильевна приподнялась на локте, её лицо нависло на лицом Ладейникова, распущенные волосы завесой упали на подушку.

– Игорь, я внучка моряка, и дочь моряка, и жена моряка... Я никуда отсюда не поеду... – горячий шёпот обжёг Ладейникова. – И тебе должно быть стыдно даже предлагать мне это.

– Я всё понимаю, Катюша... Но у нас есть ещё Саша и Настенька...

Они смотрели друг другу в глаза и молчали, потом Катерина Васильевна тихо спросила:

– Неужели всё так опасно?

– Рисковать детьми я не могу... И тобой рисковать я тоже не могу...

Пирс у форта Красная Горка.

...До форта Красная Горка доехали на санях. На пирсе делегатов встретил солдатский патруль.

– Кто такие? Куда путь держите, братишки?

– К командиру артиллерией Кронштадта товарищу Козловскому! – отчеканил, козырнув, командир линкора «Севастополь» Яков Иванович Белецкий. По-

зади него стояли кавторанг Ладейников, матросы Петриченков, Савостьянов, Квартальев и Огромнов.

– Вы с «Севастополя», что ли, ребята? – спросил старший патруля, приглядываясь к делегации. – А вы вроде как командир Белецкий?

– Вроде как... – усмехнулся Белецкий.

– Мы избранный командой Временный революционный комитет.

– А-а, слышали, слышали... – усмехнулся старший патруля. – Бузу завариваете?

– Уже заварили, – ответил Петриченков. – Не возражаешь?

– А чего? Мне эти коммунаки тоже – во как! – надоели! – и он чиркнул себя ребром ладони по горлу. – Ну топайте! Командир как раз у себя.

Делегаты дружно зашагали по влажному булыжнику. Патрульные смотрели им вслед.

– Кажись, буза будет серьёзная... Раз сам командир линкора... – сказал старший патрульный и поправил ремень висевшей на плече винтовки...

...На двери табличка «Командующий артиллерией Кронштадта Козловский А.Н.». В эту дверь резко постучали, и не успел Козловский сказать: «Войдите» – как дверь распахнулась и, стуча сапогами, вошли делегаты Комитета.

Козловский привстал из-за стола, с удивлением смотрел на входивших.

– Здравствуй, Яков Иванович... И кавторанг Ладейников пожаловали! Чем обязан, товарищи военные моряки? Что стряслось на Балтийском флоте? – Козловский подошёл, по очереди пожимая всем руки.

– Революция грядёт, товарищ командующий артиллерией, – весело ответил Савостьянов.

– Как? Ведь была уже, – Козловский тоже весело смотрел на гостей. – Даже две... Неужели мало показалось?

– А Бог троицу любит! Теперь наша будет революция. Кронштадтская, товарищ командир, – ответил Петриченко. – Самая справедливая!

– А предыдущие что же, несправедливые были? – не без иронии опять спросил бывший генерал Козловский.

– Давайте о деле, товарищи, о деле... – прервал обоих Ладейников. – Ирония и шутки тут неуместны.

– Не буду ходить вокруг да около, Андрей Николаевич, – проговорил Белецкий. – О Временном революционном комитете, который избран на нашем линкоре, вы, конечно, слышали?

– Конечно, слышал, – усмехнулся Козловский. – Кажется, уже на многих кораблях такие комитеты избраны?

– Совершенно верно, – кивнул Белецкий. – В связи с этим разрешите спросить – вас устраивает политика большевиков за последние два года?

– Прямо сразу в лоб? – вновь усмехнулся Козловский.

– Время не терпит, товарищ Козловский, – сказал Петриченков. – Мы ставим вопрос ребром.

– Ну, не устраивает меня власть коммунистов, однако служу по мере сил... Дальше что, товарищ Белецкий? Да вы присаживайтесь, товарищи, присаживайтесь... Не ошибусь, если скажу, что разговор у нас будет нескорым...

– Но и не долгим. Мы не собираемся воду в ступе толочь, товарищ командир.

– Да и у меня, признаться, дел хватает, – опять усмехнулся Козловский. – Вот с утра сижу и думаю, чем своих пушкарей кормить буду... Звонил Раскольникову – тот ничего не обещает, только ругается.

– Вся Россия думает, чего завтра жрать будет, – сказал Савостьянов. – Во дожили! Патронов завались, а хлеба нету! А вашего Раскольникова я бы первым на рею вздёрнул.

Члены комитета с шумом двигали стулья, рассаживались.

– Ну-с, с чего начнём? – когда все расселись, спросил бывший генерал Козловский. – Слушаю вас внимательно. Когда Раскольникова на рею потащим? А почему одного Раскольникова? Давайте и комиссара Кронштадта Кузьмина вздёрнем.

– Прошу прощения, Андрей Николаевич, но вынужден повторить, – произнёс Ладейников. – Ирония сейчас неуместна. Вопрос смертельно серьёзный...

– Вы меня совсем запугали, Игорь Сергеевич, – развёл руками Козловский. – Тогда позвольте, я перед разговором кое с кем вас познакомлю...

Козловский встал, прошёл к двери, ведущей в дружную комнату, открыл её и позвал:

– Выйди к нам, Кирилл... Нет-нет, пока только Кирилл.

В дверях показался подпоручик Кирилл Козловский.

– Позвольте представить, товарищи. Мой сын, подпоручик царской службы Кирилл Козловский. Только вчера прибыл из Финляндии. Посыльный и связной Северного общества освобождения России. В Петроград он доставил типографию и деньги Петроградскому Боевому обществу, которое уже несколько месяцев готовит вооружённое выступление против большевиков... – бывший генерал повернулся к открытой двери в комнату, позвал. – Николай, выйди к нам, пожалуйста.

В проёме двери появился рослый, подтянутый молодой человек (поручик Николай Козловский), похожий чертами лица на бывшего генерала. Он был тоже в гимнастёрке, в галифе и сапогах, перетянутый ремнём.

– А это второй мой сын, Николай Козловский, поручик царской службы. Совсем недавно прибыл ко мне из Польши от господина Савинкова... Прибыл с заданием наладить мост переправки добровольцев, желающих драться за Советскую власть, но без коммунистов...

Озадаченные члены Революционного комитета молчали.

– У меня есть ещё три сына, товарищи – мичман Сергей, мичман Владимир и юнкер Александр, и я воспитал их в глубокой преданности нашей родине

России, – продолжал бывший генерал. – И я полагаю, что в ближайшее время и они появятся в Кронштадте, чтобы участвовать в нашей общей борьбе с коммунистами, узурпировавшими власть в России.

– Вот так так... – удручённо произнёс Петриченков. – Пока мы митинговали, пока лясы точили, лозунги кричали, а вы давно уже...

– Давно уже... – широко улыбнулся Козловский, и концы его длинных вразлёт усов поднялись вверх.

– О, как обштопал нас товарищ бывший генерал Козловский, – Петриченков глянул на Белецкого.

– Ну что ж... – улыбнулся Белецкий. – Тогда с ещё большим основанием мы предлагаем вам, Андрей Николаевич, возглавить Временный революционный комитет Кронштадта.

– Гарнизоны Красной Горки и Лисьего Носа вас поддержат, Андрей Николаевич? – спросил Игорь Ладейников.

– Почти уверен – поддержат, – ответил Козловский.

– Коммунистов в обоих гарнизонах много?

– Меньше четверти состава. В декабре прошлого года и в начале января этого по всем фортам прокатились собрания, и многие матросы бросали на стол коммунистам свои партийные билеты, – отвечал Козловский. – Я на некоторых собраниях был, сам видел.

– Но ведь вы сами член РСДРП большевиков? – спросил Белецкий.

– На одном из таких собраний я тоже положил комиссару Кузьмину свой партийный билет на стол.

– И вас не арестовали?

– Хотели было, но Кузьмин побоялся, – улыбнулся Козловский. – Чекистов у него мало, а матросы были на грани взрыва... Мне самому пришлось их сдерживать.

– Думаете, без стрельбы коммунисты власть не отдадут? – спросил Белецкий.

– Думаю, не отдадут... Кто отдаёт власть без стрельбы? А у коммунистов и так уже руки по локоть в крови – они народного мщения будут бояться.

...Перед Инженерным училищем, заполнив всю улицу, сдержанно шумела толпа.

Актальный зал в Инженерном училище Кронштадта был забит до отказа. Сидели и стояли в проходах между кресел, сидели на широких подоконниках, стояли в дверях, толпились в большом холле. Матросы и солдаты, командиры – все бывшие морские и армейские офицеры.

...За столом президиума сидели Козловский, Петриченков, Савостьянов, Белецкий, Ладейников, Квартальев. Стол был покрыт красной материей, на нём стоял графин с водой.

– Товарищи! Разрешите зачитать резолюцию избранного Временного революционного комитета Кронштадта! – кричал Петриченков и стучал карандашом по графину, но его не слушали, гудели, переговаривались.

В зале здесь и там мелькали женские платки, шали и шляпки. В передних рядах можно было увидеть се-

стёр Ладейниковых – Настю и Александру, и рядом с ними – братьев, Прохора и Кузьму Бартеневых. Глаза сестёр горели восторгом. Они перешёптывались:

– А вон того матроса видишь? Рыжего, чубатого? – спрашивала Александра.

– Ну?

– Он тоже анархист... А вон тот, чернявый, с хитрыми глазками – он левый эсер...

– Откуда ты знаешь, Сашка? – недоверчиво смотрела на сестру Настя.

– Я же на собраниях анархистов два раза была, – не без гордости отвечала Александра. – Они в Воронежской гимназии собирались, интересно – жу-уть...

– Женихов шукаете, барышни? – сзади к девушкам наклонился кудлатый черноволосый матрос с плутоватой физиономией. – Тут выбор богатый!

– Да уж, до смерти напугаться можно! – передёрнула плечами Александра. – Особенно, если на вас посмотреть...

– Да я вы што, барышни? Да я жуть какой весёлый! И петь могу, плясать могу, и на мировые проблемы поговорить могу! К примеру, эмансипация женщин или проблема мировой революции! Или проблема любви в революционном обществе будущего!

– А вот эту проблему видел? – сидевший рядом с девушками матрос Прохор Бартенев обернулся и сунул плутоватому под нос здоровенный кулачище. – Тут тебе будет и любовь, и вся мировая революция!

Девушки оглянулись на улыбающуюся плутовскую рожу матроса, прыснули в кулаки.

– Прошу внимание, граждане матросы и солдаты! Кончайте баланду травить! – Петриченков терпеливо стучал карандашом по графину.

– Чё ты по графинчику стучишь?! – крикнули из зала. – Ты из маузера в потолок пальни – сразу услышат!

Несколько человек рассмеялись. Петриченков вытащил из кобуры маузер:

– А чего? Я и вправду пальну! – Петриченков поднял маузер над головой и действительно выстрелил в потолок. От грохота зал замер, с потолка посыпалась мелкая штукатурка.

– Ты чё, Петриченков, сдурел?! – крикнул весёлый голос.

– Рано палить начал! Потерпи маленько! – крикнул другой, и зал засмеялся.

– А ему не терпится! Давно не стрелял!

– Вы тут, граждане, со стрельбой кончайте! – раздался ещё один сердитый голос, и на сцену взобрался пожилой моряк с большими, седоватыми усами. – Мы тут должны решать всё по-мирному! Я, между прочим, Зимний брал! Я с Деникиным воевал! Настрелялся – во! – матрос провёл ребром ладони по горлу.

– Так ты што, за коммунистов?

– Я был за коммунистов! Я ж вам толкую, бараньи головы, я Зимний брал! Но теперь вижу – коммунисты хуже Деникина али Врангеля нам стали! Как они рабочего да крестьянина в бараний рог согнули! Помещик своо крепостного крестьянина так не гнобил, как коммунисты! Что ж это деется, братва, малые дети с голодухидохнут?!

– Протестую! – вскинулась в зале высокая фигура в расстёгнутой шинели и будёновке. – Чёрная клевета льётся на большевиков! Которые на фронтах жизни свои не жалеют ради светлого будущего! Ради рабочих и крестьян!

– Я правду говорю! – рявкнул пожилой матрос. – У меня семейство в Воронежской губернии с голоду пухнет! Дочка да сын письма пишут – душа воет!

– А где большевики хлеб возьмут?! – вновь закричал человек в шинели и будёновке. – Если кулачье и всякое белогвардейское отребье хлеб прячут! Потому товарищ Ленин и назначил продотряды! И продразвёрстку ввёл! Между прочим, чтобы вас, Балтийский флот накормить! Чтоб рабочих накормить! А вы большевиков в помещики записали, эх, вы-и!

– А ты нас не укоряй, большевик хренов! – вскочил со своего места и закричал другой человек, в чёрном расстёгнутом бушлате, под которым видна была тельняшка. – Балтийцы здесь на страже Советов стоят! А вы, хитрожопые, эти Советы захватили! Левых эсеров постреляли! Меньшевиков постреляли! Анархистов – всех к ногтю!

– Бузу заварить хотите?! – перебивая, закричали сразу несколько голосов. – Мало вам бузы?! Глядите, опосля спохватитесь – поздно будет!

– То, что сейчас происходит, товарищи, это открытая контрреволюция! – кричал ещё один большевик и грозил президиуму кулаком. – И вы за неё ответите!

– Все под трибунал пойдёте! – подхватил ещё один голос.

– Что, расстреляете нас?! – громко спросил со сцены Петриченков.

– А ты как думал?! Тебя, контру, в первую очередь! Лично в распыл пуцу! – кричал ещё один человек, в кожанке и тельняшке.

– Гляди не промахнись! – улыбнулся Петриченков.

– О! Слыхали, братва?! Ещё и бузы-то не было, а коммуняки нам уже грозят!

Пока в зале бурлила перебранка между коммунистами и остальными, в президиуме тихо переговаривались.

– Што ль ещё разок пальнуть? – спросил Петриченков.

– Пусть наговорятся! Дай коммунистам высказаться, – ответил Ладейников.

– Да они до ночи не наговорятся, Игорь Сергеевич.

– Большевики любое собрание заболтать могут... – усмехнулся Козловский. – А под конец чекистов вызовут.

– Ну, погодим ещё малость... – сказал Белецкий. – Мы тоже любим поговорить

– А если вправду нас арестовывать придут? – спросил Квартальнов. – А у нас и оружия-то при себе нету.

– У кого нету, а у кого и есть, – Петриченков показал маузер.

– Не посмеют, – сказал Белецкий. – Тут много севастопольских... Они нас в обиду не дадут.

– А я предлагаю арестовать всю эту компанию! – кричал в зале ещё один большевик. – Как провокаторов и контрреволюционеров!

– Правильно! Они вражду между матросами разжигают!

– Ну конечно, правильно! Большевички всё решают, а мы, как бычки на верёвочках, сено жуём и киваем! Это по-ихнему правильно! А как мы своё мнение иметь захотели – это провокаторы! Контрреволюция! Арестовать нас немедленно!

– И расстрелять!

– А ты попробуй!

И вновь – сплошной гвалт, крики, и уже слов не разобрать...

(Конец третьей серии)

СЕРИЯ 4

...В кабинет к Раскольникову ворвался зампредседателя Чека Фридман, заговорил с порога:

– Кажется, мы доигрались! Вы знаете, что в Инженерном училище заседает избранный Революционный комитет Кронштадта? Сейчас они заседают, чтоб провозгласить свою власть в Кронштадте! Это надо прекратить в зародыше! Арестовать всю верхушку прямо там, в училище! Иначе события уже будет не остановить!

– И вы сразу явились ко мне доложить об этом, Марк Самойлович! Вместо того, чтобы арестовать мятежников, вы ко мне поспешили! Молодец, ничего не скажешь!

– Повторяю вам, товарищ Раскольников, надо немедленно принимать меры! Сколько людей вы сейчас можете собрать?

– А вы?

– Тридцать пять человек от части особого назначения, остальные – дежурят на фортах.

Раскольников схватился за трубку телефона, покрутил ручку.

– Войтенко, ты? Немедленно бери комендантскую роту! И всех красноармейцев, кто сейчас в казармах! Я сказал – немедленно! Сколько у тебя грузовиков? Всех погрузить в грузовики – и напрямик к Инженерному училищу! Действуй, Войтенко! Там ничего не предпринимать. Здание оцепите и ждите меня! Хотя я, может, раньше тебя там буду! Давай, Войтенко, не тяни кота за хвост! – Раскольников бросил трубку. – У тебя грузовик есть?

– Есть...

– Поехали! Погрузим твоих людей – и тоже туда! – Раскольников кинулся в платяному шкафу у стены, достал шинель, надел её, надел фуражку и первым выбежал из кабинета...

...К Инженерному училищу с грохотом один за другим подкатывали грузовики и из кузовов выпрыгивали на булыжную мостовую красноармейцы с винтовками, чекисты из ЧОНа. Пять грузовиков рокотали моторами.

Толпа моряков подалась в сторону, голоса смолкли, воцарилось напряжённое ожидание.

– Видал, а чекисты тут как тут! Ушлые ребята...

– Ну, щас чего-то будет... очень весёлое...

Подкатил ещё один грузовик, с него тоже прыгали люди в кожанках, с револьверами и винтовками. Вместе с ними спрыгнул Фридман. Раскольников вылез из кабины грузовика.

– Немедленно всем разойтись по казармам и кораблям! – прокричал Раскольников, пройдя к подъезду.

– Полный назад, товарищ Раскольников! – крикнул кто-то из матросов. – У нас свобода собраний!

– В Кронштадте объявлено военное положение! Все митинги и собрания отменяются! – Раскольников выдернул револьвер и размахивал им над головой...

...А зал в это время бурлил и разрывался от криков:

– Предлагаю! Всех большевиков немедля отстранить от занимаемых должностей!

– А вот выкуси! Не ты назначал, не тебе и отстранять!

Петриченков вновь поднял маузер и выстрелил. Крики смолкли, и Петриченков, не давая залу опомниться, закричал:

– Предлагаю! Зачитать нашу резолюцию! Наше обращение к морякам Кронштадта! К рабочим Петрограда! Ко всем трудящимся России! Слушайте! Начинаю читать!

Петриченков набрал в грудь воздуха, разинул рот, и тут в зал протолкался матрос, крикнул:

– Полундра, братва! Командующий Балтфлотом товарищ Раскольников идёт нас арестовывать! Вместе с Чекой!

Зал мгновенно замолчал. Все напряжённо смотрели, как в зал, проталкиваясь через толпу матросов и красноармейцев, входили Раскольников, Фридман и следом за ними красноармейцы с винтовками, чекисты в кожанках и кожаных фуражках.

Раскольников легко взбежал на сцену, подошёл к столу, за которым сидели члены комитета. Следом за ним поднялись Фридман и человек десять чекистов. Раскольников спросил:

– По какому поводу собрание? Или митинг – как это у вас называется?

– А у вас как это называется? – улыбнулся Петриченков, указав рукой на чекистов с револьверами в руках.

– Я, командующий Балтфлотом, приказываю отвечать, – не повышая голоса, сказал Раскольников.

– Собрание моряков... – развёл руками Петриченков.

– Поскольку я вижу здесь командующего артиллерией Кронштадта товарища Козловского и командира линкора товарища Белецкого, собрание обсуждает какие-то важные вопросы? Почему в таком случае на это собрание не позвали меня и комиссара Балтфлота Кузьмина?

– Мы объявляли по всем экипажам кораблей и по всем фортам...

– Кто это «мы»? – резко перебил Раскольников.

– Мы – это Временный революционный комитет линкора «Севастополь», избранный на собрании экипажа линкора.

Зал напряжённо слушал разговор, задние тянули шеи, им было плохо слышно, и раздавались негромкие вопросы:

– Об чём говорят-то?

– Права качают... Кто кого главнее...

– И кто главнее?

– Да отзынь ты! Дай послушать...

– Организация военного комитета в подразделении Военно-Морского флота Республики есть грубое нарушение воинского устава! – громко говорил Раскольников. – А если сказать точнее – это чистой воды контрреволюция! И караться она должна по закону нашего революционного времени!

– Что, сразу расстреляешь, товарищ командующий? – спросил Петриченков и встал. – Ты и Чека для того привёл?

– Расстрелять вас или нет – будет решать революционный трибунал! – Раскольников повернулся лицом к залу, поднял руку. – Когда республика напрягает все силы в борьбе с заклятым классовым врагом! Когда революция в опасности – вы слушаете явных контрреволюционеров? Одумайтесь, балтийцы!

– Ты, товарищ командующий, за революцию переду мной не распинаясь, – за столом вдруг поднялся матрос Самойленко. – Мы тоже Зимний брали и с Деникиным дрались! И Юденича от Питера отбивали! Тут все за революцию! – Самойленко обвёл рукой зал. – Других нету!

– А это ещё посмотреть надо – за революцию ты али против?! – крикнул кто-то из зала.

– А ты што, против? – спросил в зал Самойленко. – Тогда выйди сюда и скажи!

– Давай, Самойленко, трави, зачем собрались! – крикнул другой голос. – Раз командующий с чекистами сами пришли, то врежь им правду-матку!

– А я что, против? – улыбнулся Самойленко. – Вон у Петриченкова резолюция, нехай зачитает!

– Значит, читаю! – Петриченков расправил лист. – Собрание моряков и красноармейцев Балтфлота постановляет первое – избрать Временный революционный комитет Балтфлота и передать ему всю власть в Кронштадте! Временный революционный комитет обращается ко всем кронштадтцам, ко всем гражданам России! Коммунисты предали революцию! Коммунисты поставили республику на грань гибели! В стране голод и безработица! Продотряды грабят крестьянство, отнимая последнее зерно, скотину и птицу! Обрезают женщин и детей на голодную смерть! Коммунисты сделали из нас своих крепостных рабов!

– Немедленно прекратить! Это контрреволюционный мятеж! – Раскольников шагнул к Петриченкову, вырвал у него из рук лист и стал рвать его в мелкие

кучья. – Вы арестованы! Товарищ Фридман, арестовать их!

Стол окружили чекисты, достали револьверы. Сидевшие за столом члены комитета поднялись.

– Не трожь Петриченкова! И Белецкого не трожь! – пронзительно закричал кто-то из зала и его крик подхватили другие:

– И Ладейникова не трожь! И Квартальнова! Они наши!

– Да что ж такое деется, братва! Чуть только слово скажи – коммунисты сразу арестовывать! Да сколько мы терпеть будем, братцы!

– Коммунисты в зале есть? – крикнул Раскольников. – Занять выходы из зала! Приготовить оружие!

Коммунисты стали пробираться из зала к дверям, доставая револьверы. Приехавшие на грузовиках красноармейцы и чекисты вскинули винтовки, раздалось клацанье затворов. И другие матросы, не бывшие коммунистами (а их оказалось в зале значительно больше), тоже начали доставать револьверы. И скоро весь зал замер, одни матросы наставили против других стволы револьверов и винтовок. Секунды казались бесконечными. Перепуганные сестры Ладейниковы сидели, прижавшись друг к другу, и многие женщины в зале были испуганы, со страхом смотрели на матросов, на винтовки и револьверы. И тут вдруг громко начал кашлять Кузьма Бартнев. Хриплый надсадный кашель разносился по всему залу. Брат Прохор посмотрел на него и вдруг вскочил на кресло.

– А это видели?! – закричал в зале Прохор Бартнев и распахнул полы бушлата – из-за широкого ремня у него торчали две рукоятки маузеров и рукоятка гранаты. Матрос выдернул гранату и маузер, поднял гранату над головой. Сидевшие рядом с ним Настя и Александра Ладейниковы отпрянули в сторону, громко ахнули несколько женщин.

– Не балуй, парень, – сказал кто-то. – Тут люди кругом.

– А ну отзыньте от нашего комитета, гражданин Раскольников. Или я всех тут подорву к едрёне фене! – матрос протолкался к президиуму, запрыгнул на сцену и двинулся на Раскольникова, держа в одной руке гранату, в другой маузер, говорил медленно:

– Решением Временного революционного комитета мы не признаём больше власть коммунистов! Мы за Советы, но без вас! Хватит над нами измываться! От рабства помещиков и капиталистов ослобонились и тут же к вам в рабство попали! Правильно говорю, братва?!

– Правильно!! – дружно заорали несколько десятков голосов. – Давай, Бартнев, круши их, гадов!

– Долой их из Советов, долой-ой!

– Слышали? Давай по-хорошему, товарищ Раскольников. Валите отсюда, не доводите до беды! Народ нервный, сами знаете – всякое может случиться... Ежели стрельба по вашей воле начнётся, я вас подорву за милую душу! Вместе с собой!

Раскольников молча смотрел то на гранату, то на ствол маузера, направленный на него.

В зале вновь повисло напряжённое молчание – матросы держали направленные друг на друга револьверы и винтовки.

– До трёх считаю, командующий... – сказал Прохор Бартенев и приподнял ствол маузера, наведя его в лицо Раскольникову...

...И вот Раскольников медленно двинулся от стола, спрыгнул со сцены и медленно пошёл из зала. Матросы с готовностью расступались перед ним. Следом за Раскольниковым потянулись чекисты, красноармейцы с винтовками. Оставшиеся в зале молча смотрели им вслед. Слышались отдельные реплики:

– Комиссару Кузьмину от нас сердечный поклон!

– И товарищу фельдмаршалу Троцкому!

– Ждите нас в Петрограде!

– Кронштадтцы! Братва! – Петриченков вскочил на стол и закричал, подняв руку. – Власть в Кронштадте наша! Да здравствуют Советы без коммунистов! Да здравствует революция!

– Ура-а-а!! – взорвался единым криком зал.

Матросы размахивали руками, шапками и бескозырками. Настя и Александра подпрыгивали на месте и счастливо кричали «Ура!».

Последние красноармейцы и матросы-коммунисты покидали зал...

...Перед зданием Инженерного училища красноармейцы и чекисты забирались в кузова грузовиков. Раскольников и Фридман остановились у кабины.

– Надо немедленно телеграфировать в Москву. Ленину и Троцкому, – сказал Фридман.

– Ты меня учить будешь? – зло глянул на него Раскольников. – Ты лучше Дзержинскому телеграфируй. Доложи ему, какой ты молодец.

– Я доложу, какой вы молодец, товарищ Раскольников, – так же зло ответил Фридман. – И особенно – комиссар Кузьмин.

Раскольников не ответил, забрался в кабину, захолопнул дверцу.

Фридман побежал к своему грузовику, тоже сел в кабину. Моторы разом взревели, и грузовики один за другим тронулись, покатали. Толпа матросов смотрела им вслед.

– Скатертью дорожка, ребята... – сказал кто-то, и толпа рассмеялась, но тут же другой голос, скептический, проговорил:

– Они ещё вернуться...

– Типун тебе на язык с лошадиную голову.

– Попомните мои слова, братцы...

ТИТР: «ПЕТРОГРАД, февраль 1921 года...»

Очереди в хлебные магазины сделались ещё длиннее. Скорбные чёрные вереницы женщин и старух. Очередь спускалась в подвал, тускло освещённый керосиновым фонарём.

У прилавка булочной здоровенный, худощавый и бородачатый мужик проворно резал каждую буханку

чёрного хлеба, клал ломоть в холщёвую небольшую сумку, прикрепленную к безмену.

Глаза женщин мгновенно устремлялись к стрелке на безмене.

– Осьмушка ровнёхонько! – мужик вынимал из сумки ломоть, и жадные женские руки тут же хватили его, убирали в свою сумку. К прилавку подходила следующая женщина, и мужик клал в сумку следующий толстый ломоть, поднимал безмен, взвешивая хлеб... У прилавка останавливалась третья женщина – и вновь бородач взвешивал на безмене хлеб...

Типография.

...Ритмично работал печатный станок, длинные металлические рогульки подхватывали газетный лист, укладывали на большую стопу таких же листовок. Печатник, следивший за работой станка, ждал, когда стопка листовок вырастет до определённого уровня, откатывал тележку и подкатывал пустую. Полную тележку забирал другой рабочий, катил к двери подвала...

В подвал вошёл поручик Герман и с ним ещё несколько бывших офицеров и рабочих.

Герман взял свежие листовки, раздал всем, и все стали читать при скудном свете керосиновых ламп.

...К вечеру на стенах домов, на заборах, на деревянных тумбах, где всегда расклеивали всякие новости, стали появляться наклеенные листовки.

«Всем гражданам революционной России! В Кронштадте создан Временный революционный комитет, взявший в свои руки всю полноту власти! Коммунисты изгнаны из всех органов управления Кронштадтской военной базой и флотом! Кронштадт ждёт, что петроградские рабочие и солдаты поддержат революционный порыв кронштадтских моряков! Наши линкоры и крейсера готовы помочь вам своим всеокрушающим огнём! Вставайте на бой за свободу! Довольно натерпелись мы от зверств большевиков! Да здравствует Советская власть без коммунистов во всей России! Да здравствует свобода!»

Расклеивали листовки двое молодых парней в ватных полупальто и кепках. У одного в руке ведро с жидким клейстером и большая кисть, у другого в сумке через плечо, толстая пачка листовок. Парень быстро мажет клеем стену дома, второй достает листовку, прикладывает. И быстро идут дальше... Вновь останавливаются у покосившегося дощатого забора. И вновь то же самое – один мажет кистью клей, другой прикладывает листовку.

Красноармейский патруль медленно шёл по улице. Вдруг остановились – старший увидел на стене свежий листок, подошёл, прочитал и сразу начал отдиравать листовку от стены. Проговорил:

– Клей свежий. Где-то они близко ходят, гады... А ну, поторопимся! – порвав листовку, старший быстро пошёл вперёд. Двое красноармейцев заторопились

за ним, сдёрнув с плеч винтовки. Они дошли до перекрёстка, свернули за угол и сразу увидели двоих парней с ведром и сумкой.

– А ну стой! – крикнул старший патрульный и побежал вперёд, вытаскивая из кобуры револьвер. Двое других патрульных тоже побежали, клацая затворами.

Парни бросились наутёк. Старший патрульный вдруг остановился, вытянул вперед руки, сжав рукоятку револьвера, и долго целился в бегущих. Грохнул выстрел – и один из парней упал, выронив ведро с клеем. Второй на мгновение замедлил бег, оглянулся на лежавшего на земле товарища и тут же побежал с прежней скоростью, свернул в переулок – и был таков...

Патрульные подбежали к лежащему на земле парню, старший перевернул его на спину.

– Готов... – сказал старший. – Эх, чёрт, второго упустили!

...Всё равно утром на многих домах и заборах белели наклеенные листовки, и прохожие останавливались, читали. У каждого листка собиралось по нескольку человек. Прочитывали, шли дальше по своим делам. Но подходили новые, останавливались, читали...

...На заводской площади Путиловского завода собралась толпа рабочих. В ней можно было заметить и других людей, по виду совсем не рабочих – в тёмных пальто с меховыми воротниками, в студенческих тужурках. В толпе можно было заметить и бывшего ротмистра Мордвинцева, и молодых людей в шинелях, то ли бывших студентов, то ли юнкеров или прапорщиков, если судить по военной выправке. Мордвинцев потягивал из кулака сигарку, поглядывал по сторонам.

На пирамиде из ящиков стоял средних лет человек в расстёгнутом пальто, под которым был виден тёмный пиджак, белая рубашка с галстуком. Голова с густой шевелюрой была непокрыта, шапку человек держал в руках. Это – председатель Совета депутатов Петрограда Зиновьев. Вместе с клубами пара он выкрикивал слова. Вокруг пирамиды было пустое пространство, оцепленное людьми в кожанках, перетянутых ремнями, с револьверами на боку. Ещё чуть поодаль, ближе к заводскому корпусу, стоял отряд красноармейцев – человек двадцать. Рядом с ними – открытый американский автомобиль «Паккард». И грузовик.

Зиновьев с напряжением выкрикивал:

– Большевики никогда ничего не скрывали от народа! Трудности, которые на нас обрушились – голод, разруха, безработица! Белогвардейская сволочь терзает Республику Советов! Мы разгромили Деникина и Врангеля, Юденича и Колчака! Мы заплатили за эти победы большой кровью! Сотни тысяч рабочих и крестьян ушли в Красную Армию, чтобы сражаться за победу революции! Встали заводы и фабрики! Большевики были вынуждены ввести продналог и изымать излишки хлеба у кулаков!

– Излишки?! – перебил яростный голос. – У кулаков?! Деревни с голоду подыхают! Малые дети! Старрики! Какие излишки?! У вас совесть есть, гражданин Зиновьев?!

– Хлеб нужен, чтобы накормить вас, рабочих! Чтобы накормить бойцов Красной Армии! Агенты белогвардейцев здесь и из-за рубежа поют вам, что во всём виноваты большевики! Ложь! Наглая подлая ложь! А вы, рабочие-путиловцы, решили бастовать?! На чью мельницу воду льёте, товарищи?!

Толпа молчала, и было непонятно, одобряет она речь Зиновьева или не верит ни единому его слову. Лица большинства рабочих были угрюмы и непроницаемы.

– В Кронштадте мятеж! – крикнул Зиновьев.

– А почему?! – вдруг громко спросил голос из толпы. – Опять белогвардейские агенты?!

– Да! Белогвардейские агенты! – закричал Зиновьев. – Агенты мировой буржуазии!

– А в Тамбовской губернии мятеж почему? Тоже агенты мировой буржуазии? – опять громко спросил другой голос.

– А в Воронежской губернии почему восстание? А в Саратовской почему?

– Это кулацко-бандитские восстания! – Зиновьев взмахивал рукой с зажатой в кулаке шапкой. – Кулаки прячут хлеб! Закапывают в землю! Обливают керосином! И мы заставим кулака отдать хлеб! Большевики не дадут погубить революцию! Товарищ Ленин сказал: «Советская власть штука крепкая! Создана она не на год и не на три года, а на века! И грош цена той революции, которая не умеет защищаться!»

– Что ж вы с Кронштадтом делать будете? – раздался насмешливый голос. – Ежели они с фортов и линкоров из главных калибров огонь откроют – всем нам тут хана, товарищ Зиновьев!

– Мятеж в Кронштадте будет подавлен жёсткой рукой Красной Армии! И пощады мятежникам не будет! – закричал Зиновьев. – Ваше решение бастовать есть прямая поддержка белогвардейцев, засевших в Кронштадте!

– Да я только вчера из Кронштадта! – крикнул ещё один голос. – Никаких белогвардейцев там не видел!

К Зиновьеву подошёл мужчина в кожанке. Зиновьев наклонился к нему, и мужчина что-то сказал вполголоса. Зиновьев кивнул, разогнулся, обвёл взглядом толпу:

– Только что закончилось заседание Петроградского Совета. В городе Петрограде и во всей Петроградской губернии, включая остров Кронштадт, вводится военное положение! Митинги и собрания запрещены! Забастовки запрещены! Вводится комендантский час!

– Вот тебе и свобода, граждане! – крикнул звонкий голос. – Осталась только свобода с голоду подыхать! Во имя пролетарской революции!

– От вашей революционной сознательности, товарищи рабочие, зависит, насколько быстро мы ликвидируем белогвардейский мятеж в Кронштадте! – Зи-

новьев повысил голос до крика. – Да здравствует пролетарская социалистическая революция! Да здравствует Советская власть! – Зиновьев спустился с пирамиды ящиков, нахлобучил шапку и быстро направился к автомобилю, рядом с которым стояли вооружённые красноармейцы.

– Зацеловал до смерти! – со смешком сказали в толпе.

– Моя Глаша любит кашу и бульон с наваром, а я, дурак такой, отдал всё комиссарам! – в рифму сказал ещё один рабочий, и несколько голосов засмеялись, но тут же раздался ещё голос:

– У нас получается, ребята, вроде как смех на похоронах...

Ротмистр Мордвинцев стоял в толпе, смотрел вслед уходящему Зиновьеву, потом растёр сапогом остаток сигарки и стал пробираться в толпе к заводским воротам...

...Мордвинцев шёл через город, подняв ворот и зачихнув озябшие руки в карманы шинели. Поглядывал по сторонам.

ТИТР: «КРОНШТАДТ, февраль 1921 года...»

Кабинет Козловского А.Н.

– ...Мы должны немедленно взять под свою охрану все склады оружия и боеприпасов, продовольственные запасы. На батареях фортов и кораблях взять под свой контроль все орудия главного калибра, все маяки, – приказывал бывший генерал Козловский. – От нашей решительности будет зависеть наша дальнейшая судьба.

– Главное, чтобы среди матросов разброд не начался, – сказал Петриченков.

– Надо действовать, тогда и разброда не будет, – вновь заговорил Козловский. – Нужно отправить своих людей в Финляндию, Польшу и Эстонию. Нам понадобится их помощь, и чем скорее, тем лучше.

Белецкий слушал разговор и молчал, упершись взглядом в стол. Взял из коробки на столе папиросу, чиркнул спичкой, закурил.

– А вы что молчите, Яков Иваныч?

– Думаю...

В кабинет вошли Ладейников, Квартальнов, Савостьянов и Огромнов. Молча расселись за столом.

– Что обсуждаем, господа-товарищи? – спросил Ладейников.

– Говорим о том, что надо выставить свои караулы у складов с оружием и продовольствием. Взять под охрану артиллерию всех фортов, – сказал Козловский.

– И разоружить всех большевиков Кронштадтского гарнизона, – добавил Петриченков. – Я, как председатель Временного революционного комитета, на этом настаиваю.

– Думаете, они добровольно отдадут оружие? – с сомнением спросил Ладейников.

– Думаю, нет. Но разоружить надо. Или они нам в спины стрелять начнут.

– Вы замечаете, что мы начинаем действовать, как большевики? – негромко спросил Белецкий.

– С волками жить – по-волчьи выть, Яков Иваныч! – резко ответил матрос Квартальнов, долговязый, с большими руками и длинным лошадиным лицом молодой человек лет двадцати пяти. – А вы, конечно, хотите обойтись без крови?

– Хочу, товарищ Квартальнов, и ничего сверхъестественного в этом нет, – сухо ответил Белецкий. – Я не хочу уподобляться большевикам, которые ради победы революции готовы залить страну кровью.

– Успокойтесь, товарищ Белецкий, уже залили... – подал голос Козловский. – Но меня интересует другое – каким образом вы хотите победить большевиков? Без крови.

– Простите, Яков Иваныч, вам своя-то жизнь до рога? – спросил Ладейников.

– Как всякому нормальному человеку, – пожал плечами Белецкий.

– Вы понимаете, что большевики уже сейчас приговорили вас к смерти? При любом исходе, – сказал Ладейников. – И нас всех тоже...

– Погодите, товарищи, я чего-то не понимаю, – нарушил молчание матрос Николай Огромнов. – Два дня назад... в Инженерном училище запросто могла начаться стрельба. Как бы вы поступили тогда, товарищ Белецкий? Я этих ваших теорий не понимаю, вы мне напрямки скажите – стали бы вы стрелять или не стали?

Молчание затянулось. Все смотрели на Белецкого, а Белецкий сосредоточенно курил и молчал. Потом погасил окурок в стеклянной пепельнице, ответил:

– Не знаю...

– Н-да-а... – Николай Огромнов почесал в затылке. – Прямо даже не знаю, как с вами быть, граждане интеллигенция... Ерунда какая-то получается... Чего тогда огород городили, спрашивается? Если с самого начала у нас такая раздрыга пошла?

– Да они же народ газом травят! Целые деревни дотла жгут! – стукнул кулаком по столу Петриченков. – Заложников пачками стреляют, а вы – не знаете. Э-эх, Яков Иваныч, Яков Иваныч...

– А вот пуцай командир Белецкий всё ж мне ответит! – повысил голос матрос Огромнов. – Я человек малограмотный, потому и спрашиваю – где же, когда же свободу человек без крови завоёвывал? В какие такие распрекрасные времена?

– Не знаю... – глухо ответил Белецкий. – Наверное, нигде и никогда... Потому, наверное, её и нет нигде...

– Чего нет? – не понял Петриченков.

– Свободы...

Ладейников и Козловский усмехнулись, Огромнов снова стал скрести в затылке.

– Не, товарищи, у меня от этих рассуждений вовсе мозги свихнутся, – сказал Квартальнов. – Давайте по делу, а?

– Погоди, Тимофей. Сейчас. А вот, к примеру, мы, то бишь члены комитета, проголосуем и большинство

будет за мою резолюцию, вы подчинитесь этому решению?

Вновь потянулось молчание. Наконец Белецкий ответил:

– Подчинюсь.

– Значит, предлагаю поставить на голосование мою резолюцию о взятии под наш контроль складов оружия и продовольствия, артиллерии фортов, причалов, всех военных объектов на территории Кронштадтского острова и военных кораблей Балтфлота. Кто за – подымайте руки.

Члены комитета один за другим подняли руки. И Белецкий тоже поднял руку...

...И вот группа матросов, перетянутых патронными лентами, с винтовками и маузерами, входит в запахнутые ворота склада боеприпасов. Подходит к охране, стоящей возле сторожки и шлагбаума. Дальше – большой двор, по периметру которого стоят приземистые одноэтажные здания с редкими маленькими оконцами. Возле широких железных дверей тоже прогуливаются красноармейцы с винтовками.

– Здорово, балтийцы! – громко здоровается Петриченков и протягивает старшему охраны мандат с печатями. – Про Временный революционный комитет слышали?

– Ну слышали... У нас в одно ухо влетает, в другое вылетает.

– Теперь не вылетит. Власть в Кронштадте перешла к комитету. Без мандата Временного революционного комитета никого на склады не пускать и боеприпасов никому не выдавать. Уразумели? Повторить?

– А где прежние-то? Раскольников, комиссар Кузьмин? – спросил старший охраны.

– Давно в Питере портянки сушат. Я ж вам сказал, – власть теперь наша! – напористо выговаривал Петриченков. – Коммунистов в охране много?

– Да есть... Точно не знаю.

– Кто командир будет?

– Я буду. Командир охраны шестой базы боеприпасов и оружейного цейхгауза военмор Судаков Григорий Гаврилыч.

– Давай, Гаврилыч, построй охрану!

Военмор Судаков прошёл в деревянную сторожку, и через секунду взвыла сирена.

Красноармейцы выбегали из двухэтажной кирпичной казармы, торопливо строились. Петриченков и пришедшие с ним матросы наблюдали за ними.

Около полусотни красноармейцев выстроились в две шеренги, замерли.

– Здравия желаю, товарищи краснофлотцы! – рявкнул Петриченков. – Я есть председатель Временного революционного комитета Кронштадта и Балтфлота. Власть полностью и бесповоротно перешла в руки комитета...

– Здравия желаем... – вразной ответила команда.

– Коммунисты есть?

Строй молчал.

– Вы чё, ребята, напугались, что ль? – улыбнулся Петриченков и оглянулся на своих товарищей. – Если коммунисты есть, то культурным образом прошу – сдайте оружие и идите восвояси.

– Как это восвояси? – спросил кто-то из строя. – А паёк где получать будем?

– Паёк будете получать в комендатуре Кронштадта.

– Знаем мы тот паёк! Ни махры, ни мяса!

– И картоха мороженая!

– Тут паёк получше?

– Конечно, получше! И рыбка мороженая, и пшёнки перепадает, и жмыха вдоволь.

– Тогда другой выход подсказываю, – вновь улыбнулся Петриченков. – Только потом не говорите, что вас под страхом смерти заставили. Выходите из партии большевиков, выбрасывайте их позорные членские билеты и служите на здоровье на благо Свободы и Революции.

– Чё, правда, что ль? – спросил растерянный голос.

– Истинная правда!

– Перекрестись, – потребовал другой голос.

– Да неверующий я, – улыбнулся Петриченков и оглянулся на товарищей, с которыми пришёл. – Белобоков, иди сюда.

К Петриченкову подошёл и встал рядом могучего вида матрос, перетянутый патронными лентами, с маузером на боку, в бескозырке набекрень.

– Вот он верующий! Он за меня перекрестится! – сказал Петриченков, и Белобоков истово перекрестился три раза.

Стало тихо. Красноармейцы переминались, хрустел снег под ногами.

– Что, краснофлотцы? – весело спросил Петриченков. – Как у той барышни получается – и хочется, и боязно, и мамка не велит?

– Ну гляди, ежели обманул! – вперёд вышел красноармеец, достал из внутреннего кармана шинели партбилет (вдвое сложенная красная картонка), порвал его на виду у всех и бросил на снег.

– А я тоже ни хрена хорошего от них не видал, – вышел ещё один, тоже порвал билет и бросил на снег.

Следом за ним вышли ещё человек семь, рвали свои партбилеты.

– Молодцы! Сознательный, я вижу, тут народ! Значит, такое последнее распоряжение! Ежели кто без нашего мандата сунется – стрелять без предупреждения. Все боеприпасы выдавать только по мандату Временного революционного комитета! Ежели приказ не будет выполнен, мы вас постреляем за милую душу.

Старший охраны удивлённо посмотрел на Петриченкова, сплюнул на снег.

– По домам когда отпустите? – опять спросили из строя. – Чё мы тут болтаемся, как дерьмо в проруби?

– А если эти... От Раскольникова или Кузьмина явятся?

– Стреляйте за милую душу. Через пару месяцев будем давать отпуска! Ежели какие недоразумения

– приходите прям в комитет! Все недоразумения раз-
решим, все сомнения развеим!

...У продовольственных складов охрана встретила
Петриченкова и его людей с винтовками наперевес.

– Я сказал – осади назад! – кричал начальник ох-
раны – рослый красноармеец с винтовкой и револь-
вером на поясе. – Никакого Временного революцион-
ного комитета не знаю! Я подчиняюсь командующе-
му Балтфлота Раскольникову и комиссару Кузьми-
ну!

За начальником охраны вытянулась цепь красно-
армейцев, и все тоже держали винтовки наперевес,
готовые стрелять.

– Не хочет товарищ по-хорошему, – Петриченков
обернулся к сопровождавшим его матросам. – Тогда
придётся...

Он не успел договорить, как матрос Белобоков вы-
хватил маузер и два раза подряд выстрелил в началь-
ника охраны. Тот рухнул лицом вниз, выронив вин-
товку.

– Клади оружие – всех постреляем! – заорал Пет-
риченков, выдергивая маузер. – Ну!

Цепь караульных замешкалась, потом стали бро-
сать винтовки один за другим.

– Которые большевики! Или бросайте свои парт-
билеты, или валите отсюда к едрёне фене! Ваша
власть в Кронштадте кончилась! А скоро и в Петро-
граде кончится! И во всей России!

– Куда идти-то? – спросил один из караульных.

– В Питер топайте! А оттуда в Москву! Ленину
наш привет передайте!

Красноармейцы развернулись, не спеша потопали
прочь от складов.

Склады продовольствия.

...В караульном помещении Петриченков кричал в
телефонную трубку:

– Товарищ Ладейников, ты это? Давай в продо-
вольственные склады военморов на охрану. Сотню
людей, не меньше! Чтоб через час обязательно! И на-
чальника складов назначьте! Чтоб он тоже сюда при-
был! Какие у вас новости? Перестрелка? Где? За ти-
пографию? Ну правильно! Это им прямо под дыхало!
Всё, Квартальнов, отбой! Пошёл дальше! – и Петри-
ченков бросил трубку на рычаг аппарата, свирепо
посмотрел на красноармейца, стоявшего у стола:

– Ежели хоть горсть зерна пропадёт! Хоть фунт
жмыха! Хоть чего другого – лично тебя расстреляю!

...А на линкоре «Петропавловск» разгорелась пе-
рестрелка. Группа большевиков стреляла из-за ба-
шенного орудия, из-за защитных укрытий. Пули с
визгом ударяли о металл, отскакивали рикошетом.
Несколько убитых моряков лежали на палубе. Нако-
нец у защищавшихся кончились патроны. Из-за баш-
ни закричали:

– Всё, братва! Всё! Сдаемся!

– Что, большевички, патроны кончились?

– Кончились! Кончились! Ваша взяла!

– Оружие бросайте, гады! – отвечали им с разных
сторон. – Руки подымайте!

На металлическую палубу полетели маузеры и
револьверы. Потом из-за орудийной башни стали вы-
ходить матросы с поднятыми руками. Их сразу окру-
жили, наставив на них стволы маузеров и револьве-
ров:

– Вон глядите, сучьи лапы, сколько вы наших ре-
бят положили!

– А вы сколько наших! Только за башней четверо
мертвяков лежат!

– Трибунал вас судить будет! Как врагов народа!

– Какой такой трибунал?! Не признаем мы ваше-
го трибунала! И вашего контрреволюционного коми-
тета не признаем! – с яростью отвечал матрос. – За
преступления свои перед Советской властью отве-
тите!

– А ты за свои прям сейчас ответишь! – крикнул
член комитета матрос Огромнов и выстрелил в сто-
явшего перед ним матроса. Тот рухнул на палубу.

– Кто ещё не признаёт власть Временного рево-
люционного комитета?

– Признаём, признаём! – раздались поспешные
голоса. – Кончай лютовать, Огромнов!

– Или выбрасывайте свои партбилеты, или пошли
с линкора к чёртовой матери! – кричал в ответ Ог-
ромнов. – В Питер идите – коммунистов от народа
защищать!

На палубу, после минутного замешательства, ле-
тели красные картонки...

ТИТР: «ПЕТРОГРАД, февраль 1921 года...»

Мордвинцев сидел в дымном, душном подвальном
трактире. За грязными засаленными дощатыми сто-
лами без скатертей сидели мужики, спившиеся обо-
рванцы, тёмные личности в заношенных шинелях и
пальто. Шелуха от воблы устилала столы, валялась
на полу. Двое половых в красных рубахах и заляпан-
ных пятнами грязных передниках разносили пиво.
Стоял слитный гул голосов, сизый табачный дым сло-
ями плавал в воздухе.

Мордвинцев наблюдал за двумя молодыми людь-
ми в шинелях, аккуратно застёгнутых на все пугови-
цы гимнастёрках, и, главное, гладко выбритых. Перед
ними стояли кружки с пивом и лежала вобла, но они
не пили, о чём-то тихо переговаривались. Потом один
из молодых людей встал, подошёл к другому столу, за
которым сидели несколько бородатых мужиков, кто в
тулупах, кто в ватных полупальто. Молодой человек
наклонился к одному из них и что-то сказал на ухо.

– Не мельтеши, барин... – икнул и рыгнул мужик.
– Аккурат в полночь и поедем. Самое надёжное вре-
мечко... Я покудова ишшо посошок на дорожку при-
му... И плату давай. Мне советских и керенок не надо –
никалаевские давай... – мужик поднял кружку, сде-
лал несколько больших глотков, на усах и бороде ос-
талась пена.

Молодой человек, между тем, вытащил из-за па-
зухи большие золотые часы-луковицу на толстой зо-

лотой цепочке, протянул мужику. У того мгновенно расширились и заблестели глаза, он быстро осмотрел часы, сунул себе за пазуху и сказал:

– Поставщик двора Его Величества Буре... Это дело... Щас тронемся... Тут до побережья рукой подать, ишшо не рассветёт – там будем...

Мордвинцев наблюдал, как мужик допил пиво, смачно облизал усы, утёр бороду и тяжело поднялся, запахнув тулуп, двинулся к лестнице, ведущей из подвала. Двое молодых людей встали из-за стола и пошли за ним, застёгивая шинели.

И Мордвинцев тоже поднялся, пошёл за молодыми людьми.

...На улице было уже темно, лишь светил газовый фонарь над входом в трактир. Вдоль обочины тротуара стояли три мохнатых лошади, запряжённые в сани-розвальни.

За санями на корточках сидели трое красноармейцев с винтовками и мужчина лет сорока в кожанке, кожаной фуражке со звёздочкой на тулье, и с револьвером в руке. Они явно кого-то ждали. И вот из трактира вышел кучер в тулупе, а следом за ним двое молодых людей в шинелях. Все трое подошли к передним саням. И тут трое красноармейцев и чекист в кожанке встали, красноармейцы навели на молодых людей винтовки.

– Добрый вечер, господа, – весело сказал чекист, обходя сани и приближаясь к молодым людям. – А вот и мы. Больше часа вас поджидаем. А вы всё не идёте и не идёте. Документики попрошу предъявить. А ты сиди и не дёргайся, – чекист хлопнул кучера по спине. – Пристрелю сразу... Ну, что стоите, ваши благородия, документы давайте. Или сразу в Чека поедем?

Молодые люди стояли в оцепенении. Неожиданное появление чекиста и патрульных их парализовало.

И тут грохнул выстрел. Чекист удивлённо посмотрел на молодых людей, стал заваливаться на бок и упал на землю, выронив револьвер. Но он ещё не успел упасть, как прогремели новые выстрелы и красноармейцы тоже стали падать.

От дверей к саням метнулась фигура Мордвинцева. Он упал в сани, крикнул:

– Садитесь же, чтоб вас чёрт! Что застыли?!

Молодые люди кинулись в сани, Мордвинцев ногой двинул кучера в спину:

– Гони давай!

И застоявшаяся сильная лошадка рванула сани и понесла их по накатанной льдистой снежной дороге, кучер нахлёстывал её со всем старанием. По обеим сторонам мелькали глухие заборы, покосившиеся штакетники и тёмные, насуспенные бревенчатые дома с жёлтыми, как у котов, глазами-окнами, голые деревья в палисадниках – окраина Петрограда...

– Имею честь представиться, господа, – громко сказал Мордвинцев. – Ротмистр Мордвинцев. Воевал у Врангеля, первый корниловский полк.

– Прапорщик Козловский Владимир... – сказал один.

– Мичман Сергей Козловский...

– Неужели братья? – весело спросил Мордвинцев.

– Братья... – сказал Сергей Козловский.

– Что ж вы так замешкались, братья? Стрелять надо, а вы рты разинули. Так вас и загребли бы в Чека... Э-эх, господа офицеры...

– Мы благодарны вам, господин ротмистр. Очень благодарны, – сказал Сергей.

– И вы прямиком в Кронштадт нацелились?

– Вы, как я понимаю, тоже? – в свою очередь спросил Сергей Козловский.

– Аж из самого Крыма пробираюсь... – усмехнулся Мордвинцев. – Там, я слышал, мятеж моряки подняли? Против нашей любимой Советской власти? Вы поэтому туда, я надеюсь?

– Там наш отец – начальник артиллерии Кронштадта, – наконец обрел дар речи мичман Владимир. – Генерал Козловский.

– Ну, наконец, мне хоть немного повезло... – Мордвинцев с улыбкой покачал головой. – Значит, ещё повоюем, господа офицеры... Повуюем...

Владимир держался за край саней и молчал. И его брат Сергей молчал. Свистели и скрежетали полозья, глухо стучали конские копыта, мелькали заборы. Дома пошли всё реже и реже, заснеженный лес потянулся по обе стороны укатанной дороги. Запаренная лошадь пошла трусцой, комья снега летели из-под копыт... Медленно серел рассвет...

Скоро лошадь вынесла сани на побережье и остановилась. Впереди уходила в даль без конца и края снежная равнина, таяла в рассветной мгле.

– Прибыли, ваши благородия! Дальше уж вы сами...

– Поехали дальше, – сказал Мордвинцев. – До Кронштадта.

– Не поеду, – мотнул заиндеветой бородой кучер. – Такого уговора не было!

– Сколько вы ему заплатили? – спросил Мордвинцев братьев.

– Я ему часы золотые отдал, – сказал Сергей. – Подарок отца...

– Часы сюда, быстро, – Мордвинцев достал револьвер, ткнул кучера в спину. – Или я тебя здесь пристрелю.

– Так ведь... я же... уговор ведь был – до берегу довести... – перепуганно забормотал кучер.

– Это ты с ними договаривался. А со мной другой уговор. Сперва часы сюда, быстро!

Кучер покопался за пазухой, вытянул за цепочку «луковицу». Мордвинцев вырвал из его руки часы, протянул их Сергею:

– Заберите. С этой сволочи и пятака медного много будет, а вы... часы отцовские... Разве можно? – Мордвинцев вновь ткнул кучера в спину стволом револьвера. – А теперь, если жить хочешь, повезёшь нас через залив... Поехали, я сказал, не то – пристрелю и сам вожжи возьму. А довезёшь, ещё поживёшь немножко...

– Э-эх, судьба проклятая-а-а... – всхлипнул кучер и хлестнул вожжами лошадь. И медленно поехали по накатанной колее, из глубины тянулись рассеянные лучи маяков фортов Кронштадта...

...Они шли по узкой горбатой кронштадтской улочке и оживлённо разговаривали.

– Нет-нет, Николай Гаврилович, вы не имеете права отказываться. Вы остановитесь у нас! – горячо убеждал Сергей Мордвинцева. – Если бы не вы... Я даже подумать боюсь, что с нами было бы!

– И всё же я предпочёл бы познакомиться с генералом в официальной обстановке, – отказывался Мордвинцев. – Право, господа, неловко... Я грязный, небритый... Я не мылся больше месяца, от меня несёт потом, как от загнанной лошади...

– Я прошу вас, господин ротмистр, для нас большая честь пригласить вас в отчий дом, – серьёзно и тихо сказал Владимир и сам смутился, отвёл взгляд в сторону.

– У нас вы прекрасно вымоетесь и даже одежду смените! – сказал Сергей. – Да что вы отказываетесь, право? Вам же идти всё равно некуда!

– Ну хорошо, братцы, сдаюсь...

...Каменные стены, чугунные ограды, узкие стрельчатые окна, маленькие дворики с каменными скамейками, чугунными якорями у подъездов, моделями яхт и корветом над арками, чугунными пушками и пирамидками ядер. Здесь на каждом шагу можно было увидеть напоминание о море и кораблях, здесь каждый камень был пропитан морем и морской жизнью...

Они остановились у трёхэтажного дома. Два могучих мраморных атланта поддерживали на плечах арку. Сергей начал крутить ручку звонка, слушая переливчатые звуки колокольчика, засмеялся:

– Ах, какая музыка! – он толкнул тяжёлую дверь с бронзовыми в виде львиных морд ручками. – Прошу, господин ротмистр...

...Через несколько минут в квартире Козловских братья жарко обнимались с отцом. Трое сыновей – Кирилл, Сергей и Владимир – радовались как дети, да они, собственно, и были почти детьми – юноши, не нюхавшие пороха гражданской войны. Разве что кроме подпоручика Кирилла. После многочисленных возгласов и похлопываний по спинам Сергей сказал, указав на стоящего у двери Мордвинцева:

– Папа, мы хотели бы представить тебе ротмистра Мордвинцева. Он в прямом смысле спас нам жизнь.

– Мы бы уже сидели в подвале ЧК на Гороховой, – добавил Владимир.

– Душевно рад, – генерал Козловский с улыбкой протянул Мордвинцеву руку.

– Ребята сильно преувеличивают, – усмехнулся Мордвинцев, пожимая руку генерала. – Просто нам оказалось по пути.

– Весьма многозначительно выразились, господин ротмистр, – улыбнулся Козловский. У него было широкое добродушное лицо, длинные густые усы, сливавшиеся с короткой густой бородой.

– Что вы, Андрей Николаич, терпеть не могу многозначительностей. Стараюсь всегда выражаться просто и ясно. Кронштадт поднялся против большевиков? Стало быть, мне с вами по пути.

...Через некоторое время все сидели за столом и пили пустой чай из старинных фарфоровых чашек. Перед каждым на тарелке лежало по ломтю чёрного хлеба, в хрустальной сахарнице было несколько больших кусков колотого сахара. Каждый отгрызал от своего кусочка по-немногу и пил чай из чашки.

– Любимый народом чай вприкуску, – говорил генерал Козловский.

– И хлеб с сахаром, – Сергей откусил хлеба, стал жевать его с сахаром, громко хрустел при этом.

– Значит, из самого Крыма добирались? – спросил вдруг Козловский. – Через всю Россию?

– Пришлось... – ответил Мордвинцев. – Можно было в Румынию уйти или в Польшу... На худой конец – в Прибалтику...

– Что ж не ушли?

– Вся Россия – в огне крестьянских восстаний, Андрей Николаевич. Я подумал, что ещё не всё потеряно... Подумал – наконец до мужика стало доходить, что такое большевики.

– Думаете, стало доходить? – спросил Козловский. – Не поздно ли?

– Что же мне ответить вам, господин генерал? – раздумчиво произнёс Мордвинцев. – Может быть, и поздно...

– Думаете, сам мужик русский это понимает? – опять спросил Козловский, пытливо глядя на ротмистра.

Сыновья молчали, не осмеливаясь вступить в разговор старших.

– Русский мужик очень умён... И, думаю, понимает... – вновь раздумчиво, глядя в стол, отвечал Мордвинцев.

– Тогда зачем эти восстания? – опять спросил Козловский.

– Отчаяние... – после долгой паузы ответил Мордвинцев. – Русское отчаяние, господин генерал.

– Точное слово нашли, ротмистр – отчаяние... Я согласен с вами, – вздохнул генерал Козловский. – Вот и в Кронштадте тоже... Если взвесить все реалии – рассчитывать нам не на что...

– Прости, папа... – нарушил молчание Сергей. – Но как ты можешь так рассуждать? Ты же один из руководителей Революционного комитета, матросы верят тебе...

– Веры тут, мой дорогой, мало, – нахмурился Козловский.

– Но как же без веры, папа? – спросил Владимир.

– Можно и без веры, дети мои, – усмехнулся Козловский. – Можно от отчаяния... И то, что я говорю дома, совсем не надо выносить за его стены. Судьба предоставила нам ещё один шанс, и не использовать его мы не имеем права...

– Как там великий Гамлет сказал: «Слова, слова, слова...» – господин генерал, – усмехнулся Мордвинцев.

Сыновья с тревогой смотрели на отца, на ротмистра Мордвинцева. Наконец Кирилл, самый старший и уже в звании подпоручика, спросил:

– Нам-то как быть со всеми этими мыслями, отец?
– Человек без мыслей – бессловесная скотина, – резко ответил Козловский. – Ты, например, Кирилл, отправишься завтра же в Финляндию. Кронштадту нужен хлеб, мясо, крупы, масло и деньги! Вот за всем этим ты и отправишься...
– А мы? – спросил Сергей.
– Успокойтесь, дети мои, всем дело будет, – отрезал Козловский. – Вам надо отдохнуть с дороги...

...Печатный станок стучал и стучал, росла кипа листовок. Вокруг него толпились члены Ревкома Кронштадта – военморы Петриченков, Огромнов, Квартальнов, каперанг Яков Иванович Белецкий, Прохор Бартенев, кавторанг Игорь Ладейников. Вот Петриченков взял одну, понюхал шрифт, улыбнулся и стал вслух читать:

«...Кронштадтцы! К вашей гражданской совести обращается Временный революционный комитет! Большевики в Питере, господин Зиновьев с Раскольниковым и Кузьминым кричат, что в Кронштадте мятеж и подняли его белогвардейцы, прибывшие из Финляндии и Эстонии! Что руководят нами из-за кордона! Это наглая ложь! Мы – моряки Балтийского флота – поднялись против коммунистов-большевиков, чтобы прекратить террор против собственного народа! Большевики украли революцию у народа! Они узурпировали власть! Они обрекли рабочих и крестьян на голод! Они разгромили все оппозиционные партии!..»

...Двое матросов расклеивали листовки на стенах домов, на афишных тумбах, на створках железных ворот. Прохожие обращали внимание на листовки, многие останавливались, читали. В некоторых местах у листовок стояло по несколько человек – матросы, рабочие ремонтной верфи, женщины...

В других местах города листовки расклеивали Александра и Настя Ладейниковы. Улыбались друг другу, исполненные важности дела, которое им поручили. Их сопровождали, совсем как кавалеры, Кирилл Козловский и Николай Мордвинцев. Они о чём-то переговаривались с девушками, смеялись. Мордвинцев беспрестанно смолит папиросу, зажав длинный мундштук в углу рта. Иногда то Кирилл, то Мордвинцев разглаживали наклеенные листовки, несли ведёрко с клеем и тяжёлую сумку с листовками...

...В лавке выдавали хлебный паёк, и к прилавку тянулась длинная очередь женщин и стариков. Выдавали по половине буханки чёрного хлеба, фунту муки, связке луковиц и связке вяленой трески. Выдавал продукты мрачный, огромного роста матрос в тельняшке и тёплом бушлате сверху, бескозырка сдвинута на затылок, из-под неё на лоб выбивался густой тёмный чуб.

...На кораблях флота кок выдавал на обед в мисках почти пустую баланду, четверть буханки, луковицу. В мрачном молчании матросы хлебали баланду, ели чёрный хлеб. Один из матросов сдал в

кулаке кусок хлеба, и из него потекла бурая жидкость...

ТИТР: «ПЕТРОГРАД, февраль 1921 года...»

В кабинете Зиновьева шло совещание. Зиновьев, Раскольников, Кузьмин и зампредседателя Чека Фридман. Говорил Кузьмин:

– Первое, что необходимо немедленно – прекратить подвоз продовольствия в Кронштадт.

– На сколько им хватит собственных запасов? – Фридман посмотрел на Раскольникова.

– Самое большее – на месяц, – ответил Раскольников.

– Голод не тётка. Без продовольствия взвоют, как волки! И выставить кордоны. Чтобы мышь не проскочила.

– Там много гражданского населения, – сказал Раскольников.

– Понимаю, пострадает гражданское население. А не надо было на митингах контру поддерживать! – Фридман пристукнул кулаком по столу. – В Ораниенбауме стоит 27-я дивизия. Её части расположены по всему побережью... – Фридман достал из планшетки карту, развернул, расстелил на столе. – Вот сороковой полк... Вот 187-я бригада... 167-я бригада... Вот они и должны перекрыть все дороги к острову. Приказ я сегодня же подпишу. Дальше. Силами этой дивизии мы и предполагаем ликвидировать мятеж. Двадцать первого сороковой полк и 187-я бригада выдвинутся к острову вместе с артиллерией...

– Да вы что? – испуганно перебил Раскольников. – Они же огонь откроют. Огневой мощи одного линкора «Севастополь» достаточно, чтобы разнести в пух весь Ораниенбаум вместе с полками и бригадами. Боеприпасов у них предостаточно.

– «Севастополь» подчиняется контре? – спросил Фридман.

– Линкор «Петропавловск» тоже. Миноносец «Стерегущий». «Храбрый» тоже, – добавил Кузьмин...

– Н-да-а... ситуация... – угрюмо протянул Фридман.

– Как я понял, вы хотите брать Кронштадт штурмом? – наконец раздался голос Зиновьева.

– Вы правильно меня поняли, товарищ Зиновьев, – ответил Фридман. – У вас есть другое предложение?

– А что на это кровопролитие скажут петроградские рабочие, вы не думали? – едва сдерживаясь, спросил Зиновьев.

– Мне некогда об этом думать, товарищ Зиновьев. Вы должны объяснить петроградским рабочим, что все делается во имя спасения революции. Большевики и сочувствующие нам поймут. И поддержат наши действия.

– А красноармейцы 27-й дивизии вас поймут? – спросил Зиновьев.

– Красноармейцы 27-й дивизии должны будут выполнить приказ.

– А они выполняют ваш приказ? – опять спросил Зиновьев.

Фридман молча и долго смотрел на него и не отвечал, только тихо постукивал кулаком по столу. Раскольников и Кузьмин тоже смотрели на главкома.

– Что вы молчите? Я спрашиваю – 27-я дивизия выполнит ваш приказ?

– Они должны будут выполнить мой приказ... Если вы наделите меня соответствующими полномочиями. Я пока что – зампреда Петроградского ЧК, – вновь уклонился от прямого ответа Фридман. – Может быть, придётся обращаться к Троцкому и Дзержинскому.

– Уж тогда лучше, я думаю, сразу к Ленину, – усмехнулся Зиновьев...

(Конец четвёртой серии)

СЕРИЯ 5

ТИТР: «187-я БРИГАДА 27-й ДИВИЗИИ РККА...»

Улица у штаба бригады.

Толпа красноармейцев волновалась перед штабом бригады – двухэтажным бревенчатым домом с высоким крыльцом. На крыльце стояли несколько человек – трое матросов. Среди них – член Ревкома Кронштадта Квартальнов.

– Я пришёл к вам, братья-красноармейцы, чтобы сказать – кронштадтцы не против революции! Кронштадтцы не против Советской власти! Кронштадтцы против ига большевиков-коммунистов! Коммунисты украли революцию у народа! Они узурпировали власть и творят произвол по всей республике! Тамбовщина, Воронежская губерния горят в огне восстаний! В Саратовской губернии тоже восстание! Крестьяне поднялись против коммунистов!

Сквозь толпу красноармейцев проталкивалась группа командиров – комбриг Дуленков, два командира полков и командиры помельче. Красноармейцы неохотно сторонились.

Комбриг первым пробился к крыльцу, поднялся на него, резко спросил:

– Кто такой?! Почему в расположении бригады? Документы!

Командиры окружили Квартальнова и двоих матросов.

– Член Революционного комитета Кронштадта военмор Егор Квартальнов.

– Арестовать! – почти выкрикнул комбриг Дуленков, и двое командиров схватили Квартальнова за руки, но он с силой оттолкнул их и сказал громко:

– Не арестуешь ты меня, комбриг! Ежели через час я сигнал не подам, что жив и всё в порядке, линкор «Севастополь» накроет твою бригаду огнём главных калибров. Доходит или повторить? – Квартальнов презрительно улыбался.

– Контра... Сволочь... – процедил комбриг Дуленков. – Арестовать его!

Командиры вновь навалились на Квартальнова, стали заламывать руки, и тут вдруг толпа красноармейцев заволновалась громче, слышались злые выкрики:

– Не трогай его! Пусть говорит!

– Чё он сказал-то? «Севастополь» из главных калибров по нам шарахнет?

– Ну да! Ежели комбриг этого матроса арестует...

– Неужто по своим смогут?

– Да ведь они, вроде, свои, но теперь как бы и не свои...

– Как это?

– А хрен разберёт! Морячок-то пришёл платформую свою изложить!

– Какую ещё платформу?

– Политицкую! Вроде, теперь главные враги революции не белые, а сами большевики!

– Так пушай излагает! Дайте моряку говорить!

– Да слышали уже, что он плетёт! – раздался другие голоса. – Большевиков несёт по пням и кочкам!

– Ну, вот я – большевик! – к крыльцу пробился средних лет красноармеец в шинели и будёновке. – Какую такую власть я узурпировал? Кого я угнетаю?! Контра ты паскудная, и больше сказать мне тебе нечего!

– Пр-ра-а-аильна-а! – раздался голоса. – И я большевик!

– И я большевик!

– Тебе неинтересно, а мы жалаем его платформу послушать!

– Арестовывай их, командир, наслушались бредней, хватит!

– Нет, не хватит-и-ит! – взвился другой отчаянный голос, и к крыльцу стал пробиваться другой красноармеец, в расстёгнутой шинели, с растрёпанной бородой. – А я говорю вам, братцы, не хватит! Матрос дело говорит! Я днями письмо получил! Костромской я! Деревня Безводное прозывается! Голод там, братцы! Продотряды всё зерно выгребли! Коров увели! Курей всех перебили! Картошку мёрзлую из погребов – и ту выгребли! А когда мужики за вилы да топоры взялись – всех постреляли! Баб не пожалели! – красноармеец полез за пазуху, достал сложенное четверо письмо, стал размахивать им над головой. – Вот оно, письмо! Во-вот!

– Слышали, братцы?! Она как большевики народ мордуют! – взвился чей-то крик, и солдатская масса заволновалась пуще прежнего.

...На линкоре «Севастополь» в капитанской рубке у телеграфного аппарата стояли связисты и предревкома Петриченков. В рубку вошёл командир линкора Белецкий, достал карманные часы, сказал:

– Думаю, пора давать...

– Телеграфируйте, – сказал Петриченков, и один из связистов, худенький матросик в кругленьких очёчках в железной оправе, сел за ключ, вопросительно посмотрел на Петриченкова, ожидая команды...

Улица у штаба бригады.

– ...Всем приказываю разойти-и-ись! – выдерживая из кобуры револьвер, закричал комбриг Дуленков.

– Ты пукалкой тут не размахивай, командир! Тута все свои! – вновь зашумели в толпе.

– Расступись! Дайте дорогу! – размахивая револьвером, комбриг двинулся вперёд. Следом за ним двое командиров повели Квартальнова со скрученными за спиной руками. Ещё двоих матросов схватили красноармейцы-большевики и тоже повели через толпу красноармейцев. Толпа бурлила руганью, выкриками.

– Разойтись! Прекратить митинг! Приказываю! За невыполнение приказа – трибунал!

Из дверей штаба на крыльцо выскочил красноармеец, закричал:

– Товарищ комбриг! Телеграф работает! Линкор «Севастополь» на проводе!

Комбриг Дуленков развернулся и побежал обратно к крыльцу, скрылся в дверях штаба бригады.

В комнате связи стучал телеграфный аппарат, ползла узкая бумажная лента с отпечатанными буквами: «У вас находится член Ревкома Кронштадта товарищ Егор Квартальнов. Вызываем на связь. В случае причинения вреда товарищу Квартальному открываю огонь по расположению бригады. Председатель Ревкома Кронштадта военмор Петриченков. Жду ответа в течение десяти минут, после чего открываю огонь...»

Комбриг прочитал. Аппарат перестал стучать. Два связиста выжидающе смотрели на Дуленкова. Тот напряжённо молчал, раздумывал, потом резко приказал:

– Соедини с ораниенбаумским Чека!

Связист принялся крутить ручку телефонного аппарата, наконец проговорил:

– Чека? Штаб 187-й бригады вызывает! Комбриг Дуленков на проводе! – связист протянул трубку Дуленкову. – Товарищ комбриг. Начальник Чека на проводе.

– Алё! Фридман, ты?! Комбриг Дуленков говорит!

– Слушаю тебя, комбриг... – отозвался густой, медлительный голос.

– У меня тут... буза заваривается! С Кронштадта моряки...

– Знаю... – отозвался Фридман.

– Так что делать? С линкора «Севастополь» телеграф поступил. Если я этих моряков арестую – они откроют огонь по расположению бригады из главных калибров! Ты представляешь, что будет?

– Представляю... – так же спокойно отозвался Фридман.

– Что значит – представляешь? Это же главные калибры линкора – они разнесут тут всё к чёртовой матери!

– Пусть стреляют... Если будут убитые – это только озлобит бойцов против контры... – с невозмутимым спокойствием отозвался замначальника Чека. – Арестуй этих матросов и доставь их ко мне. Я с ними разберусь... Будь здоров, товарищ комбриг.

Комбриг Дуленков резко повернулся и вышел из комнаты связи.

– Арестованных доставить в Чека Ораниенбаума! – с крыльца закричал комбриг. – Митинг закончен! Всем бойцам разойтись по казармам.

– Не дадим матросов, братцы! – вновь раздались крики.

– Арестовать, и дело с концом! Неча с контрой церемониться!

– Давай, арестовывай! А с «Севастополя» как врежут – будем зубами рёбра пересчитывать!

Толпа красноармейцев окружила матросов и командиров. Стали хватать командиров за руки, оттащить от матросов. Дело дошло до кулаков. Едва не вспыхнула драка.

– Отпускай их! Немедля!

– Присоединяйтесь к нам, братья красноармейцы! Долой большевиков! – кричал Квартальнов. – Да здравствует Советская власть без большевиков! Даёшь Петроград!

И толпа красноармейцев ответила восторженными криками...

Штаб бригады. Комната связи.

...Торопливо стучал телеграфный аппарат. У комбрига Дуленкова было в кровь разбито лицо, рукав шинели надорван, в кобуре не было револьвера. Вокруг стояли избитые командиры, тоже без оружия, у всех на лицах ссадины и синяки. Комбриг диктовал:

– Линкор «Севастополь». Посланные вами моряки отправлены домой в целостности и сохранности! Если подобная агитация повторится, контрреволюционные агитаторы будут преданы суду трибунала. Комбриг 187-й Дуленков, – комбриг замолчал, утёр кровь с разбитой губы, сплюнул, сказал. – Теперь другую телеграмму. Начдиву Грибачёву. Докладываю. Личный состав 187-й бригады вышел из повиновения! На митинге принято решение присоединиться к восставшему Кронштадту. Враждебное отношение к большевикам... Срочно прошу помощи...

Капитанская рубка линкора «Севастополь».

– ...Ну что, наша взяла? – улыбнулся Петриченков, читая на узкой ленте телеграфный текст. – Ура, товарищи! 187-я бригада на нашей стороне! Ура!

– Ура! – коротко прокричали стоявшие у телеграфного аппарата члены ревкома.

Комната связи штаба Инженерного училища.

...И вновь стучал телеграфный аппарат и ползла узкая бумажная лента с отпечатанными буквами. Козловский перебирал её, шевелил губами, читая вслух:

– Подготовлен обоз с хлебом и мясом. Обеспечьте приём. С обозом выходит отряд добровольцев. Полковник Эльвенгрэн.

...Генерал Козловский напутствовал моряков в штабе Инженерного училища:

– Вы должны встретить обоз на полдороге. И вместе с отрядом сопровождения прийти в Кронштадт.

Патрулей там немного, особенно ночью. Тем более, что 187-я бригада отказалась выполнять приказы своего комбрига и на патрулирование наших берегов не выходит. Главное – нам везут хлеб, товарищи. Сами знаете, как он нужен.

В комнате стояли человек пятнадцать моряков, ротмистр Мордвинцев и двое сыновей Козловского – Владимир и Сергей. Козловский по очереди пожал руки матросам и сыновьям.

– Вы будете за главного, ротмистр, – сказал Козловский Мордвинцеву. – Удачи желаю...

ТИТР: «ОРАНИЕНБАУМ. ШТАБ 27-Й ДИВИЗИИ, февраль 1921 года...»

В штаб к начдиву 27-й Грибачёву ворвался комбриг 187-й бригады Дуленков:

– Сегодня ночью пойдёт большой обоз с зерном и другим продовольствием из Финляндии в Кронштадт. С ним отряд добровольцев – все бывшие офицеры!

– Ну и что? – начдив поднял взгляд на Дуленкова. – Чё ты примчался, как баба с пожара? У тебя бригада должна контролировать всё побережье и все проходы в Кронштадт – а ты ко мне примчался?

– Не подчиняется бригада... Не хотят выходить в патрулях... А если будут патрулировать, нет никакой гарантии, что они не пропустят обоз в Кронштадт.

– Дуленков, я вижу, тебе под трибунал захотелось... – и начдив вдруг ударил кулаком по столу и зарорал: – Что ты мне тут мелешь, что мелешь?! Комбриг докладывает мне, что бригада ему не подчиняется! Трибунал тебе светит! Если б мы на фронте были, я б тебя сейчас сам расстрелял! – и начдив схватился за кобуру на поясе. – Короче – трибунал!

– Есть трибунал, товарищ начдив, – упавшим голосом ответил Дуленков, козырнул и повернулся уходить.

– Стой! Я тебя ещё не отпустил! Садись, твою мать! Надо думать, как обоз перехватить... Я пришлю из 90-го полка роту бойцов, если твои все к контре перекинулись...

– Да не перекинулись они, товарищ начдив! Бузят, митингуют... Честно говоря, сочувствующих морякам много... Ведь многие тоже письма из деревень получают... А там везде голодуха... И в бригаде продовольственное снабжение – чёрт-ма! Ведь кронштадтцы для них – свои ребята. Как им объяснишь, что там контра завелась?

– Роту из 90-го полка дам, – повторил начдив Грибачёв. – Щас буду звонить Фридману, буду просить чекистов и мотоциклы. У тебя мотоциклы в бригаде есть?

– Наберу штук пять-шесть...

– И то хлеб... Фридман десяток или полтора даст. С пулемётами... Встретите обоз – и сразу атаковать! Сразу! Без вопросов! – начдив снял телефон с аппарата, покрутил ручку, спросил: – Кто там на связи? Начдив 27-й говорит. Петроградский Чека мне дайте! Да, слушаю. Товарищ Фридман? Начдив 27-й говорит. Тут такое дело, товарищ Фридман...

...Длинный обоз тяжело нагруженных повозок медленно двигался по заснеженному льду Финского залива. Смеркалось. Синяя мгла растекалась по заснеженному льду. Сопровождал обоз отряд мужчин в полубухах, шинелях и матросских тёплых бушлатах. По выправке в них нетрудно было опознать офицеров. У всех за спинами поблёскивали стволы винтовок, на поясах – кобуры с револьверами. На двух подводах поверх мешков с зерном стояли «максимы», и за пулемётами лежали офицеры.

Подводы были с верхом нагружены мешками, перетянуты для пушек надёжности верёвками. Матросы и солдаты гарнизонов фортов были тоже перетянуты патронными лентами. Цокали по льду подковы, лошади с трудом тянули тяжеленные сани.

Вот впереди, в туманной мгле, показались фигуры патрульных красноармейцев. Они медленно приближались.

– Приготовились, господа! Сразу встречаем огнём! Пулемёты готовы?

– Так точно! Через полсотни метров можно открыть огонь! Командуйте, поручик!

Фигуры патрульных (их было человек пятнадцать) приблизились ещё на десяток метров и раздалась короткая команда:

– Огонь!

В морозном воздухе «максимы» стучали особенно сухо и громко. Защёлкали винтовочные выстрелы. Фигуры патрульных падали одна за другой. Лошади испуганно прядали ушами, останавливались, и возницы нахлёстывали их вожжами.

Вот передняя лошадь обоза поравнялась с безжизненными телами красноармейцев, лежавшими на запорошенном снегом льду. Офицеры собрали винтовки, сложили их на одну из повозок.

– Надо торопиться! Они могут выслать отряд больше! Они наверняка слышали выстрелы! Быстрее, господа. Быстрее!

Но лошади быстрее идти не могли, подковы развезжались по льду. Лошади падали, и офицеры с руганью поднимали их на ноги...

И тут послышалось тарыхтение моторов. В морозной мгле показалась цепь мотоциклов с колясками. На колясках были укреплены пулемёты. Мотоциклы выстраивались в шеренгу, охватывая обоз полукольцом. Послышалась хрипая команда, и пулемёты открыли огонь по обозу... Длинные лучи от фар мотоциклов словно иглы пропарывали снежную мгла, выхватывая из полумрака лошадей, гружёные повозки, фигурки офицеров, перебежавшие с места на место...

Офицеры залегли в снегу и начали отстреливаться. Стучали с возов пулемёты...

Мотоциклы остановились, полукольцом окружив обоз. Продолжали стучать пулемёты.

Падали раненые лошади, пули вспарывали мешки с зерном, и драгоценное зерно текло тонкими струйками на снег... Один за другим замирали на сне-

гу офицеры, и снег вокруг их голов окрашивался тёмной кровью... Наконец перестрелка прекратилась.

От мотоциклов отделились фигуры в полушубках и тёплых кожанках, медленно двинулись к обозу. Они подходили к лежащим на снегу офицерам и добивали раненых. Частые выстрелы звучали в туманной мгле...

...Со стороны Кронштадта спешили моряки, и с ними – Владимир и Сергей Козловские и ротмистр Мордвинцев. Услышав пулемётные очереди, отряд остановился. В снежной мгле мелькали лучи света от фар, доносились хриплые голоса, рёв мотоциклетных моторов и трескотня пулемётов и винтовок.

– Я так понимаю, большевики уже обоз встретили... – сказал Мордвинцев.

– Так чего теперь делать-то? В бой с ними вступить – гиблое дело... Их вона сколько, да ещё на мотоциклах, с пулемётами...

– Без хлеба остались, твою мать, – сплюнул Мордвинцев...

...К одному мотоциклу, в котором сидел в коляске замначальника петроградского Чека Фридман, подбежал красноармеец, козырнул:

– Товарищ Фридман! Со стороны Кронштадта замечена группа моряков!

– Немедленно атакуйте! Уничтожить всех!

Красноармеец побежал к мотоциклам и что-то кричал на бегу. Часть мотоциклов начала быстро разворачиваться и устремилась в снежную мглу. Лучи от фар шарили по снежной целине и скоро высветили группу моряков.

И моряки увидели мчащиеся на них мотоциклы. Фары, словно дьявольские глаза, уставились на них, ослепляя.

– Ложись! – закричал Мордвинцев, падая в снег. – По мотоциклам огонь!!

Моряки и братья Козловские попадали в снег, выставив перед собой винтовки. Защёлкали сухие выстрелы. Мотоциклы ответили пулемётным огнём. Моряки в ответ стреляли, быстро передергивая затворы. Но вот один ткнулся лицом в снег, выронив винтовку, за ним второй... третий... Братья Козловские лежали рядом. Стреляли они из револьверов.

– Всё... – громко сказал Сергей.

– Что всё? – спросил Владимир.

– У меня патроны кончились.

– Рядом с тобой моряк лежит... Возьми его винтовку! – крикнул Владимир.

Сергей пополз к убитому моряку, взял его винтовку и успел только передёрнуть затвор – пуля ударила ему в лицо, кровь чёрными брызгами легла на снег.

– Сергей! Сергей! – закричал Владимир и бросился к брату, перевернул его на спину. Лицо Сергея было залито кровью.

Почти все моряки в цепи были убиты. К Владимиру подполз Мордвинцев, проговорил:

– Ложись рядом... Замри...

Мотоциклы были совсем близко. Слепящие пятна от фар плясали в темноте, всё громче и громче били пулемёты. Мотоциклы проехали сквозь цепь моряков и остановились.

– Раненых добить! – кричал один из чекистов, и несколько человек спрыгнули на землю, быстро пошли к лежащим на снегу морякам. Пошли вдоль цепи лежащих, присматриваясь. Вот прозвучал выстрел... Ещё один...

Вжавшись в снег, Владимир слышал приближающиеся шаги. Совсем рядом прозвучал выстрел, и Владимир вздрогнул. Шаги всё ближе и ближе... Прошли мимо Владимира, стали удаляться... Потом громче взревели моторы, и мотоциклы помчались в обратную сторону. Звуки моторов становились всё тише и тише.

Владимир поднял голову и посмотрел во тьму – лучи света от фар были далеко...

Квартира Козловского.

...Мордвинцев стоял в кабинете Козловского. На диване сидел Владимир, согнувшись, уперев локти в колени и опустив голову.

– Я виноват в смерти Сергея... Прошу прощения, господин генерал, – медленно говорил Мордвинцев.

– Папа, он ни в чём не виноват, – сказал Владимир. – Господин ротмистр сделал всё, что мог.

Козловский сидел за столом, опустив голову, молчал.

– Разрешите быть свободным, Андрей Николаевич, – сказал Мордвинцев.

– Никогда не думал, что так потеряю сына... – проворкотал Козловский...

– Ещё раз прошу простить и понять меня, – пристукнул каблуками Мордвинцев, развернулся и вышел из кабинета...

...В здании Инженерного училища в штабе Революционного комитета докладывал председатель Петриченков:

– Обоз с хлебом разгромлен большевиками. Люди, которые сопровождали обоз, перебиты. Погибли девятнадцать наших моряков. Уцелели только член ревкома Огромнов и сын генерала Козловского Владимир. Ещё офицер-деникинец, недавно у нас объявился... Ротмистр Мордвинцев... Короче говоря, положение у нас тяжкое – запасы хлеба, мяса, других продуктов на исходе.

– Запасы на кораблях? – спросил кавторанг Игорь Ладейников.

– Их хватит на две недели самое большее. Я переговорил со всеми кораблями, которые нас поддерживают.

– Мы связались с Финляндией. Полковник Эльвенгрен обещает в ближайшие два-три дня организовать отправку ещё двух обозов с хлебом, – сказал генерал Козловский. – Нужно обеспечить охрану обозов.

– Как мы можем обеспечить? – спросил Белецкий. – Выслать на встречу обозов отряд моряков?

– Мы можем взять под прицел орудий Красной Горки береговую охрану большевиков, – сказал Петриченков. – Одновременно выслать отряд моряков.

– А что дальше?! – вдруг резко спросил Егор Квартальнов. – Так и будем сидеть в осаде? Ждать обозов с продовольствием? И ждать, пока большевики соберут силы и раздавят нас здесь, в Кронштадте?

– Пусть попробуют, – ответил Петриченков. – Наша артиллерия разгромит любые силы, которые попытаются атаковать Кронштадт.

– Да поймите вы, граждане-товарищи! – Квартальнов встал. – Мы не можем отсиживаться под защитой орудий линкоров и ждать... А чего мы ждём? Я вас спрашиваю, товарищи члены Революционного комитета, чего мы ждём?

– Сядь, пожалуйста, товарищ Квартальнов, – сказал Козловский.

– Сяду, сяду, не беспокойтесь, товарищ Козловский! Я прошу ответить мне – чего мы ждём?

– Мы ждём, когда поднимутся рабочие Петрограда, – ответил Яков Иванович Белецкий.

– Пока мы не придём в Петроград – восстания рабочих не будет! – яростно выкрикнул Петриченков. – Только вооружённые балтийцы смогут обеспечить успех восстанию рабочих Петрограда! Вы тут образованные люди – неужели этого не понимаете? Или боитесь, что ли?

– Мы не хотим кровопролития... – ответил Белецкий. – Я, во всяком случае, этого не хочу.

– Так оно уже пошло – кровопролитие! Обоз разгромили, людей, которые нам хлеб везли, поубивали чекисты! – сказал Квартальнов. – Каждый день они стреляют перебежчиков, которые идут в Кронштадт.

– В Петрограде действует Боевая организация, – сказал кавторанг Игорь Ладейников. – У них есть оружие. Более двухсот членов, людей решительных, даже отчаянных...

– Бывшие офицеры? – спросил военмор Огромнов.

– Да, бывшие офицеры, – сказал Ладейников.

– Я им не верю, – нахмурился Огромнов. – Они не только против большевиков. Они против Советов. Для них все рабочие – большевики...

– Как бы то ни было, но только они откликнулись на наши воззвания и предложили совместные действия, – ответил Игорь Ладейников. – Повторяю – у них есть оружие, они организованны, у них есть выучка, они готовы действовать...

– Я им не верю... – упрямо повторил Огромнов. – Если мы победим, они повернут оружие против нас.

– Сначала победить надо, а дальше посмотрим. Они же не враги себе. Они, я уверен, понимают, что без балтийцев и рабочих победить не смогут.

– А вы вспомните, кто только не был в союзниках у большевиков, – сказал Ладейников. – И левые эсеры, и правые эсеры, и Махно, и анархисты, и крестьянская партия...

– Во-во... – сказал Огромнов. – Сперва Махно орден Красного Знамени дали, а потом объявили врагом революции... Левых эсеров почти всех постреляли... и правых тоже... Да сколько партий и разных знаменитых вождей они за эти три года заманивали в со-

юзники, а потом, когда становились не нужны или с ними не соглашались, они их убивали?

– К чему вы нам сейчас это рассказываете? – спросил Козловский. – Здесь все хорошо знают цену большевикам.

– К тому, что я не хочу походить на этих предателей и подлецов, – отвечал Огромнов. – И действовать их методами не хочу.

– Послушай, Огромнов, ты надоел мне со своими туманными рассуждениями, – сказал Петриченков. – Кто тебе сказал, что офицеры такие же сволочи, как и большевики? У офицеров, между прочим, слово чести есть...

– Спасибо, товарищ Петриченков. А то я уж не знал, куда со стыда деваться, – усмехнулся Ладейников. – С вами в одном комитете заседают офицеры...

– И даже один генерал, – улыбнулся Козловский.

– Вы морские офицеры – это дело другое, – продолжал упрямяться Огромнов. – Вы не денкины и не врангелевцы... Я на фронте видел, как они расстреливали красноармейцев...

– Положим, красноармейцы их тоже по головкам не гладили, – сказал Козловский. – На войне как на войне. В Крыму по приказу Троцкого расстреляли сорок три тысячи офицеров, сдавшихся в плен.

– Откуда такие сведения? – спросил Белецкий.

– У меня на квартире сейчас живёт один из немногих, кому удалось спастись, – ответил Козловский. – Ротмистр Мордвинцев. Я вас познакомлю.

– Ротмистр? – переспросил Ладейников. – Так он из жандармов, что ли?

– Кажется, да... – качнул головой Козловский – казалось, он думает о чем-то другом.

– Этого нам ещё не хватало... – развёл руками Ладейников. – С юношеских лет питал отвращение к жандармам.

– Уверю вас, они намного гуманнее наших чекистов. Так что придётся унять своё отвращение, – проговорил, нахмурившись, Козловский – Кстати, вчера чекисты добивали раненых матросов... В головы стреляли, негодяи...

– Хорошо. Если большинство членов комитета не возражает против союза с бывшими офицерами, я тоже не буду против. Но ещё раз хочу повторить – я им не верю, – так же мрачно проговорил Огромнов.

– Молодец, Степан, – улыбнулся Петриченков. – Значит, приступим к выработке решений. Могу только повторить, товарищи – для Кронштадта сейчас промедление смерти подобно. Сидеть и ждать у моря погоды – значит погубить революционный порыв балтийцев!

– Хватит лозунгами разговаривать, товарищ Петриченков, – перебил Ладейников. – Давайте конкретно решать, какие будут наши действия. Прошу вас, Яков Иваныч, вам слово...

ТИТР: «ПЕТРОГРАД. БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОФИЦЕРОВ, февраль 1921 года...»

...В комнате разговаривали поручик Герман и полковник Эльвенгрэн.

– Боевая организация довольно быстро увеличивается. Сейчас она насчитывает двести пятьдесят девять членов. Все – бывшие офицеры, воевавшие на фронтах гражданской. Пока мы накапливаем оружие и взрывчатку. На полученном из Финляндии типографском станке печатаем листовки за подписью Боевой организации, – говорил поручик Герман. – Революционный дух Петроградского гарнизона крайне низок... Оно понятно – революционный дух прямо пропорционально зависит от качества солдатского пайка, – поручик Герман улыбнулся. – Чем хуже паёк, тем ниже революционный дух...

– Чека не беспокоит? – перебил вопросом полковник.

– Бывали всякие напряжённые моменты, но пока мы их не опасаемся.

– А вот опасаться следует, дорогой поручик, – нахмурился полковник. – Революционный дух чекистов не находится в прямой пропорциональной зависимости от качества их пайков.

– Паёк или революционный дух? – улыбнулся Герман.

– И то, и другое, – тоже улыбнулся полковник Эльвенгрэн. – Ещё вопрос у меня к вам, поручик. Связь с Революционным комитетом Кронштадта установили?

– Я отправил туда двух сыновей генерала Козловского. Он сейчас начальник артиллерии Кронштадта и всех фортов, а также член Революционного комитета...

– Я знаю Кирилла Козловского. Известия от них есть? – спросил полковник.

– Пока нет. Ждём.

– Сейчас самая главная задача для вас – установить надёжную связь с Кронштадтом. Согласовать с ними весь план выступления в Петрограде. Без активного участия моряков и особенно артиллерии фортов и кораблей Кронштадта о победе восстания в Петрограде нечего и думать. Это настоятельная директива господина Савинкова – согласовать свои действия с Кронштадтом.

– Я понимаю, господин полковник, – кивнул поручик Герман.

– Мы должны получить громкий международный резонанс. Не буду скрывать от вас, поручик, что правительства Англии и Франции скептически смотрят на новые попытки свергнуть Советы в России военным путём и потому отказывают в помощи. Но есть влиятельные люди в деловом мире. Эти люди располагают немалыми деньгами, и эти люди, между прочим, потеряли в России много денег. Они согласны помогать – но если будет международный резонанс! Иначе никакой – ни финансовой, ни тем более военной помощи не будет!

– Я понимаю, господин полковник, – повторил поручик Герман.

– Листовки важнее всего распространять в воинских частях, поблизости от церквей, базаров, магазинов... – сказал полковник Эльвенгрэн и поднялся. – Я завтра уеду в Польшу к Савинкову. Он готовит

для вас группы офицеров. И вы готовьтесь их принять.

– Слушаюсь, господин полковник.

ТИТР: «КРОНШТАДТ, конец февраля 1921 года...»

...И вновь матросы и Настя с Александрой расклеивали по Кронштадту листовки.

«Всем! Всем! Всем! Вчера большевики пролили первую кровь! Обоз с хлебом, который шёл в Кронштадт для гражданского населения города, был разгромлен чекистами. Погибли девятнадцать моряков с линкора «Севастополь» и с 6-го форта. Но их жертвы не напрасны! Мы отомстим большевистским палачам!»

Настя разгладила перчаткой наклеенную листовку, прочитала вслух:

– Мы отомстим большевистским палачам!

– Ничего они не отомстят, – подобрал ведёрко с клеем, Александра пошла вперёд. – Будут болтать, пока чекисты не придут сюда и всех нас не перестреляют!

– Да ты что-о? – Настя догнала её. – Как они смогут моряков перестрелять? Их знаешь сколько! И у всех винтовки и револьверы! И на кораблях пушки! Большевиков сюда не пустят!

Они остановились возле угловой стены дома, и Александра принялась намазывать клеем стену, Настя достала из сумки листовку, прилепила к стене, разгладила перчаткой...

Они пошли дальше по узкой, вымощенной булыжником улочке. К двери под вывеской «Хлебная лавка» тянулась скорбная очередь женщин и стариков. Девушки прошли мимо, Настя обернулась и вновь посмотрела на стариков, пробормотала:

– Боже мой, как ужасно на них смотреть...

– Тебе кто больше нравится из братьев – Владимир или Николай? – вдруг спросила Александра.

– Мне Сергей нравился, – нахмурилась Настя. – Которого убили...

– Я боюсь, их всех убьют... – вдруг сказала Александра. – И нас тоже...

Настя посмотрела на сестру, проговорила тихо:

– Начиталась Гумилёва...

– Не мешало бы тебе тоже почитать...

– Ой, да ладно, ещё успею, – беспечно махнула рукой Настя и вдруг хитро посмотрела на Александру. – А я другое заметила, Саша... Совсем-совсем другое... Тебе ротмистр Мордвинцев нравится...

– Да, нравится... – просто согласилась Александра. – Ну и что?

– Ой, Саша, он же старый! – испуганно посмотрела на сестру Настя.

– Ну и что? Князь Андрей был намного старше Наташи Ростовской, а она в него влюбилась...

Они подошли к деревянной тумбе, стали расклеивать листовки. После долгой паузы Александра вдруг проговорила:

– Я тебя очень прошу, Настя, не болтай об этом больше... Хорошо?

– Могила... – улыбнулась Настя...

ТИТР: «КРОНШТАДТ. КВАРТИРА КАВТОРАНА-ГА ЛАДЕЙНИКОВА, конец февраля 1921 года...»

..Они пили пустой чай с сухарями, но все сидели за столом под белой скатертью. Игорь Ладейников, командир линкора Яков Белецкий, ротмистр Мордвинцев, генерал Козловский, его сыновья Владимир и Николай, сёстры Настя и Александра Ладейниковы, предревкома Петриченков.

– Сашенька, сухарик не подадите? – с галантностью светского кавалера попросил Николай Козловский.

– Вам чёрный или белый?

– Чёрненький, пожалуйста...

– Утром ещё шестьдесят матросов ушли по льду в Петроград, – сказал Петриченков. – Все большевики. Которые отказались бросить партбилеты.

– Скатертью дорожка! – решительно сказала Настя.

– А зачем вы отпустили? – спросил Мордвинцев.

– А что с ними прикажете делать, господин ротмистр? – не без язвительности спросил Ладейников. – Расстрелять?

– Ну хотя бы арестовать. И временно содержать под стражей.

– И тем самым будоражить матросов? Ведь до сих пор большевиков в гарнизоне и на кораблях очень много, – сказал Яков Иванович Белецкий.

– То-то и плохо, господа, – сказал Мордвинцев. – Ведь в решающий момент эти матросы повернут свои винтовки и пулемёты против нас. Да ещё ударят в спину – это ведь ребёнку ясно.

– Ребенку это ясно, – сказала Настя. – Нас с Сашей сегодня такие вот матросы-большевики поколотили.

– Как поколотили? – вскинулся Ладейников. – Настя, что ты говоришь?

– То самое и говорю, – обиделась Настя. – Двое подошли, прочитали, и один спрашивает: «Это зачем вы эту дрянь расклеиваете?» А Саша отвечает: «Ваше какое собачье дело? Расклеиваем по приказу Революционного комитета». А матрос говорит: «Я бы вас по другому расклеил, сучки дворянские». А Саша ему ответила...

– Настя, перестань, – тихо сказала Александра.

– А Саша ему ответила: «Скотина ты большевистская». А он как даст Саше в ухо...

– Настя, прекрати немедленно! – повысила голос Александра.

– А чего? Я правду говорю! – возмутилась Настя. – Он ударил, а Саша как закричит: «Патруль!» И они сразу бежать бросились.

– Так, больше из дома ни шагу, – решительно сказал Ладейников.

– Ну почему, папа? Мы же помогаем тебе и всем товарищам... – чуть ли не плаксивым голосом затянула Настя.

– И матери об этом событии ни слова, – добавил Ладейников. – И не кричите, прошу вас. У Катерины Васильевны третий день мигрень. Едва заснула...

– А ведь это здорово, товарищи! – вдруг расплылся в улыбке Петриченков.

– Что здорово? – зло спросил Ладейников. – Что негодяй-матрос ударил девчонку? Действительно, здорово. Мог бы и из маузера выстрелить...

– Здорово, что они патруля испугались. Значит, мы в Кронштадте – власть! Большевики нас боятся!

Неожиданно в комнату проникли звуки церковного колокола. Медленные, тягучие... Все невольно замолчали, прислушиваясь.

– Завтра Сретение Господа нашего Иисуса Христа... – тихо сказал Яков Иванович Белецкий.

– Слава Богу, хоть в Кронштадте в церквях служат, – сказал Козловский.

– А в Петрограде почти все церкви закрыты, большинство священников арестованы, дальнейшая судьба их неизвестна. Я полагаю, большевики их попросту расстреляли... – сказал Ладейников.

– Судя по тому, что они расстреливают и вешают священников по всей России, полагаю, что и Петроград не миновала сия печальная участь. Петроград, наверное, даже в первую очередь... – ротмистр Мордвинцев вдруг мечтательно улыбнулся. – А вы помните, господа, молебны на Пасху? Эти звёздные ночи и священный ход вокруг храма...

– Куличи, крашеные яйца... – тоже улыбнулся прапорщик Николай Козловский. – Маман вкладывала мне в ладонь два-три полтинника и шептала: «Бросишь на поднос, когда священник будет проходить мимо». И я бросал.

– И я бросала... Мама всегда три гривенника мне давала... – улыбнулась Настя.

– И мне три гривенника... – тихо повторила Александра. – А мы смеялись... Я маме говорила, что я атеистка. А мама сердилась и говорила: «Вырастешь – поймёшь, какая ты дура была». Теперь я её понимаю...

– А на подносе уже высилась целая гора монет и ассигнаций... – продолжал вспоминать Николай Козловский. – И колокола звонили... Такой серебряный звон... А потом шли домой разговляться... Ты помнишь, папа? – Николай посмотрел на отца.

– К чему всё это? – пожал плечами Козловский. – Не надо травить душу, сынок...

Николай посмотрел в разукрашенное морозом белое окно и мечтательно улыбнулся:

– Боже мой, ведь это всё было совсем недавно, а кажется таким далёким прошлым...

– Н-да-а, дорогой мой, событий за эти три года случилось великое множество... – вздохнул Мордвинцев. – Россию профукали, судари вы мои... Православную веру обрекли на гонения... Не простят нам этого потомки...

– Вы считаете, что дело окончательно проиграно, господин ротмистр? – спросил Игорь Ладейников.

– Ну-у... Окончательного на белом свете ничего не бывает, господин капитан второго ранга... – раздумчиво протянул Мордвинцев и закурил папиросу. – Побороться можно. Малюсенький шанс есть. Особенно, если поскорее лёд вскрыется – тогда Кронштадт будет неприступен... Десант высадить они не смогут –

у них столько плавсредств нету... Но... говорю это только тем, кому очень доверяю... Большевики – народец безбожный, а в силу этого – страшный, беспринципный и жестокий, власть они захватили надолго... Реки крови уже пролили, а сколько ещё будет пролито – страшно и подумать... Наверное, пройдут десятилетия, пока к ослеплённым начнёт возвращаться зрение...

– Тогда зачем мы?... – растерянно начал Яков Белецкий. – Получается – бессмысленные жертвы, господин ротмистр...

– Да нет, Яков Иванович, так не получается... Бессмысленных жертв во имя Родины и веры православной не бывает. Вы думаете, у нас тут что-то получится? Я думаю – нет. И большинство из нас это прекрасно понимают. Однако же вы поднялись... И жертвы будут немалые... Думаете, бессмысленно? Я думаю – нет! Отчаяние – тоже великая сила, дорогой мой. Пусть эта большевистская сволочь знает, что никогда... Никогда русский народ не смирится с их безбожной отвратительной властью! – Мордвинцев сжал в кулаке горящую папиросу, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Он разжал кулак и бросил погасший окурочок на тарелку, улыбнулся. – Можно, конечно, и по-другому... Уехать навсегда за границу, жить там поживать и плакаться друг другу в жилетку о загубленной святой Руси... Стихи душераздирающие писать, романы, пить горькую и содохнуть в тёплой парижской постели... У нас ещё есть время сделать окончательный выбор, господа... – улыбка по-прежнему теплилась на губах Мордвинцева.

– Мы свой выбор сделали, господин ротмистр, и потому мы здесь, а не в Париже или где-нибудь ещё... – твёрдо отчеканил Козловский.

– Знаете, что такое война? – спросил Мордвинцев. – Это когда находишь друзей и быстро теряешь их навсегда, и находишь новых друзей, и вдруг друзья теряют тебя... Навсегда... Если бы была рюмка водки, я бы выпил за то, чтобы мы подольше не теряли друг друга...

– Водки, к сожалению, нет, но... Bravo! Я всей душой поддерживаю ваш тост! – сказал Ладейников.

– И я! – решительно сказала Настя.

– И я! – поддержала сестру Александра.

– И я... – шумно вздохнул Козловский.

– И я, – сказал Белецкий.

– Ну и я до кучи, – улыбнулся Петриченков. – Считайте, что мы выпили! – Он поднял чашку с чаем и выпил её до дна...

За окном раздались частые револьверные выстрелы, крики. Ладейников сидел у окна и заглянул в него, отодвинув штору.

– Никого не видно... Петриченков, а город патрулируется?

– Конечно. Линкоры и крейсера выделяют из своих команд по два-три человека.

И в это время из прихожей донеслось дребезжание звонка.

– Вы ещё кого-то ждёте в гости? – спросил Козловский.

– Никого... – пожал плечами хозяин.

– Я открою, – поднялась из-за стола Настя.

– Сиди, сиди. Я открою... – Ладейников вышел в прихожую.

Когда он открыл дверь, в проёме выросла фигура матроса Егора Квартальнова:

– Товарищ Ладейников? Командир «Севастополя» у вас?

– Да, здесь. Что случилось?

– На линкоре буза началась... Матросы своих большевиков расстреливать собрались...

– Как расстреливать? – опешил Ладейников. – За что?

– Огромнов застучал троих большевиков на месте преступления – затворы орудий портили.

В это время в прихожую стали выходить гости – Козловский, Петриченков, Белецкий, Мордвинцев... И все слушали рассказ Квартальнова:

– Затворы носовых орудий среднего калибра, четыре орудия бортовых среднего калибра, башенное орудие главного калибра – все выведены из строя... Гадюки подколодные! Я давно говорил – гнать их надо было с линкора в три шеи! пожалели! Вы их пожалели, товарищ Белецкий... Вот и дождались диверсии! А щас матросы озверели и хотят большевиков пострелять. Я за вами, товарищ Белецкий.

Белецкий растолкал гостей и вышел на лестничную площадку, коротко скомандовал:

– На линкор! Быстро!

Командир и матросы загрохотали сапогами вниз по лестнице. Ладейников молча поспешил за ними. И тут же сорвались с места Петриченков и Козловский. Ладейников на секунду вернулся:

– Николай Гаврилович, очень прошу, останьтесь до моего возвращения. А если я задержусь на линкоре, поживите тут. Поручаю вам жену и этих двух красавиц. Чтоб из дома – ни шагу! – и Ладейников выбежал из квартиры.

В квартире остались Мордвинцев, Настя и Александра. Из комнаты вышла Катерина Васильевна в наброшенной на плечи шали.

– Проснулась – и никого нет. Куда все убежали?

– На линкоре какие-то события, – ответил Мордвинцев. – Пошли улаживать.

– Ой, что же теперь будет? – со страхом спросила Настя.

– Успокойтесь, милые барышни, – улыбнулся Мордвинцев. – Если матросы расстреляют десяток большевиков, никакой беды не будет.

– За что расстреляют? – с испугом спросила Катерина Васильевна.

– Что вы говорите, Николай Гаврилович, это же наши кронштадтцы! – всплеснула руками Настя. – Как можно своих расстреливать?

– А как можно «своим кронштадтцам» выводить из строя свои же орудия на линкоре? – сухо спросил Мордвинцев.

– Ну, можно же как-то иначе наказать... – сказала Настя.

– Матросы вывели из строя орудия? – спросила Катерина Васильевна. – Вы можете мне объяснить?

– Не матросы, а большевики, – ответила Александра. – То есть, матросы-большевики, – ответила Александра.

– Простите, Катерина Васильевна, сейчас вы всё поймёте... Как же можно иначе наказать, позвольте полюбопытствовать, уважаемая Анастасия Игоревна? – спросил Мордвинцев.

– Настя, перестань, пожалуйста! – резко проговорила Александра, сверкнув глазами. – Господин Мордвинцев прав! Предателей надо расстреливать!

– Вы такие же кровожадные, как и большевики! – вспыхнула Настя и убежала в комнату.

Катерина Васильевна, Александра и Мордвинцев помолчали. Мордвинцев закурил папиросу, сказал:

– Спасибо вашему мужу, Катерина Васильевна – пять коробок дореволюционных папирос подарил, – улыбнулся Мордвинцев. – Курить – одно наслаждение...

– Хорошо, я пойду подогрею чайник. Будем ждать Игоря... – Катерина Васильевна ушла в комнату.

Александра и Мордвинцев стояли в тёмной прихожей, и лицо Мордвинцева освещалось огнём папиросы, когда он сильно затягивался. Александра смотрела на его острый профиль, сказала:

– Вы сказали за столом, что мы все погибнем... Вы правда так думаете?

– Да... думаю... – ответил Мордвинцев. – Да мало ли что я думаю... Не бойтесь – в жизни всё бывает совсем по-другому, чем мы пророчим... Как говорят, человек предполагает, а Господь располагает...

– А я совсем не боюсь, – ответила Александра. – Не верите?

– Простите великодушно, но не верю, – улыбнулся Мордвинцев. – Вы молодая, красивая, полная сил девушка – вы обязаны хотеть жить...

– Я хочу жить... – тоже улыбнулась Александра. – Но не боюсь погибнуть. Я – дочь морского офицера...

– Ах, юность, юность, – покачал головой Мордвинцев. – Как много глупых благородных слов. – Он вдруг заговорил шёпотом. – Знаете, за что сейчас нужно молиться?

– За что же? – удивлённо спросила Александра.

– Чтобы лёд поскорее вскрылся... Тогда Кронштадт действительно превратится в неприступную крепость... На неопределённо долгое время... – Мордвинцев улыбнулся...

– Хорошо, я буду молиться... – Александра медленно ушла в комнату.

– Всем надо молиться! – громко проговорил Мордвинцев...

...На палубе линкора «Севастополь», на баке, бушевала толпа матросов. У борта стояла группа матросов, человек тридцать. Руки у них были связаны за спинами. И вокруг этой группы стояли матросы с винтовками, отгоняя остальных, пытавшихся прорваться к связанным. Крики мешались в воздухе:

– Как волка ни корми, он всё равно в лес смотрит!

– На куски порвать сволочей!

– Дайте мне, дайте! Сам по пуле каждому в морду воню!

– Это они нас перед питерскими палачами безоружными хотели выставить! Затворы поломали и общили в Питер – приходите, берите их голыми руками! Ах, гады ползучие! Ну-к, пусти, я их сам в расход пущу!

– Ах, морды паскудные! Всех за борт, сукотеев!

– Стойте, братцы, стойте! Шас командир Белецкий прибудет – он решит, что с ними делать!

– А что нам Белецкий?! Как команда решила, так и будет!

В это время на палубе появились Белецкий, Козловский, Квартальнов, Петриченков. Они врезались в толпу матросов, пробиваясь к группе связанных матросов.

– Дайте дорогу командиру, товарищи матросы! Дорогу командиру!

Толпа нехотя расступалась. Наконец Белецкий, Петриченков, Квартальнов и Ладейников пробилась к связанным. Матрос Огромнов пристукнул прикладом винтовки, крикнул:

– Братва, соблюдай тишину! Командир на борту! Тихо!

Толпа матросов, поняв, что на борту появился командир Белецкий, медленно успокаивалась. Белецкий шагнул к Огромнову, стоявшему в оцеплении, приказал:

– Военмор Огромнов, доложите обстановку на корабле.

– Товарищ командир, докладывает военмор Огромнов! – он вновь пристукнул прикладом винтовки. – Членами команды, в том числе и мной, были застуканы военморы команды, которые выводили из строя затворы боевых орудий. Они оказались все члены РСДРП большевиков. На данный момент вредители арестованы. Вот, они все тут... – Огромнов оглянулся на группу связанных матросов. – Команда требует расстрелять вредителей...

– Стрелять предателей без пощады! – вновь взорвалась криками толпа матросов. – Стрелять! За борт гадов! Стрелять! Стрелять!

– Требую тишины! – закричал Петриченков. – Дайте командиру сказать слово!

Вновь толпа медленно успокаивалась...

Квартира Ладейникова.

...Они сидели за столом, и горела одна свеча – углы комнаты тонули в полумраке. Пили чай. Мордвинцев курил, и огонёк папиросы ярко светился в полумраке.

– В гимназии какой поэт был вашим кумиром? – спрашивал Мордвинцев.

– Некрасов, конечно... – сказала Александра.

– Особенно его стихи о свободе и русском народе, – подхватила Настя и продекламировала: – «Вынесет всё, и широкую, ясную грудью дорогу проложит себе!».

– «Жаль, только жить в эту пору прекрасную уж не придётся ни мне, ни тебе», – закончил Мордвинцев, и все трое негромко рассмеялись.

– А потом мы любили Северянина... Надсона...

– «...Взгляни, он живёт, этот зыбкий хрусталь, он стонет, вопит, негодует, а даль-то какая, ах, как эта даль уставшие взоры чарует...» – улыбаясь, продекламировал Мордвинцев.

Бак линкора «Севастополь».

– ...Почему вы поднялись против большевистского засилья? Против тирании Чека, против расстрелов! Вы поднялись за свободу, которую украли большевики у народа! Против самоуправства и жестокости! – выкрикивал командир Белецкий в молчащую толпу матросов. – Да, эти матросы, ваши бывшие товарищи, пошли против вас! Им предлагалось покинуть корабль, как не желающим выйти из партии большевиков! Они остались! Остались с подлым желанием вредить нам! Они нарушили законы морского братства! Они предали доверие товарищей по команде! Что же теперь? Расстрелять их за это?!

– Расстрелять!! – на одном дыхании выдохнула толпа матросов.

Большевики стояли, опустив головы, под охраной вооруженных моряков.

– И чем мы тогда будем отличаться от большевиков?! Те же расстрелы?! Зверство?! Пролитая кровь порождает ещё большую кровь, товарищи матросы! Мы не имеем права поступать так, как поступают большевики! Наш лозунг – Советская власть без большевиков! А это значит – без тирании! Без расстрелов заложников! Без грабежа крестьян! Без обмана и издевательств! И поэтому! Только поэтому я призываю вас быть гуманными! Я приказываю исключить всех большевиков из состава команды линкора «Севастополь»! Пусть уходят в Петроград! Там их идейные товарищи! Пусть расскажут чекистам, что кронштадтцы не звери и не чекисты! Мы не хотим крови! Мы придём к победе мирным путем!

Белецкий замолчал. И толпа матросов молчала. Белецкий откашлялся, сказал:

– Товарищ Председатель Ревкома Кронштадта! Я приказываю отпустить матросов – членов партии РСДРП. Пусть уходят! И пусть наказанием им будет наше презрение к предателям!

И опять стояла мёртвая тишина.

– Я приказываю отпустить арестованных, – твёрдо повторил Белецкий. – Военмор Огромнов, выполните приказ.

– Выполняй приказ, Огромнов, чего ты на меня вылупился? – сказал Петриченков.

Огромнов помедлил, закинул винтовку за спину и подошёл к связанному матросу, стал развязывать ему руки. Сказал другим морякам из оцепления:

– Помогайте, чего стоите?

Матросы нехотя закидывали винтовки, подходили и тоже начинали развязывать руки арестованным. Толпа моряков молчала. Кто-то сказал:

– Так и отпустим за здорово живёшь?

– Да нехай проваливают – не тронь дерьмо, оно вонять не будет...

Среди матросов стояли и Прохор Бартенева с большим братом Кузьмой.

– Дайте им пройти к трапу, братцы! – скомандовал Петриченков.

Толпа матросов расступилась, образовав узкий проход, по которому торопливо пошли арестованные моряки. Шли они, опустив головы, с каждой секундой ускоряя шаги.

Прохор Бартенева не выдержал, схватил проходившего матроса за грудки, рывком притянул к себе и плюнул ему в лицо:

– Товарищу Зиновьеву привет передай!

– И Раскольникову! – раздался другой голос.

– И товарищу Дзержинскому! – подхватил третий.

...Один за другим матросы-большевики спускались по трапу. Команда, прихлынувшая к борту, провожала их молчаливо.

Они погрузились в две больших шлюпки.

– До льда их доведите! – крикнул Петриченков. – А там пуцай топают!

– Жалко! – раздалось в толпе матросов. – Я бы их плыть заставил!

На шлюпках взлетели вёсла, и они пошли по гладкой стылой воде. До сплошного льда было совсем недалеко...

ТИТР: «ПО ТЕЛЕГРАФУ СРОЧНО: Москва. Предреввоенсовета Троцкому. Главкому Тухачевскому. Председателю ВЧК Дзержинскому. В Кронштадте на кораблях Балтфлота контрреволюционные митинги. Создан Временный революционный комитет Кронштадта. Захват власти. 187-я бригада в Ораниенбауме отказывается выступить против мятежников. Революционная сознательность бойцов всей 27-й дивизии на крайне низком уровне. Срочно требуется помощь. Главком Балтфлота Раскольников. Комиссар Балтфлота Кузьмин. Председатель Петроградского Совета Зиновьев».

ТИТР: «ОРАНИЕНБАУМ, ШТАБ 187-й бригады. Конец февраля 1921 года...»

Перед штабом, как всегда, толклись солдаты. На крыльце стоял пулемёт и двое солдат охраны. Подъезжали верховые, привязывали лошадей к штакетнику, бежали в штаб. Другие в это время выходили из штаба, отвязывали лошадей, запрыгивали в седла и скакали куда-то по важным делам...

– В патрули на залив! Демиденко, ты тут? – на крыльце вышел командир в длиннополой шинели с «разговорами», в будёновке, физиономия толстая, конопатая.

– Я тут, тут, а где моя Марфута!? – отозвался бойкий голос.

– Твоя рота в ночь патрулировать назначена! Приказ командира бригады.

– Не пойдёт моя рота, – ответил бойкий красноармеец.

– Как это не пойдёт? Как не пойдёт?! – рявкнул конопатый. – В армии приказы не обсуждаются!

– У меня в роте большевиков пятеро – вот пушай они и идут. Другие откажутся. Силком я их патрулировать не заставлю. Бойцы говорят – мы солидарны с моряками Кронштадта.

– И правильно! Нехай члены партии большевиков идут патрулировать! А мы по своим стрелять не будем!

– Каким своим? Где ты своих нашёл, Костылин?

– Ты попусту не гавкай, ротный! Мне моряки в Кронштадте поближе будут, чем твоя большевистская морда.

– Ты доиграешься, Костылин, в Чека загремишь.

– Ты раньше доиграешься – пулю съешь и не подавишься!

– Кто ещё не хочет идти в патруль? – громко спросил ротный.

– А чё ты спрашиваешь, ротный? Не видишь, что ли – никто не хочет... – лениво ответили из толпы красноармейцев.

– Мы воще нейтральные! Нам с балтийскими моряками делить нечего!

– Нам большевики тоже осточертели!

– Вы домитингуетесь! Вы доиграетесь! – ротный погрозил с крыльца кулаком, развернулся и вошёл обратно в штаб...

– ...Не хотят они патрулировать залив! – с этими словами ротный вошёл в кабинет комбрига Дуленкова.

– Что значит «не хотят»?! – рявкнул комбриг, поднимаясь из-за стола.

– Ну, не хотят и всё... – развёл руками ротный. – Что я сделаю?

– Ты ротный командир или кто? Дерьмо на палочке? – комбриг встал, прошёл к шкафу, открыл дверцу, извлёк бутылку самогона и стакан, налил, выпил большими гулками глотками, потом пальцем поманил к себе ротного, налил в стакан и протянул ему.

Ротный пугливо оглянулся на дверь, торопливо выпил, а комбриг тем временем достал из шкафа солёный огурец, откусил сам и протянул ротному. Тот тоже откусил, и они с хрустом стали жевать огурец, глядя друг на друга.

– Ты понимаешь, ротный, што мы с тобой под трибунал можем загреметь? – прошамкал с набитым ртом комбриг Дуленков.

– А комполка-1? – так же, с набитым ртом, спросил ротный.

– И комполка-1... – кивнул комбриг.

– А комполка-2 и комполка-3? – опять спросил ротный.

– А чем они лучше нас с тобой или комполка-1? – усмехнулся Дуленков.

– В такой компании не пропадём, товарищ комбриг... – улыбнулся ротный.

– Тогда ещё по одной, – Дуленков вновь вытащил из шкафа бутылку и стал наливать в стакан, продолжая говорить. – На фронте порядок был... А тут разлагается боец от безделья... И всякая контра этим пользуется...

Комбриг выпил свой стакан, налил ещё и протянул ротному. Тот выпил, уже не оглядываясь на дверь. И вновь оба захрустели солёным огурцом.

– Так тебе, я чую, нравятся моряки Кронштадта? – с набитым ртом прошамкал комбриг.

– Нравятся, товарищ комбриг, – ротный оглянулся на дверь.

– И мне нравятся... – вздохнул комбриг и утёр рукавом гимнастёрки губы. – Сказали всем в глаза, с чем согласны, а с чем не согласны... Ведь на то она и революция, чтобы свободно выражать своё мнение, правильно рассуждаю, ротный?

– Правильно, товарищ комбриг.

– А вот за это «правильно» нам с тобой расстрел полагается...

– А кто слышал, что вы говорили? Никто не слышал. И я ничего не слышал, товарищ комбриг, – и ротный громко икнул.

– Пр-ра-ильно, – Дуленков хлопнул ротного по плечу. – И я ничего не говорил... Как начдиву доложим? А так и доложим – патрули выслал. Чё он – проверять, что ли, поедет?...

– Не поедет... – ротный опять громко икнул.

– Вот и я про то... А в Кронштадте – моряки голодают... Не люди, что ли? Скоро крыс жрать будут...

– Люди, конечно... – в третий раз икнул ротный.

– Вот и я про то... – и комбриг Дуленков тоже икнул...

– Ничо... – опять икнул ротный. – Скоро лёд вскрыется, морячки рыбку ловить будут...

– А то за хлебушком в Швецию или Финляндию на линкоре сплавляют...

– Угу – прокормятся...

(Конец пятой серии)

СЕРИЯ 6

ТИТР: «ПЕТРОГРАД, ГОРОХОВАЯ, ЧЕКА, конец февраля 1921 года...»

В кабинет Фридмана ворвался чекист в расстёгнутой кожанке, с фуражкой в руке:

– Товарищ Фридман, последнее известие. Завтра ночью снова обоз пойдёт. Из Турку. Большой обоз – саней пятьдесят. Охрана – человек двадцать, может, больше. Все бывшие офицеры...

– Замечательно! – улыбнулся Фридман, вставая из-за стола. – Ты садись, садись, товарищ Фёдор. Чаю горячего хочешь? С лимончиком?

– Чайку можно... Замёрз, как цуцик... – присаживаясь за стол, ответил товарищ Фёдор.

...И вновь в ночной мгле медленно двигался по заснеженному льду Финского залива длинный обоз. Широкие сани-розвальни были с верхом нагружены

мешками с хлебом. Так же обоз сопровождала группа офицеров в шинелях и полушубках, фуражках и шапках. Хрустел снег под сапогами, скрипели полозья саней. Морозный туман стоял над заливом. В стылом чёрном небе мерцали мелкие звёзды... Во все стороны, куда ни брось взгляд, одно и то же – уползающая в морозную дымку бесконечная белая ледяная гладь...

...Они шли долго, и, наконец, впереди сквозь ночную мглу замаячили огни фортов Красной Горки и 6-го форта. Это был Кронштадт. И в эти минуты до офицеров донеслись звуки мотоциклетных моторов. Со стороны Ораниенбаума, растянувшись в шеренгу, на обоз двигались мотоциклы, пронизывая ночную мглу длинными лучами от фар.

– Господа, это красные! – закричал старший из офицеров. – Это чекисты! Ложи-ись! Беглым огнём по противнику-у!

Офицеры залегли в снегу, и раздались частые беспорядочные винтовочные выстрелы.

А мотоциклы тут же ответили пулемётным огнём. Перед стволами пулемётов плясали огоньки, выплёвывая очереди смертоносного свинца. Мотоциклы с колясками подпрыгивали на ледяных буграх, кренились из стороны в сторону, но пулемёты продолжали грохотать...

...Отряд моряков, вышедший встречать обоз, слышал пулемётные очереди, видел в туманной мгле лучи света от фар, слышал стрёкот мотоциклетных моторов.

– Амба обозу... – выдохнул морозный пар военмор Огромнов. – Опять они нас опередили, сволочи... Кто-то их упредил... Очень хотел бы я знать – кто этот гад?

– И чего получается, Огромнов? Они наш хлебушек себе повезли? А мы ушами хлопаем?

– А что мы сделаем? Против пулемётов на мотоциклах...

– Вон, до шестого форта рукой подать! Пусть шахрахнут по ним из пушек! Утопим их всех в полыньё! – горячился один из матросов.

– Козловский не разрешит...

– Да почему не разрешит-то? Они нам голодную блокаду устроили, а он не разрешит? Огонь из всех орудий открыть надо! Чтоб они поняли, сволочи!

– Нужно решение ревкома Кронштадта, – сказал Огромнов.

– Тьфу! – в сердцах сплюнул матрос и, закинув винтовку за спину, зашагал в темноту...

...Стучали колёса поезда. Освещённые вагоны неслись в ночной мгле.

В купе сидели Зиновьев и секретарь Голявин. В дверь постучали, вошёл с подносом проводник, поставил на столик стаканы в серебряных подстаканниках – с чаем и с дольками лимонов – и молча удалился, с шумом закрыв тяжёлую красного дерева дверь.

– Пейте чай, Голявин – ночь длинная, а спать что-то совсем не хочется...

– А я с вашего позволения прилягу, – сказал Голявин и стал устраиваться на нижней полке.

– Положите мне списки делегатов съезда, я пока просмотрю их ещё разок, – сказал Зиновьев. – Будем в Москве обсуждать кандидатуры...

Голявин вытащил из-под полки потрёпанный кожаный портфель, покопался в нём, достал отпечатанные на машинке списки, положил их на столик рядом со стаканами с чаем.

Зиновьев отпил глоток чая, стал читать первую страницу списка...

Финский залив.

...Через полчаса всё было кончено. Трупы офицеров лежали на снегу в разных позах. Возле лошадей суетились чёрные фигуры в полушубках. Они разворачивали лошадей в другую сторону, сбрасывали с саней трупы возниц. Ещё несколько человек торопливо стаскивали с мёртвых возниц и офицеров тулупы и полушубки, сапоги, френчи, бросали одежду на сани поверх мешков с хлебом.

– Быстрее! Быстрее! – кричал Фридман, сидя в коляске мотоцикла.

Наконец обоз развернулся и пошёл в другую сторону от светившихся огней фортов Кронштадта...

ТИТР: «МОСКВА, КРЕМЛЬ, конец февраля 1921 года...»

Кабинет Троцкого.

– Почему Раскольников и Кузьмин просят помощи у меня? Где я возьму войска? А вы приехали, чтобы, так сказать, нажать на меня? Я не понимаю, товарищ Зиновьев, неужели так велика опасность? Кучка белогвардейских офицеров и одураченных матросов, провозгласивших себя кем-то – и Раскольников сразу просит помощи? На Дальнем Востоке идут тяжелейшие бои – Блюхер всё время просит подкреплений. Это понятно. А тут... Балтийцы... В семнадцатом на восемьдесят процентов были большевики – просто в голове не укладывается... – с нотой раздражения говорил Троцкий.

– Почему же? Мы ведь не считали, сколько балтийцев ушло на фронты в армию... – сдержанно ответил Зиновьев.

– И всё же, всё же...

– Вместо них по призыву пришли крестьянские парни, у которых давно зрело ожесточение против нас, – по-прежнему спокойно отвечал Зиновьев. – Это ожесточение давно переросло в ненависть.

– Продразвёрстка? – глянул на него Троцкий.

– В основном – да. Но ещё произвол на местах. Многочисленные расстрелы...

– От вас с Каменевым, от Бухарина я подобное уже слышал, – нервно перебил Троцкий. – А вы хотели бы без расстрелов? – Троцкий вскочил и быстро заходил по кабинету. – Хорошо в тиши кабинетов быть гуманистом! А я вам скажу – мало расстрелов! Потому подобное и происходит! Ведь это не военный про-

тивник, товарищ Зиновьев, это не немец и не француз, это – свой буржуй!

– Крестьянин в данном случае, – поправил Зиновьев.

– Кулак! – резко ответил Троцкий.

– В Тамбовской губернии, в Воронежской – сплошь кулаки мятежи поднимают, – усмехнулся Зиновьев.

– Кулак! Заклятый враг! – стоял на своём Троцкий. – Он не сдастся и пощады не попросит! Его нужно уничтожать! Вы-то хоть знали о том, что там на флоте готовится?

– Отдельные сигналы были, Лев Давидович, – сдержанно ответил Зиновьев. – В Петрограде полно контрреволюционеров самых разных мастей – от легальной оппозиции до белых офицеров в подполье. Конечно, они ищут любые возможности... Используют любое недовольство. А тут ещё и заграница так близко...

– На Тамбовщине заграница далеко, а вон как полыхает... – покачал головой Троцкий.

– Полыхает, потому что мы сами создаём почву для недовольства и подобных мятежей. Говорят, вы в тамбовской губернии даже газ применили. Я думал – белогвардейская пропаганда. Неужели правда? – и Зиновьев едко улыбнулся.

– Как бы, душка вы мой Зиновьев, вам его в Кронштадте применять не пришлось! – зло ответил Троцкий.

– Ленин об этом знает? – спросил Зиновьев.

– А вы сами у него об этом спросите... А заодно и расскажите, как вы превратили революционный Петроград в логово контрреволюции! – пошёл в атаку Троцкий.

– Выбирайте выражения, товарищ предреввоенсовета! – визгливо закричал Зиновьев, вытаращив глаза за стёклами очков. – Не думайте, что вам всё позволено! За свои оскорбления на Политбюро ответите! Я потребую назначить заседание!

Троцкий сел за стол, побарабанил пальцами, потом взялся за телефонную трубку:

– Троцкий говорит. С председателем Чека соедините. Феликс Эдмундович? Троцкий. Большая надобность вас увидеть. Да, срочно...

Троцкий положил трубку, вновь забарабанил пальцами по столу, сказал:

– Подождём Феликса Эдмундовича. Я думаю, дальнейший разговор полезно будет вести вместе с ним... Для дела полезно...

– После разговора с вами я собирался пойти к нему, – сказал Зиновьев.

– Тем более...

...В дверь кабинета раздался короткий стук, и она тут же открылась, и вошёл Дзержинский, высокий, худой, с бородкой клинышком, в гимнастёрке, брюках, заправленных в высокие сапоги. Зиновьев встал ему навстречу, и они поздоровались.

– С приездом, – сказал Дзержинский.

– Присаживайтесь, Феликс Эдмундович, – пригласил Троцкий. – Товарищ Зиновьев привёз новости, которые вам очень нужно послушать.

Дзержинский уселся на стул напротив Зиновьева, выжидающе уставился на него. Троцкий спросил Зиновьева:

– Как я понимаю, мятежники уже захватили Кронштадт? Пока мы будем тут разбирать, оскорбил я вас или нет, глядишь, и в Петрограде мятеж поднимется, а? Представляете себе картину накануне съезда партии?

Зиновьев подавленно молчал. А Троцкий продолжал жёстко:

– Надо дело делать, товарищ Зиновьев! Вы – руководитель Петроградского Совета депутатов, вы отвечаете за Советскую власть в крупнейшем городе Республики, где произошла революция! Что вы предприняли для ликвидации мятежа в Кронштадте? Панические телеграммы стали слать в Москву? Мне! Дзержинскому! Ленину ещё не послали? Я спрашиваю – какие действия вы предприняли, товарищ Зиновьев? Действия! Когда мятеж разгорается, на счету каждый день! Каждый час!

– Я выступал почти каждый день на митингах рабочих... – ответил Зиновьев. – Раскольников приказал выставить патрули по всему побережью...

– Зачем? – перебил Троцкий.

– Чтобы ловить идущих из Кронштадта в Петроград матросов и солдат. И соответственно – из Петрограда в Кронштадт...

– Решили патрулями от мятежников отгородиться? – усмехнулся Троцкий. – Рабочим Питера хлеб нужен! Продовольствие нужно! А не речи на митингах! Кстати, что патрули делают, когда задерживают идущих из Кронштадта матросов?

– Заворачивают обратно. Отбирают листовки этого самого Временного комитета...

– И всё?

– А что ещё прикажете делать? – вновь раздражённо проговорил Зиновьев.

– Расстреливать на месте! Листовки при обыске нашли – расстрел!

– Патрульные – это те же солдаты и матросы Петроградского гарнизона. Они не будут расстреливать своих же матросов и солдат.

– Своих?! – вскинулся Троцкий. – Я так понимаю, что и Петроградский гарнизон тоже разложился?

– Почему вы так понимаете?

– Да потому, что если Командующий Балтфлотом товарищ Раскольников и вы прикажете войскам гарнизона двигаться на Кронштадт и усмирять мятежников, они откажутся.

– Почему вы так решили?

– Вы же сами сейчас сказали – патрульные не будут расстреливать мятежников, если найдут у них листовки. Значит, и усмирять их они не будут. Потому что усмирять – это означает стрелять в мятежника.

– Силами петроградского Чека мы разгромили два обоза с продовольствием, которые шли из Финляндии в Кронштадт. Были убиты тридцать восемь бывших офицеров, которые сопровождали эти обозы...

– Этого мало! Понимаете, дорогой вы мой товарищ председатель Петроградского Совета – стрелять надо врага внутри Петрограда! – Троцкий вновь вскочил из-за стола и заходил по кабинету. – Вы помните, что сказал Ильич? «Грош цена революции, которая не может защитить себя»!

– Вот я и обратился к вам, товарищ председатель Реввоенсовета – помогите защитить революцию! А получается, вы мне нотации читаете! Учите меня! А я, между прочим, эту революцию задолго до вас начинал творить! Еще в 903–905 годах! На баррикадах Пресни! А потом в эмиграции! Про вас тогда, признаться, я не слышал, товарищ Троцкий! – с яростью выговаривал Зиновьев.

– Зато теперь вы обо мне слышите каждый день, товарищ Зиновьев, – процедил Троцкий. – И даже за помощью прибежали... как побитая собака!

– Я приехал не шкуру свою спасать, – так же яростно отвечал Зиновьев. – Я приехал за помощью ради спасения революции!

– А что же петроградское Чека? Ну разгромили два обоза, дальше что? Думаете, на этом всё успокоится? Нет! Они регулярно будут посылать обозы и бывших офицеров! – сказал Троцкий. – Нужно арестовать в Кронштадте всех контрреволюционеров!

– У Чека слишком мало сил для больших операций. У Чека едва хватает сил, чтобы останавливать обозы с хлебом, которые идут из Финляндии в Кронштадт... А для подавления кронштадтских мятежников нужна крупная войсковая операция...

– Вы думаете, такие силы есть у меня? – спросил молчавший до сих пор Дзержинский.

– Я не думаю, – вновь начал выходить из себя Зиновьев. – Я изложил вам факты и положение в Петрограде и Кронштадте. Войска, которые стоят в Ораниенбауме и под Питером, вдрызг распропагандированы! В 27-й дивизии 187-я бригада попросту отказалась патрулировать побережье. Они открыто на митингах высказывают недовольство властью и симпатизируют контрреволюционерам! Начдив Грибачёв, несмотря на мои многочисленные разговоры с ним, никаких мер не принимает! Кто будет принимать меры? Главком Дыбенко разве не знает о положении в армии? Не верю!

И в это время дверь в кабинет неожиданно отворилась, и вошёл Ленин.

– Загляните ко мне минут через десять, Лев Давидович... – он увидел Зиновьева и Дзержинского, заулыбался. – Батюшки мои, сам вождь питерского пролетариата посетил нас!

Ленин вошёл в кабинет и долго тряс руку Зиновьеву.

– Приехал утренним поездом, Владимир Ильич.

– Привезли списки делегатов на съезд? Отлично! Посмотрим, обсудим... Вообще, надо будет поговорить о будущем съезде...

– Не только. Я в связи с событиями в Кронштадте приехал, Владимир Ильич...

– Кое-что мне сообщал Феликс Эдмундович... Что, дела обстоят так серьёзно?

– Более чем... В Кронштадте вооружённый мятеж.

– Ну-ну, не надо так пугаться! – заулыбался Ленин, посмотрев при этом на Дзержинского. – Жду вас у себя вместе со Львом Давидовичем. Феликс Эдмундович, вас также милости прошу... – и Ленин так же стремительно исчез из кабинета, как и появился...

– Владимир Ильич, по-моему, витает в облаках, – сказал Зиновьев.

– Прикидывается, – усмехнулся Троцкий. – Старик всё знает...

Москва. Кремль. Кабинет Ленина.

–...Я приехал, Владимир Ильич, чтобы просить помощи. Своими силами мы подавить мятеж не в силах, – говорил Зиновьев. – В Кронштадте только матросов более пятнадцати тысяч. Добавьте к этому бойцов артиллерии фортов – это около пяти тысяч, разные вспомогательные подразделения – ещё две с половиной тысячи...

Ленин ходил по кабинету, опустив голову, слушал. Троцкий сидел в кресле у стола, постукивал пальцами по столу.

– Кроме того, по данным петроградского Чека, в городе действует законспирированная контрреволюционная организация. Белогвардейские офицеры из армии Юденича. Я не знаток в военных законах, но знаю – чтобы штурмовать Кронштадт с его мощной артиллерией, нужно иметь по крайней мере двукратный перевес в силах. Таких сил у Петрограда нет.

– Скажу вам откровенно, товарищ Зиновьев – вы не только профан в военном деле, вы бездарный партийный руководитель! – Ленин остановился напротив Зиновьева. – И не надо оправдываться! Мне ваши доводы известны ещё со времён эмиграции. Свобода политических взглядов! Многопартийность! Свобода политических платформ! Свобода фракций!

– Положим, со свободой фракций в партии вы были всегда согласны, – возразил Зиновьев.

– Был согласен! Был! Но не во время гражданской войны, черт бы вас побрал! Вот вам и многопартийность! Доигрались?! А теперь надо мятеж подавлять! Кронштадт! Это же безумие! Накануне съезда партии! Мало нам мятежей по всей России?! Теперь ещё и Кронштадт! Сердце революции! Балтийские моряки штурмовали Зимний! Устанавливали Советскую власть в Петрограде! В Москве! А теперь они против Советской власти? Надо быть сумасшедшим, чтобы в это поверить!

– Значит, мы все здесь сумасшедшие, Владимир Ильич, – подал голос Троцкий. – Потому что дело обстоит именно так, как рассказал товарищ Зиновьев.

– Но почему я узнаю об этом только теперь?

– Я, признаться, и сам узнал об этом не так давно, – развёл руками Троцкий. – И потом, события развивались так стремительно... Я разговаривал с Дзержинским. Сведения о волнениях в Кронштадте поступили из петроградского Чека слишком поздно...

– Ну, товарищи! – Ленин воздел руки к потолку. – Если уже и Чека мышей не ловит, значит, мы действительно близки к краху!

– Петроградское Чека тоже сильно обескровлено, Владимир Ильич, – сказал Зиновьев. – Более двух третей личного состава находятся в сельских районах с продотрядами... На них лежит основная тяжесть конфискации излишков продовольствия у крестьян. Конфисковывать излишки всё труднее и труднее. Крестьяне убивают красноармейцев и чекистов продотрядов... Просто настоящая война идёт, Владимир Ильич...

– Да-да, знаю... – Ленин вновь принялся ходить по кабинету. – На съезде мы услышим немало упреков по поводу политики военного коммунизма... Лев Давидович, прошу вас, займитесь Кронштадтом. Петрограду надо помочь. Пусть это дело будет для вас первоочередным. Что в Тамбовской губернии? Тухачевский справился с мятежом?

– Да, Владимир Ильич. Тухачевский действовал решительно – мятеж практически подавлен. В глухих местах губернии ещё остались мелкие очаги. В ближайшее время революционный порядок будет восстановлен.

– Главара мятежа Антонова удалось арестовать?

– В ближайшие дни будет арестован, – отвечал Троцкий. – Мы знаем, где он прячется.

– Думаю, следует вызвать Тухачевского для подавления Кронштадтского мятежа.

– Хорошо, Владимир Ильич.

Ленин подошёл к столу, снял с телефонного аппарата трубку:

– Надежда, попросите Феликса Эдмундовича зайти ко мне. И побыстрее, пожалуйста. Он мне нужен срочно...

...Ленин ходил по кабинету и быстро диктовал. Надежда Аллилуева записывала в блокнот. Троцкий, Дзержинский и Зиновьев сидели в креслах вокруг стола, молчали.

– Принять безотлагательные меры по ликвидации кронштадтского мятежа и петроградского контрреволюционного подполья. Заменить разложившиеся контрреволюционной пропагандой войска Петроградского гарнизона на свежие части с фронтов. Командование войсковыми соединениями и всей операцией по ликвидации мятежа возложить на командарма Тухачевского. Ликвидацию петроградского подполья возложить на товарища Дзержинского. Общее руководство операцией поручить предреввоенсовета товарищу Троцкому Льву Давидовичу. Главком Тухачевский переходит в полное подчинение предреввоенсовета товарищу Троцкому. Товарища Раскольникову от командования Балтийским флотом отстранить до выяснения всех обстоятельств мятежа в Кронштадте.

– Благодарю за доверие и оказанную высокую честь, – саркастически улыбнулся Троцкий.

– Это не честь, Лев Давидович! – почти закричал Ленин. – Надеюсь, вы понимаете, что Советская власть висит на волоске?!

– Все эти три года, Владимир Ильич, Советская власть висела на волоске, – ответил Троцкий. – Осо-

бенно, когда Деникин подходил к Москве, а Колчак был на Волге...

– Сейчас положение много хуже! И мне странно, что вы этого не понимаете! Деникин, и Колчак, и Юденич – были белыми! Они представляли мир угнетателей! Буржуев и помещиков!

– Неужели вы так действительно считаете? – усмехнулся Троцкий.

– Так считал народ! Так считали крестьяне и рабочие! А теперь против нас восстают сами крестьяне! Рабочие! Моряки-балтийцы! И лозунг у них – за Советскую власть, но без нас! Чего мы тогда стоим, если нам перестали верить рабочие и крестьяне? И сколько недель мы ещё будем у власти?

– Результат политики военного коммунизма, Владимир Ильич. И вы были вдохновителем этой политики, – сказал Зиновьев.

– Эта политика помогла нам разгромить Деникина и Колчака! Разгромить Врангеля! Жестокость была необходима! Мы, конечно, перегнули палку! И на съезде я буду об этом открыто говорить! И буду говорить об отмене политики военного коммунизма! Продотрядов больше не будет! Насильно изымать хлеб у крестьянина мы больше не будем! Но сейчас нужно немедленно принимать меры по ликвидации Кронштадтского мятежа! Если мятеж выплеснется на Петроград – нас ждёт страшное поражение! Или у вас другое мнение, Лев Давидович?

– Своё мнение я тоже выскажу на съезде, Владимир Ильич.

– У вас тоже другое мнение, Феликс Эдмундович? – Ленин повернулся к Дзержинскому.

– Я согласен с вами, Владимир Ильич. Необходимые меры нужно принимать срочно.

– А ваше мнение, товарищ Зиновьев?

– Я для того и приехал – нужно срочно принимать меры! – махнул рукой Зиновьев.

– Лев Давидович, немедленно вызывайте Тухачевского... И прошу вас немедленно приступить к делу. Феликс Эдмундович, задержитесь ещё на минутку...

– Феликс Эдмундович, ликвидацию петроградского подполья нужно провести как можно быстрее, – говорил Ленин, когда они остались в кабинете одни. – Что вы намерены предпринять сейчас же?

– Откомандирую в Петроград отряд московских чекистов во главе с Круминьшем. Затем выведу туда сам.

– Не медлите, Феликс Эдмундович, прошу вас... – Ленин помолчал, глядя ему в глаза. Скажите, вы знаете, что почти все наши революционные вожди... Бухарин, Рыков, Каменев, Зиновьев, Радек и многие другие до сих пор хранят под подушками или уж не знаю где – зарубежные паспорта?

– Знаю... – глядя в глаза Ленину, ответил Дзержинский и вдруг спросил: – А у вас разве нет заграничного паспорта, Владимир Ильич?

– У меня нет, – пожал плечами Ленин.

– А у меня есть... – ответил Дзержинский. – Вы удивлены?

– Признаться, да... А скажите, Феликс Эдмундович, у Сталина есть заграничный паспорт?

– У Сталина нет.

– Вы это знаете наверняка? – переспросил Ленин.

– Мы с ним разговаривали об этом... Ещё во время Польского похода... Ему нельзя за границу, – улыбнулся Дзержинский. – Его сразу арестуют как международного гангстера – грабителя банков.

– И то слава Богу, – тоже улыбнулся Ленин. – Выходит, в руководстве партии я могу положиться только на Сталина? – В голосе Ленина явственно прозвучала тревога.

– В руководстве партией много преданных вам людей, Владимир Ильич. И я в их числе, – сказал Дзержинский. – На съезде партии делегаты вас поддержат. Хотя противников политики военного коммунизма очень много. Я думаю, именно эта политика... Насильственное изъятие продовольствия у крестьян послужило толчком к мятежам по всей России. И в Кронштадте тоже... А белогвардейцы за кордоном сразу этим воспользовались...

– До начала съезда вы и Тухачевский должны ликвидировать мятеж.

– Мы сделаем всё возможное, Владимир Ильич, – Дзержинский встал, оправил гимнастёрку.

– Я не военный человек, но понимаю – в конце марта начнёт вскрываться лёд в заливе, и тогда... Что делать будем, когда будет открытая вода? Как наступать будем? Как десант высаживать? На плотках и баржах? Да они потопят к чёртовой матери любые десанты! Кронштадт тогда будет неприступен. Троцкий, Тухачевский и другие командующие понимают это?

– Конечно, Владимир Ильич. Разговор об этом уже был.

– До начала съезда, Феликс Эдмундович, – повторил Ленин. – Иначе мне тоже нужно будет добывать заграничный паспорт.

– Мы сделаем всё возможное, Владимир Ильич...

ТИТР: «ПЕТРОГРАД, начало марта 1921 года...»

Кабинет Фридмана.

На столе была разложена большая карта Финского залива, острова Кронштадт и побережья залива. Рука уверенно чертила на карте стрелки и линии, и мужской голос сопровождал движения руки с карандашом:

– Части 25-й дивизии подойдут рано утром. Оценим все расположения 187-й бригады. И немедленно приступаем к разоружению. Арестовываем комбрига и командиров полков вместе с комиссарами. Здесь необходимо участие ваших людей, Феликс Эдмундович.

– Все мои люди будут заняты в Петрограде. До ликвидации петроградского подполья ни одного человека дать вам я не смогу, – голос Дзержинского.

– Придётся расформировывать всю 27-ю дивизию, – сказал Тухачевский.

– Будут расстрелы? – спросил Дзержинский.

– Будут, – твёрдо ответил Тухачевский. – Без расстрелов мы порядок в войсках не наведём... Перевоспитывать некогда...

ТИТР: «ПЕТРОГРАД, БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, начало марта 1921 года...»

...В кабинете, кроме поручика Германа, сидел полковник Эльвенгрэн. Он почти отошёл от ранения, хотя рука была ещё на чёрной перевязи.

– Из Кронштадта вернулся наш связной. Разговаривал с председателем ревкома Петриченковым и генералом Козловским. Они готовы согласовать время общего выступления.

– Меня больше всего интересует – артиллерия линкоров и фортов поддержит нас? – перебил полковник Эльвенгрэн. – Без активной поддержки Кронштадта вы не сможете захватить город...

– У нас в Боевой организации около трёхсот боевых офицеров, прошедших гражданку. Они готовы умереть, но взять город! Кто им сможет противостоять? Чекисты? Их слишком мало, и на нашей стороне – внезапность. Армейские части в Петрограде недееспособны... Они получают скудный паёк, который то и дело урезают, и потому озлоблены против коммунистов...

– Повторяю, поручик, без поддержки матросов и артиллерии Кронштадта вы не сможете захватить город, – отчеканил полковник Эльвенгрэн. – Они поддержат вас? Или будут продолжать расклеивать свои бессмысленные листовки и на митингах клеймить большевиков?!

– Связной сказал, что Революционный комитет Кронштадта решения не принял. У них разногласия...

– Какие, к чертям, разногласия! – рявкнул полковник, выходя из себя.

– У них там многие против пролития крови...

– Что-о? – ошарашенно спросил полковник, а Орловский вдруг захохотал, раскачиваясь на стуле.

– Где этот связной? Я должен с ним поговорить.

– Час назад он ушёл обратно в Кронштадт, – ответил поручик Герман. Он был явно напуган гневом полковника.

– Идиоты! Болтуны! Боже мой, вот эти интеллигентские болтуны погубили Россию! Телеграфная связь с Кронштадтом есть? Телефонная?

– Установлена телеграфная связь.

– Где у вас тут телеграф? Соедините немедленно!

– Пойдёмте. Телеграфный аппарат у нас в подвале... – и поручик Герман первым вышел из комнаты.

Полковник Эльвенгрэн взглянул на Орловского и тоже пошёл из комнаты. Последним вышел Орловский...

Штаб Революционного комитета в Инженерном училище.

– ...Товарищ Петриченков! Телеграф. Петроград вызывает! – открыв дверь кабинета, крикнул молодой военмор.

Петриченков встал и быстро вышел из кабинета...

..Стучал телеграфный аппарат, и бумажная полоска ползла между пальцев Петриченкова. Едва шевеля губами, он негромко читал:

– Боевая организация Петрограда планирует выступление в ближайшие дни. Необходима ваша поддержка артиллерией кораблей и фортов. В случае нашей неудачи большевики разгромят вас за несколько дней. Вопрос стоит о жизни и смерти нашего общего дела. Решайте без промедлений! Ваши лозунги о революции, о Советской власти без большевиков – пустая болтовня! Ждём определённого ответа до полуночи! Мы заклеймим позором ваше предательство! И в глазах всего белого движения за рубежом вы будете предатели и пособники большевиков! Да здравствует Россия! Боевая организация Петрограда...

Аппарат замолчал, и телеграфист вопросительно посмотрел на Петриченкова. Тот молчал, комкая в пальцах телеграфную ленту.

Петроград. Кабинет Фридмана.

– ...Ну, стоит ли так долго в молчанку играть? – устало спрашивал Дзержинский. – Не знаю, кто вы по чину – поручик, подпоручик, капитан – сейчас это неважно. Вы шли со своими товарищами в Петроградскую боевую организацию – это сейчас важно. И меня интересует только одно – где штаб этой организации? Поймите – мы всё равно найдём. Только на это нужно время, но его-то как раз сейчас и нет...

– Хотя это вы понимаете, – усмехнулся средних лет человек в расстёгнутой шинели со следами споротых погон на плечах.

– Ну что ж... Если вам своя жизнь не дорога... – вздохнул Дзержинский. – Если вы за свою идею готовы её отдать, ладно. Я сейчас прикажу вас расстрелять. А с вашими соратниками мы поступим точно так же... Чуть позже... Кудрявцев!

В комнату вошёл человек лет сорока в потёртой кожанке, в фуражке со звёздочкой на тулье.

– Выведите во двор и расстреляйте, – сказал Дзержинский.

– Полуяров! Степашкин! – крикнул Кудрявцев в открытую дверь, и в комнату вошли двое красноармейцев с винтовками.

– Руки ему свяжите и выводите.

Один из красноармейцев подошёл к человеку в расстёгнутой шинели, выдернул из-за пояса верёвку, завернул человеку руки за спину и принялся связывать, отставив винтовку в сторону.

Человек, пока ему связывали руки, с презрением смотрел на Дзержинского. Наконец красноармеец взял его за ворот шинели, заставил подняться.

– Мне жаль только одного, – проговорил человек. – Я не увижу, как будут вас расстреливать.

Дзержинский посмотрел ему в глаза и отвернулся к окну.

Красноармеец Полуяров толкнул человека в спину, и тот пошёл из комнаты. Следом за ним вышли и остальные.

Оставшись один, Дзержинский поднялся из-за стола, медленно пошёл по комнате, опустив голову. В дверь постучали, и вошёл Фридман, спросил:

– Ну что, молчит?

И в это время за окном грохнул винтовочный залп. Дзержинский посмотрел в окно, ответил:

– Теперь он замолчал навсегда... Я даже не узнал, в каком чине он воевал в гражданскую... У кого воевал. У Деникина, Юденича, Колчака, Врангеля?

– Теперь это не имеет значения, Феликс Эдмундович. Я тут взял и арестовал бывших филёров охранки.

– Зачем?

– Как это? Допросил их... Так сказать, с пристрастием... У них ведь старая наблюдательность. Филёр – всегда филёр, даже когда не у дел... Так вот, один сказал мне, что в особняке бывшего фабриканта Михеева он часто замечал людей, которые своей выправкой не оставляли сомнений, что они бывшие офицеры. Филёр часто ходит на барахолку, меняет разные вещи на продукты, и часто проходит мимо этого особняка.

– Где этот особняк? Покажите на карте, – Дзержинский достал из шкафа карту Петрограда, развернул, расстелил на столе.

– Вот здесь, на Васильевском... За особняком большой двор, огороженный каменной стеной, два флигеля... одноэтажные... есть подвалы... Там может находиться много людей, не вызывая ничьих подозрений... – говорил Фридман.

– Вот видите, товарищ Фридман, даже филёры охранки могут оказать революции существенную помощь, – сказал Дзержинский. – А где сейчас этот филёр?

– Сидит у меня. Я решил не отпускать его.

– Правильно решили. Приведите его ко мне.

ТИТР: «КРОНШТАДТ, ШТАБ РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА, начало марта 1921 года...»

– ...Я прочитал вам телеграф Боевой организации Петрограда. Они готовы к решительным действиям и спрашивают – поддержим ли мы их? – говорил председатель Революционного комитета Кронштадта Петриченков. – Что мы им ответим? Поймите, товарищи, мы не имеем права молчать.

Члены Революционного комитета сидели за длинным столом, молчали.

– Я хочу спросить прямо и хочу, наконец, услышать ответ членов Революционного комитета – мы начнём действовать или будем разговоры разговаривать за пустым чаем с чёрным хлебом? – стоя перед столом и чуть постукивая кулаком по нему, спрашивал Петриченков. – Меня матросы спрашивают – сколько мы будем ждать? И чего мы ждём, я тоже хотел бы знать. И пятнадцать тысяч моряков Кронштадта хотят знать.

Члены Революционного комитета молчали. Наконец Козловский проговорил:

– Когда Боевая организация решила выступить?

– В ближайшие дни. Вполне возможно, что через два дня. Сегодня они сообщат точную дату.

– Но мы не готовы выступить через два дня, – сказал Белецкий.

– Не готовы поддержать выступление Боевой организации артиллерией?

– Поймите, товарищ Петриченков, это же война, – нервно сказал Ладейников. – Я не уверен, что матросы станут стрелять по своим...

– По своим? – переспросил Петриченков.

– Да, по своим! В Петрограде в гарнизоне такие же красноармейцы и балтийские матросы, как и в Кронштадте. Со многими они воевали на фронтах гражданской. А теперь обрушить на их головы огонь главных калибров фортов и линкоров? – Ладейников замолчал, тяжело дыша. Он был сильно взволнован.

– Не забывайте, там есть ещё и гражданское население... Рабочие заводов... Вы думаете, какие будут жертвы?

– Я думаю, жертв не будет, – сказал Белецкий. – Моряки просто откажутся стрелять по Петрограду.

– Я тоже так думаю... – сказал Козловский.

– Квартальнов, Огромнов, вы тоже так думаете? – спросил Петриченков.

Военморы молчали. Все остальные члены Революционного комитета смотрели на них, ждали. Наконец Квартальнов глухо проговорил:

– Я думаю, давно пора выступать... Не пойму я – чего мы ждём?

– Я чего-то не понимаю... – сказал Огромнов. – Раньше надо было выступать. Когда большевики не ждали. Могли бы Питер с ходу взять... А теперь что? Поступили сведения, что Дзержинский в Питер прибыл, Тухачевский... А эти палачи зря не приезжают – значит, начнутся боевые действия...

– Вот мы их и встретим! – решительно сказал Козловский. – Зато мировая общественность не скажет, что мы первые начали кровопролитие! И народ будет знать, кто первый начал братоубийство!

– Это братоубийство уже три года как началось и продолжается! – крикнул Петриченков. – И мировой общественности начхать, что большевики пачками заложников расстреливали, священников на звонницах вешали, церкви взрывали! Газом безоружных крестьян травили, последний хлеб и картоху отнимали – мировая общественность и пальцем не шевельнула!

– Не знает ничего об этом мировая общественность, – сказал Белецкий. – И мы можем об этом трубить на весь мир! Больше печатать листовок и прокламаций! Говорить народу, что собой представляют большевики! Говорить, а не стрелять!

– Вы чё, товарищ Белецкий, серьёзно, что ли? – оторопело спросил Петриченков.

– Если б эти слова мне школьный учитель сказал или адвокат-либерал... А от вас, товарищ Белецкий, командира линкора, странно такое слышать... – проговорил военмор Огромнов.

– Я предлагаю обратиться к красноармейцам Петроградского гарнизона! Распространить воззвание! За

какие идеи мы поднялись против большевиков! – с пафосом произнёс Ладейников. – Красноармейцы – те же крестьяне, они поймут! Они не пойдут против своих братьев матросов!

– А если пойдут? – спросил военмор Квартальнов.

– Нам сейчас важно выиграть время, – вдруг сказал Белецкий. – Через две недели... Самое большее через три – вскрыется лёд в заливе. Они не смогут штурмовать пехотой остров... Плавсредств у них нет... Старые маленькие баржи? Плоты? Лодки и катера? Много на них разместишь бойцов? И все эти плавсредства пойдут ко дну вместе с красноармейцами – достаточно двух-трёх залпов артиллерии... Кронштадт станет для них неприступным.

– А продовольствие? – спросил кто-то. – Что есть будем?

– Достаточно одного похода эсминцев и крейсеров в Финляндию – и мы загрузимся продовольствием на полгода, – ответил Белецкий. – Повторяю, товарищи, главное – выиграть время...

– Вы думаете, товарищ Белецкий, большевики этого не понимают?

– Думаю, что понимают... Но время сейчас работает на нас...

И все члены Революционного комитета молчали, у всех на лицах было напряжённое раздумье...

ТИТР: «ОРАНИЕНБАУМ, начало марта 1921 года...»

...На рассвете две конных сотни ворвались в расположение 187-й бригады. Всадники-будёновцы оцепили штаб, казармы, склады боеприпасов и продовольствия.

Быстро спешивались, перекидывали из-за спин винтовки, клацая затворами... Следом за конными по дороге от Ораниенбаума пешим строем шла колонна красноармейцев. За колонной ехали несколько автомобилей. В переднем сидел Тухачевский и другие командиры...

...Будёновцы врывались в казармы, зычными головами командовали:

– Подъём, контрреволюция! Выходи строиться, вашу мать! Оружие сдать!

– Вы кто такие, братцы? Чего ни свет ни заря свалились?

– Какая такая контрреволюция?! Ты аккуратней со словами, браток!

– Твои братки давно в Черном море плавают! – старший будёновец шарахнул из маузера в потолок. Раз, другой. – Я сказал, па-адъё-ём, сучьи лапти!

– Что, опять митинговать будем!

– Мозги вам вправлять будем!

Красноармейцы зашевелились на нарах, стали то-ропливо одеваться...

...Дверь в кабинет комбрига Дуленкова распахнулась от удара ноги, и первым вошёл Тухачевский, за ним – другие командиры.

Дуленков спал на диване у стены, укрывшись шинелью. Возле дивана на полу лежали две пустых бутылки и на столе – пустой стакан и два ломтя хлеба.

– Встать! – рявкнул Тухачевский, ногой отбросив пустую бутылку. Она с грохотом покатила по полу, ударила о стену.

Вытаращив сонные полупьяные глаза, комбриг медленно поднимался. Шинель сползла с дивана на пол. Разглядев знаки различия на шинели Тухачевского, Дуленков приложил руку к всклокоченной голове, прохрипел:

– Комбриг 187-й Дуленков, товарищ командарм...

– Подлец! – Тухачевский рванул кобуру, выхватил револьвер. Он хотел было выстрелить, но в последнюю секунду передумал, приказал:

– Вывести его перед строем! Он пьян до сих пор, сволоочь!

– Кто пьян? Я пьян? Ну ты полегше, командарм! – взвился комбриг Дуленков, и стало ясно, что он действительно ещё пьян со вчерашнего. – Ты эти старорежимные замашки брось! По какому праву оскорбляешь боевого командира?!

– Выведите его перед строем! – вновь крикнул Тухачевский, и двое рослых, усатых будёновца скрутили Дуленкова и потащили из кабинета.

– Да пустите меня, сатрапы хреновы! Я сам пойду! Куды вы меня тащите?!

– Я его с семнадцатого знаю, – сказал один из командиров. – Был левым эсером, потом ушёл к анархистам, в мае девятнадцатого вступил в РСДРП... Не надёжный элемент, впрочем, командиры полков и батальонов такие же... Партийная работа вообще не велась.

– Арестовать всех командиров полков! Всех комиссаров! Немедленно! – приказал Тухачевский.

Командиры козыряли один за другим, быстро уходили из комнаты...

ТИТР: «ПЕТРОГРАД, начало марта 1921 года...»

...К особняку фабриканта Михеева подкатили один за другим три грузовика, в кузовах которых тесно сидели чекисты в кожанках и шинелях, в фуражках и будёновках со звёздами. Чекисты горохом посыпались на землю, стали оцеплять особняк. И тут же из окон особняка, из двора, закрытого воротами, загремели выстрелы. Из одного окна на втором этаже гулко застучал пулемёт.

И первые убитые упали на мостовую возле грузовиков. Чекисты отвечали огнём из винтовок и револьверов. Бой быстро набирал силу – частые многочисленные выстрелы, стук уже не одного, а трёх или даже четырёх пулемётов...

ТИТР: «ОРАНИЕНБАУМ, начало марта 1921 года...»

...Площадь перед штабом 187-й бригады была оцеплена красноармейцами в новых шинелях «с раз-

говорами», в остроконечных будёновках. Толпа бойцов бригады сгрудилась в центре площади. Бойцы затравленно озирались, смутный говор полз над головами.

Комбриг Дуленков стоял в стороне от всех. Руки за спиной связаны. Вот к нему подвели связанных командиров полков, командира артдивизиона, комиссаров полков. Всего человек одиннадцать. Их тоже подняли с постелей, и они были без шинелей, головы всклокочены, гимнастёрки без ремней.

Подожли, выстроились в шеренгу шестеро красноармейцев, приставили винтовки к ногам.

– Они предали наше революционное дело! – почти кричал Тухачевский, указывая на связанных командиров. – Разгильдяи, анархисты! Развели в бригаде партизанщину! Стали предателями революции! Расстрелять!

Красноармейцы в шинелях и будёновках вскинули винтовки, лягнули затворами.

– Огонь! – крикнул Тухачевский, и прогремел залп.

Группа арестованных повалилась в снег. Почти все навзничь.

– Внимание, красноармейцы 187-й бригады! – громко заговорил Тухачевский. – Ваша бригада сформирована! После проверки вас передадут в другие полки и батальоны! И прошу запомнить – за невыполнение приказа, за разгильдяйство и пьянство наказание одно – расстрел! Оружие вам выдадут после проверки!

Тухачевский неторопливым шагом направился в здание штаба...

ТИТР: «ПЕТРОГРАД, начало марта 1921 года...»

...Бой вокруг особняка был в разгаре. Привезли две пушки, установили орудия напротив ворот и двумя выстрелами разбили ворота. Нападавшие устремились в проём, стреляя из винтовок и револьверов. Из глубины двора, из окон обоих флигелей им отвечали револьверным и пулемётным огнём...

К особняку подъезжали новые грузовики, полные красноармейцев. Водители машин ждали, пока бойцы попрыгают на землю, и уезжали.

Пушки теперь били по флигелям. Выстрел за выстрелом.

Пролом в стене.

...Поручик Герман будто прикипел к пулемёту. Короткими прицельными очередями он бил по наступающим красноармейцам, заставляя их ложиться на землю и не давая подняться. Рядом с ним из пролома в стене, сделанного снарядом, стрелял из винтовки Орловский. И дальше был виден прапорщик Рубашкин. Напротив окон и больших дыр в кирпичной толстой стене лежали и сидели офицеры, и все стреляли без остановки. Торопливо набивали барабаны револьверов патронами и снова стреляли... Время от времени кидали гранаты, и во дворе гремели взрывы, слышались крики людей... Ударили в стену снаряды

– и внутренние помещения флигеля заволкло дымом, посыпалась штукатурка. Короткая тишина... и вновь орудейный залп – снаряды ударили в стену, вновь всё заволкло дымом и пылью, а когда туман рассеялся, в стене зиял ещё один пролом... Чихая и кашляя, офицеры вновь начали стрелять.

– Гранаты! – крикнул поручик. – Гранаты ещё есть?!

Орловский ногой подвинул к себе деревянный ящик, в котором в опилках лежали ручные противопехотные гранаты.

– В подвале ещё три или четыре ящика, – ответил Орловский.

– Оноприенко! Рубашкин! – крикнул Герман. – Возьмите ещё людей – и за гранатами в подвал! Быстро! – И Герман припал к прицелу, надавил на гашетку – загрела длинная очередь.

– Когда прорываться будем?! – Орловский взял из опилок гранату, сдёрнул кольцо и ловко кинул её в проём. Прогрел взрыв.

– Собирай всех, кто живой, в левый флигель! – крикнул Герман, продолжая давить на гашетку. – Будем прорываться оттуда!

Кабинет Фридмана.

...Дзержинский находился в кабинете на Гороховой. На столе – карта Петрограда, он внимательно рассматривал её, делал карандашом пометки. Открылась дверь, и появился Фридман. Кожанка его была перепачкана извёсткой, на лице кровавая ссадина, следы пороховой гари.

– Ну и каша! – Фридман устало плюхнулся на стул, снял фуражку. – Давненько такой каши не было, давненько!

– Бой? – спросил Дзержинский.

– Ещё какой! Два орудия привезли!

– Потери большие?

– Пока точно не знаю, но большие... Их там больше двух сотен, как я предполагаю – и все боевые офицеры... Я думаю, Феликс Эдмундович, если бы мы их не опередили, они могли наделать в Питере большой тарарам! Даже вообразить страшновато...

– Зачем приехали, если бой ещё идёт?

– Как зачем? Мне подкрепления нужны. Не меньше батальона бойцов... – Фридман достал коробку с папиросами, закурил. – Я покурю немного – страшно устал... Так что насчёт подкрепления?

– К вечеру сможете закончить? – спросил Дзержинский.

– Не уверен... Тут главное – никого из офицеров не упустить. А они наверняка пойдут на прорыв, когда начнут кончатся гранаты и патроны. Я же говорю – их там более двух сотен!

– Неужели ни одного не убили? – усмехнулся Дзержинский.

– Но сотня наверняка ещё осталась. А один такой офицер десятерых бойцов стоит!

Дзержинский снял трубку с аппарата, покрутил ручку, сказал:

– С Тухачевским соедините, пожалуйста...

ТИТР: «КРОНШТАДТ, начало марта 1921 года...»

...Двое матросов расклеивали свежие прокламации на заборах, стенах домов, тумбах... Ещё двое расклеивали листовки... И Настя с Александрой в сопровождении Мордвинцева расклеивали листовки. О чём-то весело переговаривались... Смеялись... Мазали клеем забор... Или стену... Настя прикладывала листовку, разглаживала её... Мордвинцев курил папиросу, наблюдал... Проходившие мимо матросы, гражданские люди – пожилые мужчины, женщины, старики и старухи – останавливались, читали...

«В Петроград прибыл и большевистский фельдмаршал Тухачевский, и главный палач Чека Дзержинский. Видно, большой переполюх вызвала у коммунистов наша революция в Кронштадте! Видно, большую тревогу и страх перед народным гневом вызывает у кровавых коммунистов положение в Петрограде! Вся Республика в огне восстаний! Земля горит под ногами коммунистов! И если они не уйдут из власти добровольно, их народ заставит уйти силой! Так же, как прогнали из Республики Советов буржуев и помещиков, белых генералов Деникина и Юденича, Колчака и Врангеля! Да здравствует Республика Советов без коммунистов!»

Пока девушки клеили на стену дома листовку, Мордвинцев пробежал её глазами, вздохнул:

– Бог ты мой, чем я занимаюсь... Какая-то бессмысленная нелепица – бумажки клеим...

– Что вы там бормочете, Николай Гаврилович? – весело спросила Александра.

– Восхищаюсь возвышенным революционным стилем сей прокламации, – усмехнулся Мордвинцев.

– В вашем голосе я слышу иронию, Николай Гаврилович, – Настя разгладила листовку ладонью. – Даже сарказм...

– Никакого сарказма, милые барышни, скорее – растерянность...

Александра подхватила ведёрко с клеем, и они пошли по узкой, мощённой булыжником улочке, стиснутой с обеих сторон каменными стенами домов и чугунными оградами.

– Вы растеряны перед будущим? – спросила Александра.

– Вы проницательны не по годам, – вновь усмехнулся Мордвинцев. – Вам, конечно, это чувство не знакомо?

– Растерянность перед будущим? – переспросила Александра. – Взрослые любят всё усложнять. Нет, я несколько не растеряна. Я верю...

– Во что, интересно знать? – встряла в разговор Настя.

– Будто не знаете? – улыбнулась Александра. – Я верю, что революция обязательно победит и русский народ ждёт прекрасное будущее...

– Н-да-а... – промычал Мордвинцев и покачал головой. – Как там Гамлет говорил? «Пока травка подрастёт, лошадка с голоду умрёт...»

В конце улочки показалась троица матросов, один из них – с гармоникой. Он играл и все старательно пели:

*– Крутится-вертится шарф голубой,
Крутится-вертится над головой,
Крутится-вертится – хочет упасть,
Кавалер барышню хочет украсть...*

Моряки медленно приближались, и стало ясно, что на узкой улочке им будет трудно разминуться. Матросы были под сильным хмелем и шли, занимая всю ширину тротуара, и уступать дорогу явно не собирались.

*– Где эта улица, где этот дом,
Где эта барышня, что я влюблён?!
Эх, вот эта улица, вот этот дом,
Вот эта барышня, что я влюблён!*

И встретились. Матросы хищно улыбались, бескозырки сдвинуты на затылок, бушлаты расстёгнуты. Девушки инстинктивно подались к стене, освобождая дорогу. Но Мордвинцев шагнул вперёд, проговорил сквозь зубы:

– Дайте дорогу...
– Дорогу? – спросил гармонист, перестав играть.
– А ты кто такой?
– Не твоё дело. Я сказал – дай дорогу.
– Я тебе, золотопогонная морда, только на тот свет могу дать дорогу, – выдвинулся вперёд второй матрос. – Ты откуда такой взялся в нашем свободном Кронштадте? Кажи документ!
– А шмары у него хорошенькие! – сказал третий.
– Барышни, айда с нами!
– «А ты, моряк, красивый сам собою, – заиграл и запел гармонист. – Тебе от роду двадцать лет. Па-алюби меня ты всей душою, что ты скажешь мне в ответ?»

– Кажи документ, офицер?! – рявкнул первый матрос. – Ты чё тут вынюхиваешь, белая гидра?!

Мордвинцев смотрел в пьяные глаза матроса... и желваки напряглись под скулами, и в глазах стало темнеть – лицо моряка медленно расплывалось, теряло очертания. Он коротко взмахнул кулаком и ударил точно в челюсть. Моряк ойкнул и завалился на спину, ударившись затылком о булыжник. Бескозырка слетела с головы, покатила по булыжной мостовой.

– Ах ты сучара, на балтийца руку подымать?! – второй матрос бросился на Мордвинцева, успел uklonиться от удара кулаком и сам ударил Мордвинцева в лицо, и они сцепились, нанося друг другу беспорядочные удары. Пронзительно, визгливо закричала Настя. Гармонист сунул Александре гармошку, со словами:

– Подержи-ка, барышня... – и бросился в драку.

Поднялся и нокаутированный первый матрос и тоже кинулся драться. Втроём они дубасили Мордвинцева тяжёлыми кулаками и, наконец, свалили на мостовую, стали бить сапогами.

И тут к матросам кинулась Настя, повисла на руке у гармониста, завизжала:

– Я дочь кавторанга Ладейникова! Он с линкора «Севастополь»! Я всё отцу скажу! Вас за это под трибунал отдадут! Прекратите немедленно! Вы же пьяные! Вас судить надо!

Крик девушки подействовал отрезвляюще. Матросы остановились, тяжело дыша. Гармонист забрал у Александры гармонику, сказал:

– Спасибочки, барышни, што инструмент подержали. Пошли, братва.

Мордвинцев тяжело поднялся с мостовой, сплюнул кровавую слюну. Шинель была в грязи, лицо в ссадинах.

– Будь здоров, офицер, не кашляй, – сказал первый матрос.

– Поклон Деникину, – сказал второй.

– Не переживай, ваше благородие, ещё встренемся, – сказал гармонист, растягивая меха гармони.

И вся троица продолжила свой путь, вновь заиграла гармоника и все трое дружно запели:

*– По морям, по волнам,
Нынче – здесь, завтра – там,
А по морям, морям, моря-а-ам,
Нынче здесь, а завтра та-а-ам...*

– Так что вы там говорили, Сашенька, насчёт счастливого и прекрасного будущего? – утирая разбитую губу, спросил Мордвинцев. – Оно действительно прекрасно... И чем дальше, тем прекраснее...

– Пойдёмте скорее домой, вам надо прижечь ссадины. Дома зелёнка есть, – сказала Александра...

(Конец шестой серии)

СЕРИЯ 7

ТИТР: «КРОНШТАДТ, начало марта 1921 года...»

В штабе Революционного комитета в Инженерном училище стучал телеграфный аппарат. Телеграфист следил за аппаратом, а Петриченков тянул тонкую ленту бумаги с отпечатанными буквами:

«Большевики опередили нас. Главный штаб Боевой организации окружён крупными силами коммунистов. Мы дорого отдадим свои жизни. Просим поддержать нас огнём артиллерии фортов. Прощайте. Да здравствует Великая Россия!»

Петриченков оторвал ленту и быстро вышел из аппаратной, зажав ленту в кулаке...

ТИТР: «ПЕТРОГРАД, начало марта 1921 года...»

...Ожесточённый бой в особняке фабриканта Михеева продолжался. Оба флигеля были практически разрушены. Главный особняк тоже сильно пострадал от оружейных снарядов – все стены в проломах... обгоревшие глазницы окон, из которых выглядывали мечущиеся хвосты пламени – там бушевал пожар. Весь двор перед флигелями был усеян трупами красноармейцев.

А в развалинах флигелей было полно убитых офицеров. И молчали пулемёты. Последним замолк пулемёт поручика Германа. Он стал хватать лежавшие поблизости патронные металлические коробки, открывал их одну за другой – все были пустыми.

– Патроны! – закричал Герман.

– Пулемётные кончились! – отозвался Орловский.

У обоих были перевязаны головы. На грязных бинтах запеклась кровь.

– Орловский! Собирайте оставшихся! Будем прорываться! – Герман лихорадочно набивал патронами барабан револьвера.

Выстрелы гремели беспрестанно, пули щёлкали и взвизгивали, выбивая из развалин кирпичные осколки и едкую пыль. Взорвались один за другим два снаряда – и всё вновь заволокло дымом, сыпались кирпичные осколки, деревянная труха.

Из развалин к проломам в стенах стали собираться оставшиеся в живых офицеры. Многие были ранены – поверх гимнастёрки были забинтованы руки и плечи, перевязаны головы.

– Господа! Кто прорвётся – уходить в Кронштадт! – громко приказывал Герман. – У кого гранаты остались – самое время использовать! Господа! У нас ещё остались вера и надежда! С Богом! Пошли! Ура-а-а!

И поручик Герман первым выскочил из пролома в стене во двор. Следом за ним с криками устремились остальные офицеры. Некоторые на бегу бросали далеко вперёд гранаты, и они рвались впереди, среди лежащих в укрытиях красноармейцев, взвивая фонтаны мёрзлой земли, разбрасывая вокруг смертоносные осколки.

А во дворе навстречу офицерам бежала толпа красноармейцев, и тоже все дружно кричали «Ура!» И через минуту они сошлись и закипел рукопашный бой. Сухо трещали револьверные выстрелы. Хрипы и крики, матерная ругань. Дрались кулаками, прикладами винтовок, револьверами, когда в них кончились патроны, душили, падая в смертельных объятиях на землю, грызли зубами – так велика была ярость с обеих сторон...

...Поздним вечером начались аресты в домах Петрограда. Четверо или пятеро чекистов в кожанках вошли в подъезд пятиэтажного дома. Медленно и осторожно поднялись на второй этаж. Звонок в дверь.

– Кто там? – наконец спрашивал голос за дверью.

– Чека, – следовал короткий ответ. – Сопротивляться бессмысленно! Открывайте!

В ответ тишина. Подождав, один из чекистов стрелял из револьвера в замок, от ударов ногами дверь распахивалась, и из глубины квартиры гремели выстрелы. Чекисты отвечали частыми выстрелами и вламывались в квартиру, продолжая стрелять.

Через несколько минут из квартиры вывели двоих мужчин среднего роста, в штатской одежде, со связанными за спинами руками...

...Другой дом. Группа чекистов входит в подъезд, поднимается на третий этаж. И снова звонок в дверь,

снова вопрос, ответ и стрельба – сначала по замку, потом в коридор открытой двери. И ответная стрельба из глубины квартиры...

И вновь из квартиры выводят связанных мужчин средних лет, один – в военном френче без погон, двое других в штатских пиджаках...

...Ещё один дом. И вновь чекисты взламывают дверь, врываются в прихожую, и в квартире гремит настоящий бой, взрываются гранаты, дымом заволакивает комнаты, в которых дерутся рукопашную чекисты и офицеры... Стрельба... Истошные крики...

...В подвале Чека допрашивали арестованных. Били ногами, потом поднимали с пола и усаживали на стул перед столом, за которым сидел Фридман в той же неизменной кожанке, под которой – гимнастёрка.

– Адреса? – спрашивал Фридман. – Мне нужны адреса членов вашей Боевой организации, ты слышишь меня?

Лицо офицера было всё в крови. Он с трудом поднял голову и посмотрел на следователя – лицо его расплывалось в радужных пятнах. Офицер вновь уронил голову на грудь. Нижняя рубашка на нём была изорвана, в пятнах крови.

– Мне нужны адреса членов Боевой организации, – терпеливо спрашивал Фридман. – Скажешь – и тебя не будут больше бить. Благородно расстреляют – всё. Или будут бить, бить и бить. С ума ведь сойдёшь, дурак...

– Я уже... – прохрипел офицер.

– Что уже?

– С ума сошёл... – вновь прохрипел офицер. Он поднял голову и попытался, разлепив веки, рассмотреть сидевшего перед ним следователя, и вновь голова безвольно упала на грудь.

– Да пойми ты, упрямец. Ваша организация разгромлена. К чему лишние жертвы? Не ты, так другие скажут... Не такие упрямые... – продолжал уговаривать Фридман.

Офицер сидел, не шевелясь, уронив голову на грудь.

– Ну что делать? – вздохнул Фридман. – Бейте, раз он такой упрямый дурак.

Два здоровых малых в гимнастёрках с засученными рукавами, обнажавшими мощные ручищи, подошли к стулу. Один коротко и сильно ударил офицера в ухо, и тот рухнул со стула. И его принялись месить ногами. Тяжёлые чавкающие удары в лицо, живот, по спине...

Петроград. Кабинет Фридмана.

...Дзержинский стоял перед картой Петрограда, разложенной на столе, и ставил карандашом аккуратные крестики. А Фридман быстро говорил:

– На Миллионной улице дом двенадцать, семнадцать и двадцать первый... На Васильевском – первая линия, дом шесть, одиннадцать, семнадцать. Третья линия – дом два, семь, четырнадцать... На Невском – дом три, одиннадцать, тринадцать, семнадцать, де-

вятнадцать, двадцать четыре, двадцать шесть... На набережной Мойки – дом шестнадцать, двадцать семь, двадцать четыре...

Дзержинский едва успевал ставить крестики. Потом спросил:

– Поручик Герман? Полковник Эльвенгрэн? Террорист Орловский? Профессор Таганцев?

– Взять не удалось... Ушли, как в воду канули...

– Не в воду, а в Кронштадт они пошли – не сомневаюсь, – задумчиво сказал Дзержинский.

– Не думаю... Проще – в Финляндию рвануть... В Кронштадт по льду надо идти. Мы там везде патрули выставили... Шестнадцать мотоциклистов с пулемётами ездят постоянно...

Фридман устало сел на стул, достал коробку с папиросами, закурил. Лицо у него было в ссадинах и порезах, грязное от пороховой гари, кожанка в нескольких местах порвана.

– Досталось тебе, товарищ Фридман, я вижу, – с сочувствием сказал Дзержинский.

– Хорошо хоть жив... – жадно затягиваясь, ответил Фридман.

– Потери большие?

– Большие... Ещё не считали... Семеро моих лучших сотрудников погибли. А мы продолжаем защищать город. Вместо меня за главного Верзинь остался... Хотя в основном организация разгромлена... Сто восемьдесят шесть трупов насчитали. Да здесь, в подвале, сорок семь расстреляли... Худо-бедно, но приказ ваш выполнен, товарищ председатель ВЧК, – и Фридман усмехнулся, тут же поморщился от боли, пальцем потрогал глубокий порез на щеке.

– Вот именно, что худо-бедно. Необходимо главарей арестовать – Германа, Эльвенгрэна, Таганцева, Орловского... – сказал Дзержинский. – Но всё равно благодарю вас, товарищ Фридман. Работа была очень трудная... Жаль, что много потеряли бойцов ВЧК – преданных революции и партии бойцов... Искренне жаль... – Дзержинский опустил голову и выдержал скорбную паузу, проговорил: – И всё же я думаю, они пошли не в Финляндию, а в Кронштадт...

– Кто? Ах, главари... Мы блокировали остров со всех сторон – не знаю, как они смогут пройти? – возразил Фридман.

– Кронштадт для них – последняя надежда. Люди они отчаянные, потеряли всё... Причём, когда у них всё было готово к выступлению. Мы же опередили их на несколько дней – вот уж действительно повезло. Уходить в Финляндию или Эстонию для них смерти подобно. Зарубежные хозяева потратили на них немалые деньги и совсем не ждут их обратно с побитыми мордами, – говорил Дзержинский. – Значит, остаётся Кронштадт...

– Когда Тухачевский начнёт боевые действия против Кронштадта? – спросил Фридман.

– Тухачевский готовится...

– Съезд партии открывается четвёртого? Переносить не будут? – спросил Фридман.

– Ленин категорически против переноса, – нахмурился Дзержинский. – До открытия съезда покончить с мятежом мы не успеем...

Резко зазвонил телефон, и Дзержинский взял трубку. Взволнованный голос что-то быстро говорил. Дзержинский слушал, и выражение его лица не менялось. Фридман выжидающе смотрел на него.

– Хорошо. Спасибо, – он положил трубку и сказал: – Арестованы профессор Таганцев и полковник Эльвенгрэн. Через час их привезут сюда.

– Где их взяли?

– В окрестностях Сестрорецка. Собирались идти по льду в Кронштадт. Около тридцати человек. Шестнадцать офицеров уничтожено в бою... Кое-кому удалось уйти...

– Вы точно угадали, что они пойдут именно туда, – сказал подобострастно Фридман.

– Не льстите, Фридман, вам это не идёт. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы это угадать, – ответил Дзержинский.

– Хорошо. Я пошёл. Буду сам допрашивать, – Фридман встал и быстро вышел из комнаты...

– Не перестарайтесь, Фридман, – сказал вслед Дзержинский. – Мне эти люди понадобятся для дальнейшей работы...

– Феликс Эдмундович, это же заклятые враги, – Фридман остановился в дверях. – Таким врагам верить ни при каких условиях нельзя.

– Любой враг очень часто становится другом... – усмехнулся Дзержинский. – Если его раньше не расстреляют.

– Меня дружба с таким человеком как-то не согревает, – ответил Фридман. – Лучше расстрелять... – и он без стука плотно прикрыл за собой дверь...

...Генерал Козловский и сыновья Кирилл и Владимир были в квартире, пили чай и ели варёную в мундире картошку, предварительно очищая её от обуглившейся кожуры и макая в солонку, когда в прихожей задребезжал звонок.

– Я открою, – Кирилл встал и пошёл открывать.

– Наверное, из штаба посыльный, – сказал Козловский, жуя картофелину. – От председателя Петриченкова... Опять, наверное, на митинг зовёт.

...Кирилл открыл дверь, и в прихожую ввалились поручик Герман и Орловский. Орловский поддерживал под руку Германа, который сильно хромал.

– Бог мой, поручик Герман, – Кирилл отступил на шаг. – Что случилось?

– Вы ещё спрашиваете, поручик? – ответил Орловский. – Лучше помогите Герману – у него нога прострелена...

Кирилл подхватил Германа с другой стороны под руку, и так они и вошли в комнату.

Козловский и Владимир бросились к ним на помощь. Уложили Германа на широкий кожаный диван. Козловский кинулся к телефонному аппарату:

– С госпиталем соедините. Козловский говорит. Немедленно. Пришлите врача на квартиру ко мне. Да, к начальнику артиллерии Кронштадта Козловскому. У меня раненый в квартире! Что? Раненый, говорю. Что? Ра-не-ный!

...Доктор закончил бинтовать ногу Германа, стал складывать в саквояж инструменты, шприц, говорил:

– Хорошо, кость не задета. Крови, правда, много потеряли, но это дело восполнимое. Вы что же, из самого Питера чуть ли не босиком шли?

– Немного на извозчике прокатились, – улыбнулся Герман. – А вот по льду босиком пришлось.

– Счастье ваше, что ноги не отморозили. Я на всякий случай мазью ступни смазал – Бог даст, обойдётся... – говорил доктор.

– Доктор, чайку с нами не выпьете? Картошечка есть с солью, – генерал жестом пригласил доктора к столу, но доктор решительно отказался:

– Нет-нет, мне в госпиталь надо, спасибо, голубчик Андрей Николаич, в другой раз непременно.

– Много больных?

– Не очень, но... Несколько человек с тяжёлыми воспалениями лёгких, много с пищевыми отравлениями... Едят всякую тухлую дрянь, гнилую капусту и картошку... Прямо беда...

– С огнестрельными нету? – с усмешкой спросил Орловский.

– Бог миловал...

– Скоро будут, – вновь усмехнулся Орловский.

– Типун вам, сударь, с лошадиную голову! – сердито ответил доктор и направился в прихожую.

Козловский пошёл проводить. Орловский сел за стол, налил горячего чаю, с шумом отпил глоток, потом взял картофелину из миски, стал очищать её. Братья Кирилл и Владимир смотрели на него.

– Что с Боевой организацией? – спросил вошедший Козловский.

– Вы имеете счастье лицезреть её последних членов, – Орловский запихнул в рот картофелину, стал жевать.

– Вас кто-то выдал? – спросил Козловский.

– Да нет, предателей не оказалось. Они сами на нас вышли. Мы ведь в последние дни и не конспирировались особенно. Готовились выступить. Всё было готово. Они нас на два дня опередили...

– И у них хватило сил справиться с вами в течение суток? – опять спросил Козловский.

– В город прибыли Дзержинский и Тухачевский. Они привезли из Москвы целый отряд чекистов. По приказу Троцкого под Питер перебросили целую 25-ю дивизию – двадцать три тысячи штыков... Это и решило исход дела... – Орловский взял вторую картофелину, вновь стал очищать её, обмакнул в солонку и сунул в рот.

– Если бы вы поддержали нас, хотя бы с форта Красная Горка – всё могло бы сложиться по-другому, – сказал лежавший на диване Герман.

– Мы ждали, что вы ответите на нашу последнюю телеграмму, но вы – молчок, – сказал Орловский.

– Большинство членов высказалось против стрельбы по городу, – ответил Козловский.

– Экие вы гуманисты, генерал, – усмехнулся Орловский. – Какое сердобольное отношение к большевикам!

– Сердобольное отношение к гражданскому населению Петрограда, – поправил Козловский.

– Ну, теперь большевики за вас примутся – вы по-прежнему останетесь такими же гуманистами? – спросил Герман.

– Я не решаю единолично. Есть Революционный комитет, – смешавшись, ответил Козловский. – Могу сказать только одно – мы будем защищаться.

– Приятно слышать... – сказал Герман и попросил: – Константин, не принесёте мою шинель, пожалуйста. Она в прихожей.

Орловский вышел в прихожую и скоро вернулся с грязной, испещрённой чёрными пятнами и дырками от пуль шинелью поручика. Герман взял шинель, выгреб из кармана горсть патронов, достал из кобуры револьвер и принялся набивать барабан патронами. Спросил между делом:

– Скажите, генерал, большевиков много в гарнизоне Кронштадта? На кораблях?

– Часть большевиков сдала свои партийные билеты. Часть большевиков мы отправили в Петроград. Тех, кто отказался выйти из партии большевиков... Ну а часть... Да, они до сих пор в составе гарнизона... В командах линкоров «Севастополь» и «Петропавловск», в командах крейсеров и эсминцев, в гарнизонах фортов...

– Много их? В гарнизоне и в командах кораблей больше пятнадцати тысяч матросов. Сколько из них большевиков в Кронштадте? – спросил Герман, набивая барабан патронами.

– Более трети, я думаю... Точного подсчёта мы не делали...

– Простите, генерал, вопрос может показаться неучтивым – а что вы вообще здесь делали? – жёстко спросил Герман, вертя в руке револьвер. – Провозгласили Кронштадтскую республику и ждали у моря погоды?

– Я понимаю, поручик, царские чины давно отменены... – начал Козловский, но Герман перебил его:

– Для меня они не отменены. И я субординацию соблюдаю.

– Тогда по какому праву вы, поручик, разговариваете с генералом царской службы таким тоном? – сухо спросил Козловский и почему-то обернулся на сыновей, сидевших за столом.

– Прошу прощения, ваше превосходительство, но другой формы для моего вопроса нету.

– Тогда я спрошу вас, поручик – с какой целью вы прибыли в Кронштадт? – спросил Козловский.

– Господин генерал вопросы задаёт, как следователь Чека, – усмехнулся Орловский.

– Я приказываю соблюдать субординацию и правила учтивости приличных людей, – резко проговорил Козловский.

– Папа! – крикнул Владимир.

Козловский вновь обернулся на сыновей и ничего не ответил. Он стоял посреди комнаты злой и растерянный. Герман зашевелился на диване, опустил на пол сначала здоровую ногу, потом забинтованную, сказал:

– Константин, помоги мне надеть сапоги. Мы уходим отсюда.

– Нет! – вскочил из-за стола Кирилл. – Вы не уходёте отсюда. Я прошу вас, господа...

Орловский молча присел у дивана, помог Герману натянуть сапог на здоровую ногу, потом, намотав портянку, стал осторожно натягивать сапог на раненую ногу. Герман, морщась от боли, помогал товарищу.

– Куда вы пойдёте? – дрогнувшим голосом спросил Кирилл. – Вы же никого здесь не знаете, кроме нас... Папа, скажи что-нибудь!

– Господин поручик, я приказываю вам остаться здесь, в моей квартире, – отчеканил Козловский. – И до вашего выздоровления приказываю не покидать её.

Герман долго молчал, глядя Козловскому в глаза, потом сказал:

– Слушаюсь, ваше превосходительство...

– Тогда предлагаю выпить чаю, поесть картошки и всё обсудить, – Козловский жестом пригласил Германа и Орловского к столу.

Кирилл с облегчением улыбнулся и посмотрел на брата. Тот ответил хмурым взглядом.

Ораниенбаум. Берег Финского залива.

...Тухачевский стоял в открытом автомобиле. Ещё в машине, кроме шофёра, сидели двое командиров в шинелях и будёновках. Замер строй красноармейцев.

– Пойдём по льду. Артиллерия нас поддержит! И помните, бойцы! Я обращаюсь к тем бойцам бывшей 187-й бригады, которые ещё недавно поддались на контрреволюционную агитацию! Кровью должны искупить свою вину! За трусость – расстрел! Там, в Кронштадте – заклятые враги революции и Советской власти! Уничтожить их – ваша задача! Слушай мою команду! Налево-о! На исходные позиции шагом марш!

Строй с коротким густым шумом повернулся, и через секунду первая шеренга двинулась вперёд, печатая шаг. За ней – вторая... третья... четвёртая...

Тухачевский сел на место рядом с водителем, обернулся к командирам, спросил:

– Молчат пока?

– Молчат, товарищ командарм, – отозвался один из командиров.

– Если они ударят с фортов и линкоров – нам придётся плохо...

– Не ударят, товарищ командующий. Они не знают о том, что мы начали. Главное – успеть подойти как можно ближе к острову, тогда артиллерия фортов и линкоров ничего не сможет сделать.

– Вот именно, главное – успеть... – пробормотал Тухачевский, глядя на проходившие мимо шеренги красноармейцев.

Кабинет Фридмана.

...У полковника Эльвенгрена было в кровь разбито лицо. Он сидел перед столом, и яркий свет настольной лампы был направлен прямо в глаза. Лицо Фрид-

мана оставалось в тени. Подавшись всем телом вперёд, он спрашивал:

– Как вы поддерживали связь с Савинковым?

– Раз в неделю в Польшу ездил связной. Раз в неделю от Савинкова прибывал связной, – едва шевеля разбитыми губами, отвечал Эльвенгрэн.

– Фамилии.

– Бывший штабс-капитан царской службы Веретенников Павел Львович... Бывший поручик царской службы Сазонов Иван Фёдорович...

– От кого вы получали деньги во Франции? Фамилии. От кого получали деньги в Финляндии? Фамилии. – закончив записывать, вновь спросил Фридман.

– Вы не имеете права меня держать здесь! Я – гражданин Финляндии! У меня паспорт финский! Я требую представителя посольства! – вдруг истошно закричал Эльвенгрэн.

– Опять вы за своё, полковник? – устало вздохнул Фридман и глянул на двоих мордovorотов, стоявших за спиной полковника. – Дай-ка ещё разок финскому подданному...

И один из мордovorотов сильно ударил пудовым кулачищем полковника в ухо, и тот рухнул со стула. И его принялись месить тяжёлыми сапогами...

...Петриченков спал в штабе Революционного комитета, когда в комнату ворвался военмор с линкора «Севастополь» Прохор Бартенева. Он сдёрнул с Петриченкова шинель, которой тот был укрыт, стал трясти его за плечо:

– Петриченков! Председатель! Вставай! Тревога!

Петриченков вскочил, протёр глаза:

– Что стряслось? Что?!

– Они выдвигаются! Большевики! Тухачевский! Со стороны Ораниенбаума! Перебежчик прибежал! Сказал – не меньше двух полков! С артиллерией!

– Решились, гады! А ведь я говорил! Я предупреждал! – Петриченков натянул бушлат, схватил со стола бескозырку, и оба выбежали из комнаты...

...В аппаратной Петриченков схватил телефонную трубку:

– Петриченков говорит! С фортом Красная Горка соедините! Быстрее! Кто на проводе? Мне начальника артиллерии фортов Козловского! Нету? Кто говорит? А-а, Сидорчук, ты... Вызывай немедленно Козловского! И сразу объявляй боевую тревогу! Готовность всей артиллерии номер один! Они пошли на нас! Как кто?! Тухачевский! Больше двух полков! Со стороны Ораниенбаума! Я думаю, со стороны Сестрорецка тоже выдвигаются! Быстрее давай! – Петриченков вытер рукавом бушлата взмокший лоб, вновь закричал в трубку: – Дайте линкор «Севастополь». Председатель Революционного комитета говорит! Да, я! Петриченков! Командира ко мне! Товарищ Белецкий? Они выступили! Выдвигаются со стороны Ораниенбаума! Главные калибры линкора к бою! Немедленно!

...Козловский находился на командном пункте форта «Красная Горка». Медленно говорил в телефонную трубку:

– Комендоры. Главные калибры к бою. Готовность номер один. Слушай координаты...

...Матросы у орудий работали. Двое подгоняли металлические тачки с тяжёлыми громадными снарядами. Комендоры вертели большие и маленькие колёсики, не отрываясь от прицелов.

А на плацу перед батареями толпились матросы и красноармейцы, и Петриченков, стоявший на пирамиде снаряжных ящиков, как на трибуне, выкрикивал в толпу:

– Мы не хотели крови! Мы предлагали переговоры! Но большевики решили атаковать Кронштадт! Они хотят казнить нас, как они казнят всех, кто с ними не согласен! Кровавый фельдмаршал Тухачевский ведёт на нас свои полки! Кровавый чекист Дзержинский уже арестовывает в Питере всех подряд! Пытают и расстреливают! Революционный комитет Кронштадта постановил: братья матросы, все к оружию! Комитет постановил! Открыть огонь из главных калибров всех фортов Кронштадта и главных калибров линкоров и крейсеров! Мы им покажем, как Кронштадт защищает свою революцию! Мы не хотели крови! Они хотят крови! Нашей крови!

Толпа матросов грозно взревела, сотни кулаков взметнулись над головами...

В казарме оставалось десятка три красноармейцев. Все – большевики, не вышедшие на митинг. Сидели в мрачном молчании.

– И что, так и будем сидеть? – наконец спросил Тимофей Гайдуков, коренастый, крепкий военмор. – Такие мы стали, большевики, да?

– Не надо, не дави на сознательность, – отозвался другой.

– Чего мы сделать можем?

– Постреляют нас, как курей, и за борт выбросят, – сказал третий.

– А придут сюда наши – как мы им в глаза смотреть будем? – напирал Гайдуков. – Попрытались, как крысы – большевики называются!

– А с меня хватит и того, что я воевать с нашими отказался и здесь сижу, – сказал ещё один.

– Тьфу на вас на всех, трусогоны! – презрительно сплюнул Тимофей Гайдуков.

– Ты не плюйся в казарме, – мрачно сказал взволнованный командир. – Подтирать заставлю.

Гайдуков, едва сдерживая ярость, прошёл в угол, схватил швабру на длинной палке, вытер плевок и швырнул швабру в угол, крикнул:

– Труссы!

Красноармейцы-большевики мрачно молчали...

...Тяжёлые длинные стволы орудий медленно поворачивались... Механические лотки с большими чуш-

ками снарядов ползли по металлическому транспортеру... Подавали их в затворы орудий...

– ...Залп! – кричит в телефонную трубку генерал Козловский.

– ...Залп! – командует с капитанского мостика командир линкора «Севастополь» Яков Белецкий.

– ...За-алп! – командует с капитанского мостика командир линкора «Петропавловск» Иван Рошин...

...И длинные воронёные стволы мощных орудий изрыгнули длинное пламя и дым, выпустив смертоносные снаряды...

...И побережье Ораниенбаума, заполненное войсками, телегами и санями, орудиями, которые тащили лохматые заиндеветшие лошади – всё побережье вздыбилось фонтанами мощных взрывов, которые мешали с землёй людей, лошадей, орудия, разбивали в щепы дома на побережье... Взламывали лёд у берегов и обрушивали на разбегающихся красноармейцев фонтаны ледяной воды с ледяным крошевом... И через несколько минут – новый залп и новые фонтаны земли и воды... Трупы бойцов... Лошадей... Перевернутые телеги, орудия, фуры со снарядами... И новый залп...

– ...Командуйте отступление! – кричал в трубку Тухачевский. – Отвести части с побережья! Немедленно!

...А на побережье вновь тяжело вздрогнула земля и десятки новых взрывов выросли на земле и на воде. Красноармейцы в панике бежали от залива вглубь побережья. И повсюду были видны тела убитых, разбитые телеги и сани, перевернутые орудия с разбитыми колёсами, тела лошадей... Многие дома Ораниенбаума, которые стояли близко от побережья, горели, клубы чёрного дыма поднимались в безветренное небо...

...Поручик Герман и Орловский находились в квартире генерала Козловского, когда услышали первый залп форта «Красная Горка». Вздрогнули стены домов, эхо залпа прокатилось по крышам. Орловский, стоявший у окна, широко перекрестился, проговорил:

– Слава Тебе, Господи... Слышишь, поручик? Форт открыл огонь! Думаю, и линкоры «Севастополь» и «Петропавловск» тоже! Слышишь, снаряды гудят?

– Слышу... – прошептал Герман, лежавший на диване, и тоже перекрестился.

– Нажарят большевикам задницы! Одна мысль об этом делает меня счастливым – много ли человеку надо? – улыбался Орловский.

– Много... – усмехнулся Герман. – Сейчас бы, по элементарной тактике – атаковать бы их и на их плечах ворваться в Ораниенбаум! Это было бы дело.

– Уверен, они на это не решатся... – нахмурился Орловский. – Либерал – он и на войне либерал... Э-эх, щас бы по Питеру пару хороших залпов! Нет, не решатся... – он с сожалением покачал головой, закурил и вдруг заговорил раздумчиво: – Ты знаешь,

Юра, когда я был эсером-боевиком и стрелял в генералов и царских министров, я мечтал о революции... Она мне представлялась прекрасной женщиной... Как на французской картине... Прекрасная... Любящая... Дарит всем свободу, любовь и счастье... Стоит только свергнуть царя и его сатрапов... Я был влюблён в эту женщину-революцию! Мне Город Солнца Кампанеллы снился! И в самом жутком сне я не мог предположить, что эта прекрасная женщина обернётся страшной ведьмой в кровавых лохмотьях и с окровавленным топором в руке... И пошёл отец на сына и брат на брата, н-да-а... – Орловский задумчиво смотрел в окно и курил. Вдруг спросил:

– Что молчишь, Юра?

– Думаю, что с вас, сволочей, всё и началось... Когда вы царя убили... – сказал Герман.

– Не-ет, брат ты мой поручик, началось всё много раньше, и началось с вас... – усмехнулся Орловский. – С вашего крепостного права. Когда вы на всю Русь кандалы надели...

Прозвучал новый мощный залп – и вздрогнули стены, даже шторы на окнах шевельнулись, и грохот прокатился по крышам домов форта...

– ...Фельдмаршал Тухачевский отвёл своих карателей с побережья! – кричал Петриченко перед тысячной толпой матросов. – Не по вкусу большевикам гостинцы наших главных калибров! Знай наших, братва-а!! Да здоровствует свободный Кронштадт!

– Ур-р-ра-а! – громынула толпа матросов и над головами взметнулись сжатые кулаки...

Петриченко стоял на возвышении из снарядных ящиков, смотрел на ликующую толпу матросов и счастливо улыбался.

– Боюсь, радость наша скоро закончится... – сказал Мордвинцев, стоя рядом с Ладейниковым в толпе матросов.

– Думаете, они снова полезут? – спросил Ладейников.

– Уверен...

– Полезут – снова получат! – весело отвечал Ладейников.

И тут к Мордвинцеву протиснулся Орловский. Он был в морском бушлате и тельняшке, только вместо бескозырки – офицерская фуражка.

– Здравствуй, ротмистр, – усмехнулся Орловский.

Мордвинцев оторопело смотрел на Орловского и молчал.

– Что, не ждал живым меня увидеть? Думал, застрелил тогда? Шалишь, ротмистр, я живучий...

– Вижу... – наконец произнёс Мордвинцев. – Из Питера пришёл?

– Едва вырвались... Накрыли чекисты нашу Боевую организацию. Полковника Сухомлинова потеряли. Много хороших офицеров потеряли. Поручика Германа раненого притащил... Повезло... – Орловский что-то ещё говорил, но тут толпа матросов снова взревела, сотни голосов закричали:

– Даёшь Советскую власть без коммунистов!! Даёшь-ёшь!!

– Ну, здравствуй, что ли, ротмистр... – сказал Орловский, когда вопли немного утихли, и снова протянул руку.

Мордвинцев крепко пожал её, спросил:

– Поручик Герман здесь?

– Нога прострелена. На квартире у генерала Козловского лежит, в форте «Красная Горка». А ты где осел?

– Кавторанг Ладейников приютил...

– Долой коммунистов! Доло-о-ой! – вновь взревела толпа матросов. – Даёшь Советский Кронштадт без коммунистов!

...Потом они шли по узким кронштадтским улочкам и разговаривали. Орловский курил на ходу, зажав в углу рта длинный мундштук папиросы.

– У нас всё было готово. Двести девяносто боевых офицеров. Гранат навезли сорок ящиков... патронов, винтовок, револьверов и маузеров – хоть жопой ешь! Чекисты опередили на два дня, чёрт возьми! Я давно фаталист – супротив судьбы не попрёшь, ротмистр.

– Что, все двести девяносто погибли? – спросил Мордвинцев.

– Почти все... Семнадцать часов бой шёл. Они артиллерию приволокли, больше полка солдат... Кое-кто, думаю, прорвался, не только мы, но где они сейчас... Бог ведаёт...

– Думаешь, это конец? – спросил Мордвинцев.

– Думаю, да... – не сразу ответил Орловский. Он увидел у стены дома старинную каменную урну, бросил в неё окурок.

– А как же сотни офицеров в Финляндии, в Эстонии? А целые полки белых ребят в Сербии? Генерал Кутепов? – спрашивал Мордвинцев. – А сколько эмигрантов во Франции? Неужели конец белому движению? Я не верю!

– Думаю, конец... Дело, ротмистр, не в количестве, а в качестве, – Орловский остановился, закурил новую папиросу, и они пошли дальше. – Эмигранты – они и есть эмигранты... Вопрос второй и, пожалуй, самый главный – деньги! После того, как мы проиграли Крым, нам никто не верит и больших денег давать никто не хочет... Проклятые буржуи – люди практичные. Есть результат – даём деньги, нет результата – извините, господа, денег не будет.

– А Дальний Восток? – спросил Мордвинцев.

– А на кого там рассчитывать?.. У них там Блюхер, Постышев – хорошие вояки, у солдат пользуются авторитетом, наглые и жестокие, как шакалы! И тьма партизан... Это же крестьяне, они белых на дух не переносят, – Орловский усмехнулся, покачал головой. – Хоть и понимают, что большевики – сволочи и людоеды, а всё равно идут за ними. Знаете, почему? Ленин им землю дал...

– А то, что хлеб последний отнимают?

– В Сибири и на Дальнем Востоке ещё не отнимают. А когда они спохватятся, будет поздно, большевики сделают с ними то, что сделали уже в России – в гроб живых вколотят!

– Откуда вы всё это знаете, Орловский? – в голосе Мордвинцева послышалось недоверие.

– В Питер люди со всей империи стекались... Распрашивал...

– Ну а как атаман Семёнов? – опять спросил Мордвинцев.

– Вы в рулетку когда-нибудь играли? – в свою очередь задал вопрос Орловский.

– Не довелось...

– Семёнов – это ЗЕРО! У него шанс победить – один против миллиона...

– Тогда какого чёрта вы сюда притазились? – уже с раздражением спросил Мордвинцев.

– А вы какого чёрта сюда притазились? – сбоку посмотрел на него Орловский. – Помереть на Родине хочется?

– Подороже помереть... Подороже... – нахмурился Мордвинцев.

– Ну и я тоже...

– Но все эти люди? Матросы?! Морские офицеры! Солдаты, артиллеристы! Вы же были сейчас на митинге, вы слышали, как они кричали! Видели это единодушие! – Мордвинцев остановился. – Я понимаю, что надеяться на победу бессмысленно! Шансов у них нет! Но они! Неужели они этого не понимают?

– Видите ли, ротмистр... – Орловский тоже остановился. – Русский человек – во многом большой ребёнок. Как сказал великий Пушкин: «Он обманываться рад...» Русский человек очень верит в чудо... Он понимает, что ждёт его поражение, казни и смерти, а в душе шевелится – а вдруг получится? А вдруг? Это и есть вера в чудо, ротмистр...

– Очень не хочется с вами соглашаться, Орловский... – вздохнул Мордвинцев.

– Не соглашайтесь. Только сути дела это не меняет, – улыбнулся Орловский.

– А их руководители? Революционный комитет Кронштадта?

– Да какие они руководители! – поморщился Орловский. – Прекраснодушные либералы, способные только речи произносить. Они хороши в каком-нибудь европейском парламенте, а не на войне... С Кронштадтом мне всё ясно... Никто на Западе денег им не даст... И военной помощи оказывать не будет... Большевики раздавят Кронштадт недели через две, помяните моё слово...

И они пошли дальше, опустив головы и старательно глядя себе под ноги, и всю оставшуюся дорогу молчали. И вдруг Мордвинцев сказал:

– Странная жизнь... До семнадцатого года я ловил и отправлял на каторгу таких вот, как вы... Потом ушёл в ледовый поход с Корниловым и воевал все три года против большевиков...

– И я воевал против большевиков... – усмехнулся Орловский.

– Потом вы застрелили моего боевого друга и чуть не убили меня...

– Да и вы меня чудом не убили, – вновь усмехнулся Орловский.

– А теперь мы разговариваем, как старые верные друзья... Что это, Орловский?

– Это жизнь, ротмистр... Наша русская жизнь... – в третий раз усмехнулся Орловский и остановился. – Вам, кажется, туда, а мне топать до форта, к Козловскому...

– Козловский и сыновья сейчас в гарнизоне, что вы там один будете делать? Пойдёмте со мной. Нас угостят пустым чаем и дадут по куску хлеба. Чудесная семья... – предложил Мордвинцев.

– Вас не осудят? – спросил Орловский.

– Пойдёмте, Орловский, пойдёмте...

ТИТР: «ОРАНИЕНБАУМ, начало марта 1921 года...»

– ...Сколько времени вам надо, чтобы подвезти тяжёлые орудия к побережью? – спрашивал Тухачевский командира артиллерией Петроградского гарнизона Толбухина.

– В моём распоряжении тяжёлых орудий нет, товарищ Тухачевский, – отвечал Толбухин. – Есть дивизион среднего калибра, но если их подвезти к побережью – Кронштадт уничтожит их своими главными калибрами. Им достаточно будет огня одной «Красной Горки».

– Ч-чёрт возьми! – в сердцах выругался Тухачевский, глядя на карту.

– Кронштадт – неприступная крепость, – сказал Толбухин. – Именно таким и задумывал его Пётр I, когда начинал строить. Неприступная крепость, закрывающая Петроград.

– Товарищ Раскольников, на сколько им ещё хватит продовольствия? – спросил Тухачевский.

– Если они используют неприкосновенный запас ковраблей – на месяц-полтора, товарищ командарм, – ответил Раскольников. – Кроме того, у гражданского населения есть скрытые запасы продовольствия. Кроме того, у гарнизона тоже могут быть скрытые запасы...

– Я спрашиваю, когда они начнут голодать? – не скрывая раздражения, спрашивал Тухачевский.

– Трудно сказать, товарищ командарм... Голодать можно долго и быть при этом боеспособным. Думаю, месяца три они смогут держаться.

– Чего я не прощаю в людях, так это – самодовольной тупости! Какие три месяца, вашу мать?! В конце марта лёд в заливе вскрыется – вы об этом подумали, Раскольников? Или вас со всех постов сняли – значит, и думать не надо? Хотя вы и тогда не очень-то соображали, если судить по результатам! Лёд вскрыется, болваны, вашу мать! Вот тогда Кронштадт станет действительно неприступным! Или вы полагаете, что красноармейцы по морю аки по суше пойдут?! На баржах и плотах поплывут?! А батареи Кронштадта их будут топить в своё удовольствие?! – Тухачевский был в ярости, и даже брызгал слюной, и губы перекашивались, и глаза были безумными от ярости. – Блокада? Какая блокада?! Эскадра из эсминцев и крейсеров пойдёт в Финляндию или Эстонию за продовольствием – кто её остановит?! Или прикажете со

всей республики свозить тяжёлые орудия и крушить Кронштадт артиллерией?! Так у них своя есть! Так долбанут – от Петрограда ничего не останется! Удивляюсь, что они до сих пор не долбанули! Короче: мятеж в Кронштадте должен быть подавлен до открытия съезда партии! Это приказ товарища Ленина! Это приказ товарища Троцкого! – прокричал Тухачевский.

– До открытия съезда осталось три дня, товарищ командующий, – растерянно отвечал Раскольников.

– Вот за эти три дня мы должны подавить мятеж, товарищ Раскольников! Иначе головы вам не сносить! – вновь закричал Тухачевский и повернулся к комиссару Балтфлота Кузьмину. – Это и к вам относится, товарищ комиссар Балтфлота!

– Не надо кричать, – зло ответил Кузьмин. – У меня хороший слух.

Тухачевский долго молча смотрел на него, медленно наклонился и проговорил почти шёпотом:

– Тогда приказ трибунала о вашем расстреле вам зачитают шёпотом.

Щека на лице Кузьмина нервно дёрнулась, глаза неподвижно смотрели на Тухачевского.

– Полагаю, и вам зачитают такой же приказ? – с трудом задал вопрос Кузьмин.

– Неправильно полагаете, комиссар. Я буду председателем этого трибунала, – так же шёпотом ответил Тухачевский...

Матросский кубрик линкора «Севастополь».

...Крестьянин Кузьма Бартнев умирал в матросском кубрике линкора «Севастополь», на койке своего брата Прохора. Он лежал полуголый, блестящий от пота, словно его смазали маслом, и гулко кашлял и задыхался. Из угла рта при кашле появлялась тонкая струйка крови. Прохор сидел рядом, вафельным полотенцем утирал брату кровь с губ, вытирал мокрую от пота грудь. Рядом стояли несколько матросов, молча смотрели.

– Молока бы ему горяченького... – сказал один. – Глядишь, полегчает...

– Где ты его возьмешь, молоко-то? – отозвался второй.

– Пойду до боцмана – у него, может, запасец есть... – третий матрос вышел из кубрика.

– Доходит он – не видите, что ли? Не жилец...

Прохор Бартнев только посмотрел на матроса, ничего не сказал.

– Проша... – вдруг позвал Кузьма, перестав кашлять.

– Тут я, братушка, тут... – наклонился вперёд Прохор.

– Помираю... Всё...

– Ну, чего ты панихиду-то начал, Кузьма? Поживем ишшо... – без всякой уверенности в голосе ответил Прохор.

– Слышь, Проша... Ты им... Гадам... Ты отомсти... За мамку, за сестрёнок... За меня... Слышишь меня, Проша?

– Отомщу... – проглотив ком в горле, ответил Прохор Бартнев.

Кузьма вздохнул ещё раз... и грудь его замерла, и глаза неподвижно смотрели вверх.

– Готов... – сказал первый матрос.

Послышались шаги, и в кубрик вошли матрос и боцман – могучий человек лет сорока, в тельняшке. На широком кожаном поясе у него висела деревянная кобура с маузером, две пузатых фляги. Боцман Волчук подошёл к нарам, спросил:

– Готов, что ли?

– Отошёл, царствие ему Небесное... – тихо ответил Прохор Бартнев.

– Тогда помянем... – Волчук отстегнул флягу, отвинтил колпачок, налил в него и протянул флягу Прохору.

Тот отрицательно замотал головой:

– Не могу чего-то... Не полезет...

– Положено, – прогудел Волчук. – Давай.

Прохор сделал большой глоток и вернул флягу. Волчук перекрестился и тоже сделал большой глоток, протянул флягу остальным матросам. Те по очереди сделали по глотку, и фляга вернулась к боцману.

– Лёгкие, стало быть, продырявили? – спросил боцман Волчук.

– Да там всю деревню в распыл пустили... И баб, и детей малых... – кивнул Прохор Бартнев. – Много деревень изничтожили...

– Н-да-а... – протянул Волчук. – Как их после этого людьми-то называть? Попался б мне этот... Антонов-Овсеенко... Задушил бы блядь этими вот... – и боцман вытянул перед собой две могучих руки, двинулся из кубрика. Матросы поспешно расступились перед ним...

...Похоронили Кузьму на военном кладбище Кронштадта. Кучка матросов с «Севастополя» во главе с боцманом Волчуком. Постояли, стали медленно расходиться. Прохор остался сидеть на мёрзлой земле у могилы. Волчук сказал, уходя:

– Ты недолго, Прохор. Неровён час, тревогу объявят...

– Чуток посижу, Корней Федотыч... Догоню вас... – отозвался Прохор, глядя на холм мёрзлой земли.

Волчук ушёл, и Прохор остался один. Курил сигарку, смотрел на могилу. Потом огляделся вокруг – военные могилы и мраморные памятники, кресты... Кресты железные... Кресты каменные... Гранитные... Мраморные... Барельефы морских офицеров...

Прохор докурил до конца, пока огонёк сигарки не стал обжигать пальцы. Вдавил окурок в землю. Встал, отряхнул штаны, поднял воротник бушлата.

– Отомщу, братушка... Обязательно отомщу... – сказал Прохор и зашагал от могилы...

ТИТР: «МОСКВА, начало марта 1921 года...»

Кабинет Троцкого.

– ...Каков у нас сейчас перевес в силах? – спрашивал Троцкий, сидя за столом у себя в кабинете. Перед ним – стакан чая в серебряном подстаканнике, с долькой лимона.

– Примерно в два с лишним раза, – отвечал Тухачевский. – Сорок пять тысяч штук. Хуже с артиллерией. Семьдесят четыре ствола среднего калибра со стороны Сестрорецка и восемьдесят пять стволов со стороны Ораниенбаума. Это примерно две трети того, что есть у Кронштадта... И конечно, их главные калибры фортов и линкоров – для нас самая страшная угроза...

– Внезапность наступления?

– После первой, неудачной попытки это исключено. Они выдвигают далеко вперёд дозоры и внимательно следят за обоими побережьями. Есть ещё одно соображение, которое меня особенно тревожит. Мы никогда не атаковали такими большими силами по льду... – Тухачевский говорил и смотрел на карту, висевшую на стене. – Естественный страх бойцов – бежать по льду в атаку. Кронштадтцы начнут сыпать снаряды – и половина атакующих попросту утонет. Уверен, многие бойцы не умеют плавать. Да в ледяной воде много и не поплаваешь...

– Что вы предлагаете? – перебил Троцкий, глядя на Тухачевского.

Тухачевский посмотрел ему в глаза, но ничего не увидел, кроме бликов на стёклах пенсне.

– Мне нечего предложить, – ответил Тухачевский. – Другого варианта наступления попросту не существует... Потери могут быть очень большими. И когда атакующие достигнут берега, их может быть значительно меньше, чем матросов на берегу... Они опрокинут нас обратно в залив... В воду...

– Допустим, резон в ваших словах есть, – кивнул Троцкий. – И что же нам делать? Отказаться от штурма? Так и доложим Ленину, да? Кронштадт не смогли взять, потому что он неприступен! – Троцкий выпрямился за столом.

– Мы должны честно сказать об этом, товарищ Троцкий.

– Хорошо. Только Ильичу докладывать будете вы, – сказал Троцкий. – И съезду тоже! Ленин приказал подавить мятеж до начала съезда. Мы этот приказ не выполнили. Теперь я предоставляю вам возможность доложить Ленину и делегатам съезда партии о том, что Кронштадт вообще взять невозможно.

– Я доложу. И одновременно попрошу освободить от руководства этой операцией.

– Надеюсь, вы понимаете, что последует за этим? Авторитетов у революции не существует! Надо было с самого начала отказываться! А вы попробовали, обожглись и – в кусты? Не получится! Теперь расстрелять могут. Вы, надеюсь, не забыли, как расстреляли командарма Сорокина? А начдива Левицкого вы лично расстреляли! Сами так решили и расстреляли! И комбрига 187-й тоже по вашему приказу расстреляли! Потому что революция была в опасности! Так вот теперь, товарищ Тухачевский, революция в ещё большей опасности! И почему вы думаете, что к вам будет особенное отношение, если вы откажетесь выполнять революционный приказ?

– Я хотел...

– Всё! Никаких аргументов о неприступности Кронштадта я не желаю больше слушать! – уже со

злостью перебил Троцкий. – Перед наступлением обрушьте всю мощь своей артиллерии на форт «Красная Горка», шестой форт, второй форт и пятый. И на линкоры, – сказал Троцкий. – Понимаю, уничтожить главные калибры вам не удастся, но хоть что-то вы разрушите. Будут потери среди артиллеристов. И если хоть на тридцать-сорок процентов мощь артиллерии Кронштадта уменьшится – это уже существенная подмога атакующим.

– Я думал об этом, товарищ Троцкий...

– Что-то я не слышу прежней уверенности в вашем голосе, товарищ Тухачевский, – улыбнулся Троцкий. – Вспомните, как вы форсировали Волгу, как громили лучшие дивизии Колчака, как наступали на армии Деникина на Северном Кавказе. Вспомните, вспомните – это иногда полезно. Чем ещё может гордиться полководец, кроме своих побед?

– Нужно помнить о своих победах, товарищ Троцкий, но важнее помнить о своих поражениях, – ответил Тухачевский.

– Но идя в бой, полководец должен думать о победах, а не о поражениях, – вновь улыбнулся Троцкий. – Иначе мы не взяли бы власть в семнадцатом и не совершили невозможное в гражданскую войну. Вот с этими мыслями вы должны вести в бой красноармейцев! – Троцкий продолжал с улыбкой смотреть на Тухачевского...

Тухачевский стоял на фоне большой карты. Молчал. Смотрел на Троцкого. Тот встал из-за стола, подошёл к Тухачевскому:

– Счастливой дороги в Петроград. Жду сообщений каждые два часа. Успеха желаю... – и Троцкий протянул руку. Тухачевский пожал её, медленно пошёл из кабинета.

– Перед наступлением дайте мятежникам телеграфное сообщение. Предложите сдать, – в спину Тухачевскому сказал Троцкий. – Не думаю, что они сдадутся, но чем чёрт не шутит...

...В штабе в Ораниенбауме были собраны почти все командиры частей, стянутых к побережью. На стене прикреплена большая карта побережья Финского залива и острова Кронштадт. Тухачевский стоял у карты и чётко выговаривал:

– Сорок первый и двадцать девятый полки занимают позиции за Сестрорецком. Сто седьмая артиллерийская бригада придаётся этим полкам. Командир Глушаков здесь?

– Здесь, товарищ командующий! – вскочил комбриг Глушаков.

– Координаты и время получите перед самым наступлением.

– Слушаюсь, товарищ командующий!

– Комполков сорок один и двадцать девять здесь? – вновь спросил Тухачевский.

– Так точно, товарищ командующий!

– Так точно, товарищ командующий!

– Позади вас будут стоять части особого назначения. У вас в полках есть бойцы из расформированной 187-й бригады, народ политически неустойчивый,

могут повернуть назад. Их чоновцы встретят огнём. Запомните и передайте бойцам – только вперед!

– Слушаюсь, товарищ командующий!

– Слушаюсь, товарищ командующий!

– Перейдём к Ораниенбауму, – продолжил Тухачевский. – Начдив 25-й здесь?

– Так точно, товарищ командующий!

– Начдивы 112-й, 71-й и 125-й здесь?

– Так точно, товарищ командующий!

– Так точно, товарищ командующий!

– Так точно, товарищ командующий!

С грохотом отодвигались стулья, и вскакивали комбриги, рапортовали, выпучив глаза от усердия, вытягивались по стойке смирно.

ТИТР: «КРОНШТАДТ, начало марта 1921 года...»

...На кораблях и в гарнизонах фортов матросы получали винтовки и револьверы. Длинная очередь тянулась к барьеру, за которым в козлах стояли винтовки. Двое запаренных матросов бегали от пирамид, сгребали в охапку по четыре-пять винтовок, другие матросы набирали кобуры с револьверами и маузерами и несли к барьеру. Матросы молча разбирали оружие, лязгали затворами, крутили барабаны револьверов. Потом горстями гребли патроны из больших бочек, стоявших у барьера. Одна бочка – для патронов к револьверам, другая бочка – с патронами к маузерам.

...На пустынных, продуваемых ледяными ветрами улочках на тумбах и на стенах домов белели листовки Революционного комитета.

«Большевицкие палачи Тухачевский и Дзержинский снова собираются напасть на Кронштадт! Братья матросы, все как один встанем на защиту родной крепости! Никому и никогда Кронштадт не сдавался! Смерть большевицким душителям свободы! Да здравствует революционный Кронштадт! Свобода или смерть!»

(Конец седьмой серии)

СЕРИЯ 8

Дом Советов. Зал заседания X съезда ВКП(б).

...Зал был полон, рядами сидели люди, одетые почти все одинаково – гимнастёрки и полувоенные френчи, на многих гимнастёрках красные нашивки в петлицах – от командира роты до командарма. Но были и гимнастёрки штатские, без нашивок на рукавах и петлицах.

Ярко светили хрустальные люстры. Военные гимнастёрки и полувоенные френчи были основной одеждой собравшихся в зале делегатов. У многих сверкали ордена Красного Знамени. Через всю сцену был натянут кумачовый плакат с надписью: «Да здравствует X съезд ВКП(б)!». В президиуме (на сцене) сидели известные всей стране люди – Калинин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Бухарин, Рыков... Зал сдержанно гудел, покашливал, переговаривался вполголоса.

И вдруг с левой стороны из-за кулис показалась невысокая фигурка в тёмном костюме, белой рубашке с галстуком, в жилетке. Фигурка неторопливо шла к трибуне, держа в руке свёрнутые трубкой бумаги.

– Ленин! – громко сказал кто-то в зале, и через секунду уже несколько голосов закричали: – Ленин!! Ленин!!

И весь зал с коротким грохотом встал и взревел на одном дыхании:

– Лени-и-ин!!

И, как гроза, разразилась овация:

– Да здравствует Лени-и-ин!!

За трибуной была невысокая скамейка, на которую Ленин встал, чтобы его лучше было видно. Он стоял и спокойно смотрел в грохочущий зал...

ТИТР: «КРОНШТАДТ, ШТАБ РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА, начало марта 1921 года...»

– ...Значит, постановляем! – председатель Революционного комитета Петриченков встал из-за стола, говорил торжественно. – Направляем телеграммы правительствам Великобритании, Франции, Польши, Финляндии, Эстонии. Заявляем о том, что восставший Кронштадт и возглавляющий его Революционный комитет не признаёт нынешний Всероссийский Совет депутатов и требует вывода из Всероссийского Совета всех коммунистов! Заявляем о требовании создания нового правительства – без коммунистов! Просим поддержать восставший Кронштадт всеми имеющимися средствами! – Петриченков замолчал, оглядывая членов комитета, сидевших с двух сторон длинного стола. – Предлагаю голосовать. Кто «за», прошу поднять руки.

Все молча подняли руки.

– Единогласно! Поздравляю вас, товарищи члены Революционного комитета! – Петриченков блаженно улыбался. – Теперь мировая общественность будет на нашей стороне! И большевики не посмеют напасть на Кронштадт!

Вдруг военмор Огромнов поднялся из-за стола, пошёл к двери.

– Военмор Огромнов, ты куда? – строго спросил Петриченков. – Заседание комитета ещё не закончено.

– Ох, Петриченков, ты, я вижу, совсем дурной стал, – мрачно ответил, остановившись у двери, Огромнов. – Мы уже пятый час заседаем. Молотим языками, молотим – мозоли, небось, у всех опухли. А мне посты менять надо. Люди на льду восьмой час мёрзнут. – И Огромнов вышел из комнаты.

– Пожалуй, на сегодня хватит, – сказал генерал Козловский и тоже поднялся. – Мне в гарнизон форта надо – учёт оставшегося продовольствия проводить.

– Кстати, вопрос о продовольствии сегодня так и не обсуждали, – с укоризной сказал Ладейников.

– Вопрос о продовольствии будем обсуждать завтра на утреннем заседании, – бодро ответил Петриченков.

– Третий раз откладываем, товарищ председатель, – сказал командир линкора Белецкий.

– Не беспокойтесь, товарищи, завтра с утра будем принимать решения по продовольствию.

– Быстро мы в партийных бюрократах превратились, – усмехнулся Ладейников.

– Зачем так, товарищ Ладейников? – обиделся Петриченков. – Мы сегодня приняли решения по пятнадцати вопросам. Завтра главным вопросом будет положение с продовольствием. – Петриченков снова улыбался. – На сегодня заседание Революционного комитета Кронштадта объявляю закрытым. Все свободны...

Члены комитета шумно поднимались из-за стола, выходили из комнаты, переговариваясь на ходу.

– Что у нас с продовольствием на линкоре? – спросил Ладейников Белецкого.

– Подгнившая капуста, мороженный картофель, пшёнка, но сколько точно – не знаю. Гречка ещё есть, но сколько – тоже точно не знаю. Мука ещё есть...

– Но сколько, точно не знаете, – за Белецкого закончил Ладейников, и оба грустно улыбнулись.

– Я думаю вот о чём, Яков Иванович – если они не пойдут на нас штурмом, значит, будут морить нас голодом... И сколько мы продержимся в условиях полной блокады?

– Не знаю, голубчик, право слово, не знаю... – ответил Белецкий. – Вы теперь домой или на корабль?

– Если отпустите, схожу домой, товарищ командир, – улыбнулся Ладейников.

– А если тревога ночью? – тоже улыбнулся Белецкий.

– Да успею я на корабль, Яков Иванович – в первый раз, что ли?

– Ну ступайте, Бог с вами... – сказал Белецкий, и Ладейников заторопился по узкой горбатой улочке...

Квартира Ладейникова.

...В гостиной был полумрак – горела всего одна керосиновая лампа. За круглым столом сидели Настя, Александра, Кирилл и Владимир Козловские, Мордвинов и Орловский. На столе были свалены в кучу самые разные предметы – фантики из-под конфет, носовой платок, карманные круглые часы с цепочкой, офицерский морской кортик, спичечный коробок.

Настя сидела чуть в стороне, и глаза у неё были завязаны.

...Катерина Васильевна лежала в спальне одетая и читала при свете ночника книгу...

...Кирилл протянул руку и взял из кучки предметов часы-луковицу, спросил:

– Что должен сделать владелец этого фанта?

– Владелец этого фанта должен залезть под стол и трижды пролаять! – чётко ответила Настя, и все засмеялись, а Кирилл сказал, глядя на брата:

– Прошу тебя, Володя, исполни.

– О-ох, какая всё-таки дурацкая игра... – пробормотал Владимир, полез под стол и трижды громко пролаял, и все вновь засмеялись, зааплодировали.

Владимир выбрался из-под стола смущённый, долго отряхивал колени.

– А ты какую собаку изображал, Володя? Пуделя или шпица? – вежливо осведомился Кирилл, и все опять засмеялись.

– Я овчарку изображал, которая вас сейчас всех покусает, – ответил Владимир.

Только Настя сидела, сохраняя серьёзную мину на лице.

– А при чём здесь мы? – ехидно спросила Александра. – Это Настёна определила тебя в собаки. В другом качестве она тебя не видит.

И все опять засмеялись...

ТИТР: «МОСКВА, ДОМ СОВЕТОВ, X СЪЕЗД ВКП(б). Начало марта 1921 года...»

– ...Что из себя представляют кронштадтские мятежники?! – выкрикивал в притихший зал Ленин. – Одураченные буржуазной контрреволюционной пропагандой матросы! По сути – те же бывшие крестьяне и рабочие, пришедшие служить на флот! Кучка озлобленных белогвардейских офицеров, люто ненавидящих советскую власть! Она им как кость в горле! И смешно говорить о том, что мятежники имеют хоть какую-то поддержку в народных массах! Международный капитал их поддерживает! Антанта им мать родная! На их денежки они покупают оружие и стронников!

И зал громыхнул аплодисментами...

ТИТР: «КРОНШТАДТ, КВАРТИРА ЛАДЕЙНИКОВА, начало марта 1921 года...»

...Кирилл взял из кучки носовой платок и спросил:

– Сударыня, скажите – что должен сделать владелец этого фанта?

– Владелец этого фанта должен... – Настя задумалась. – Должен... сплясать «Барыню», а мы все хором споём.

– Скучная же у вас фантазия, Настенька, – проговорил Кирилл, поднимаясь из-за стола.

Все повернулись к нему, и Владимир, а за ним остальные начали напевать, ритмично хлопая в ладоши:

– Барыня, барыня,
Сударыня-барыня!

Кирилл начал неумело отбивать чечётку, хлопая себя по бёдрам.

– Моя милка – семь пудов,
Распугала верблюдов, –

пропел частушку Орловский, и все рассмеялись, дружно подхватили:

– С перепугу верблюды разбежались кто куда!
Барыня, барыня, сударыня-барыня!

Кирилл ещё некоторое время бил чечётку, наконец остановился:

– Хватит, сколько можно?

– А-а, забыли, как меня на четвереньках ползать заставили?! – усмехался Орловский.

Кирилл сел, взял из кучки спичечный коробок, спросил, ещё не отдышавшись:

– Ну а что делать владельцу этого фанта? – Кирилл бросил коробок на стол, брякнули в коробке спички.

– Владельцу этого фанта... – Настя задумалась, улыбнулась своим мыслям. – Владелец этого фанта должен поцеловать Александру... Пусть они выйдут в коридор и поцелуются... По-настоящему... – и Настя вновь улыбнулась.

– Настя, ты, по-моему, заигралась... – вспыхнула Александра, посмотрев на Мордвинцева.

Тот взял коробок со стола, сунул его в карман.

– Моё желание – закон, – сказала Настя, хитро улыбаясь. – Когда ты будешь на моём месте, твоё желание будет законом.

– Всё справедливо, – сказал Орловский.

– Я никогда не буду на твоём месте, злючка, – сказала Александра, встала и вышла из комнаты.

И все сразу посмотрели на Мордвинцева. Тот смущённо вздохнул, крикнул:

– Однако... положеньице...

– Что с вами, ротмистр, вы никак оробели, словно гимназист? – усмехнулся Орловский, и Мордвинцев обжёг его злым взглядом:

– Неуместные шуточки, господин эсер.

– Левый эсер... – подняв палец, уточнил Орловский, и все снова засмеялись.

Мордвинцев вышел в тёмную прихожую и едва не натолкнулся на стоявшую у двери Александру.

– Ох, простите, Сашенька... – охнул Мордвинцев и взял девушку за руку. – Вы не пугайтесь, ради Бога... Мы постоим и пойдём обратно...

– Нет, зачем же... – едва слышно проговорила Александра. – Я хочу, чтобы вы меня поцеловали...

– Гм-гм... – кашлянул Мордвинцев.

– А вы не хотите? – шёпотом спросила Александра.

И тогда Мордвинцев обнял её, с силой прижал к себе, и губы их слились в долгим поцелуе, и руки Александры обвили шею Мордвинцева, гладили, ерошили волосы на затылке. Они оба чуть не задохнулись от поцелуя, и Александра прижалась лицом к груди Мордвинцева, проговорила глухо:

– Я люблю вас, Николай Гаврилович...

ТИТР: «МОСКВА, ДОМ СОВЕТОВ, X СЪЕЗД ВКП(б), начало марта 1921 года...»

– ...Я спрашиваю вас, товарищи делегаты – нужна ли была подрозвёрстка?! Нужно ли было изымать излишки хлеба у кулака и зажиточного крестьяни-

на?! – продолжал выкрикивать в зал Ленин. – Я могу ответить! Это было необходимо! Для спасения революции! Для спасения голодающего в городах пролетариата! Кронштадтские матросы и офицеры, жующие жирный флотский паёк, этого не понимают! Они требуют свободы! Какой свободы? Свободы анархии?! Мы уже знаем, что это такое! Хотите свободы белой кости?! Морских аристократов?! И такой свободы вам не будет, господа кронштадтцы!! Перед Советской властью все равны! И пусть не пугают нас мятежники, что Кронштадт неприступен! Большевики разгромили Деникина и Колчака, Юденича и Врангеля! Разгромим и вас! Ибо на нашей стороне миллионные революционные массы рабочих и крестьян! На нашей стороне правда великого учения Маркса!

Ленин сложил бумаги, запихнул их в карман пиджака и пошёл с трибуны. Зал взорвался аплодисментами, делегаты начали вставать. Раздавались частые выкрики:

– Лени-и-ин! Слава Ленину!

И члены президиума встали и хлопали, улыбались, что-то говорили друг другу и снова улыбались. А Ленин неторопливо шёл через сцену, чуть склонив на бок голову и поглядывая в бушующий зал...

ТИТР: «КРОНШТАДТ, КВАРТИРА ЛАДЕЙНИКОВА, начало марта 1921 года...»

– ...Я люблю вас, Николай Гаврилович... – повторила Александра и посмотрела ему в глаза. В полумраке серебряно блестели белки её глаз.

– Саша... Сашенька... – он вновь стал быстро и часто целовать её лицо, сжимал её плечи, шептал: – Мне страшно произнести эти слова, но я... я люблю вас... я всё понимаю... теперь совсем не время... я старый человек... и кругом война...

– Я люблю вас, Николай Гаврилович... – словно в забытьи повторяла Александра.

Бесшумно открылась дверь из спальни и полоса света упала на пол прихожей, и в этой полосе стали видны целующиеся Александра и Мордвинцев.

Катерина Васильевна куталась в наброшенную на плечи шаль и смотрела на них. А они не замечали её, обнимались и что-то шептали друг другу.

– ...Что-то задерживаются наши друзья, – с усмешкой проговорил Кирилл.

– У Саши в дневнике записано: «Умри, но не давай поцелуя без любви», – ехидно улыбаясь, сказала Настя. – Вот Саша, наверное, и не даёт...

– Вы читаете чужие дневники, Анастасия? Ай-яй-яй... – усмехнулся Орловский.

– У родной сестры можно, – ответила Настя. Глаза её по-прежнему были завязаны.

– Я думаю, игра исчерпала себя, – сказал Владимир.

– Но ещё много фантов, – возразила Настя и громко проговорила. – Николай Гаврилович! Александра! Вы что-то задерживаетесь! Я просила только один раз поцеловать!

Кирилл, Владимир и Орловский негромко рассмеялись. И тут в гостиную вошли Александра и Мордвинцев. Они были смущены сверх меры и старались смотреть в разные стороны.

– Ура-а, свершилось! – захопала в ладоши Настя. – Тили-тили тесто – жених и невеста!

– Настька, ты у меня сейчас по шее получишь! – сверкнула глазами Александра.

– Не ругайтесь, – сказал Кирилл. – Лучше продолжим игру, если есть желание.

– Лучше позвоните в штаб комитета, – входя в комнату, сказала Катерина Васильевна. – Что-то у меня на душе тревожно... Игорь так долго не звонит...

Кирилл поднялся и вышел из гостиной...

ТИТР: «МОСКВА, ДОМ СОВЕТОВ, X СЪЕЗД ПАРТИИ, начало марта 1921 года...»

Ленин ушёл, а зал всё ещё продолжал грохотать аплодисментами. И вдруг на сцену взлетел делегат – почти юноша, не больше двадцати лет, высокий, худой, с горящими большими глазами, в гимнастёрке и военных галифе. Он закричал пронзительно, вскинув вверх руку:

– Предлагаю! Организовать отряд из добровольцев – делегатов съезда! Мы раздавим контрреволюционную гадину! Даёшь отряд добровольцев! Даёшь Кронштадт!

– Даёшь Кронштадт!! – густо и тяжело громыхнул зал, и все делегаты с грохотом встали...

– ...Сколько добровольцев записалось? – спрашивал Троцкий, стоя перед столом в кабинете Сталина.

– Да почти все делегаты съезда, – отвечал Сталин, перебирая заявления. Целая стопка таких заявлений лежала перед ним на столе. – Всех отпустить Кронштадт штурмовать – кто решения на съезде принимать будет?

– Не надо всех, не надо! Отберите человек сто. По-моложе. Тухачевский поставит их во главе штурмовых отрядов. Этого будет достаточно. Главное – воодушевить красноармейцев, что в бой их ведёт делегат съезда партии, понимаешь?

– Что ж тут непонятного? – с сильным грузинским акцентом отвечал Сталин.

– А вы не хотите возглавить один из штурмовых отрядов, Коба? – вдруг спросил Троцкий.

– Нэт, нэ хачу... – не сразу ответил Сталин и, посмотрев на Троцкого, усмехнулся. – Зачём отнимать славу у командарма Тухочевского? К тому же, на съезде дэл очэн много...

Троцкий мелко рассмеялся, глядя на Сталина, и Сталин улыбнулся в усы, прищурившись смотрел на Троцкого...

Литерный поезд «Москва–Петроград» мчался в ночной мгле. Ряды освещенных вагонных окон.

В вагонах шумели делегаты-добровольцы. Сизые слои табачного дыма плавали в воздухе. Галдели, спорили, перебивая друг друга:

– Стрелять подлецов, без всякого трибунала!

– Мне плевать на законы старого мира! Революция творит свои законы! И кто эти законы не признаёт – на свалку истории!

– Морячки зажрались на хороших харчах! Их бы на фронт, подлецов!

– Ничего – мы им мозги быстро вправим.

И вдруг сидевший у окна молодой парень в гимнастёрке с орденом Красного Знамени запел красивым глубоким голосом:

*– Белая армия, чёрный барон
Снова готовят нам царский трон!
Но от Москвы до британских морей
Красная армия всех сильней!*

И все присутствующие дружно подхватили:

*– Так пусть же Красная
Сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой!
С отрядом флотских
Товарищ Троцкий
Нас поведёт в смертельный бой!*

ТИТР: «СЕСТРОРЕЦК, начало марта 1921 года...»

Каравулы матросов находились примерно в километре от берега. За спиной сквозь туманную мглу просвечивали огни фортов и боевых кораблей Кронштадта, перед караулами лежала бескрайняя снежная равнина, в конце которой была большая земля. Туда и всматривались моряки, щурясь от ледяного ветра.

И вдруг в глубине этой мглы показалась чёрная точка, которая росла по мере приближения и скоро превратилась в чёрную фигурку.

– Вижу человека. На нас бежит, – сказал один из матросов, вглядываясь вдаль, и трое других сдёрнули с плеч винтовки, лязгнули затворами. До матросов донёсся протяжный крик:

– Братцы-и! Не стреляйте-е, братцы-и-и!

И вот обозначился красноармеец. Он бежал, размахивая руками. Винтовки с ним не было.

Он добежал до матросов и рухнул на снег, захлёбываясь дыханием, с трудом выталкивая из себя слова:

– Пошли они! Наступать будут! Пулемёты на мотоциклах! Пушки тащат!

Матросы молча смотрели на солдата, слушали, хмурились...

...Замёрзший берег тонул во мгле. И до самого горизонта, затянутого этой мглой, заснеженный лёд был усеян чёрными фигурками красноармейцев, и двигались они бесшумно, только в лунном свете поблёскивали штыки на стволах винтовок...

На позициях артиллерии в зарослях кустарника суетились бойцы – таскали ящики со снарядами, канониры выверяли прицелы, кайлами и ломками долбили в мёрзлой земле укрытия...

Мимо артиллерийских позиций рота за ротой проходили штурмовые отряды. Снег громко хрустел под сотнями сапог, раскачивались над головами ряды стволов винтовок, поблёскивали штыки...

...В квартире Ладейникова резко, громко зазвонил телефон. Сидевшие за столом вздрогнули, посмотрели друг на друга.

– Что там могло случиться? Недавно ведь расстались! – Ладейников встал и быстро вышел из гостиной, прошёл в кабинет и взял с аппарата трубку:

– Капитан второго ранга Ладейников на проводе, – он долго слушал, потом коротко ответил. – Слушаюсь прибыть на корабль.

Он вошёл в гостиную, и все сидевшие за столом сразу поняли.

– Началось, Игорь Сергеевич? – спросил Кирилл.

– Да! Дозоры докладывают: большевики начали наступление на Кронштадт с двух направлений – от Ораниенбаума и Сестрорецка... Я должен немедленно отбыть на корабль, господа. И прошу тех, кто повинуется своему долгу, поступить так же.

Кирилл, Владимир, Мордвинцев и Орловский разом встали из-за стола. Кирилл и Мордвинцев торопливо застёгивали гимнастёрки. Настя и Александра встали вслед за гостями, но Ладейников ледяным голосом произнёс:

– Девочки, вы сидите дома.

– Но папа... – протестующе начала было Александра, но отец жёстко перебил:

– Я сказал – сидите дома! С мамой! Из дома ни шагу! Катенька, присмотри за ними. Никуда, слышишь, никуда не выпускай.

– Хорошо... – упавшим голосом ответила Катерина Васильевна.

Офицеры один за другим быстро выходили из гостиной, бросая на ходу:

– До свидания...

– Прощу извинить... До свидания...

Только Мордвинцев задержался, посмотрел долгим взглядом на Александру, потом – на Катерину Васильевну и Настю, проговорил:

– Так мало знакомы – и такими родными вы мне стали... Ничего, Бог даст, ещё свидимся...

Штаб Козловского.

...Начальник артиллерии фортов Козловский отдавал приказы по внутренней телефонной связи:

– «Красная Горка»! Козлов, это вы? Все артиллерийские команды немедленно в боевую готовность! Орудия главного калибра – в боевую готовность! Шестой форт! Кто на проводе? Батраков, вы? Начальник артиллерии Кронштадта Козловский. Все артиллерийские команды привести в боевую готовность! Обеспечьте подачу боеприпасов к орудиям главного калибра! Цели – Ораниенбаум и Сестрорецк! Самовольно огонь не открывать! Ждите приказа! Назаров, это вы? Где начальник форта «Лисий Нос»? Как это пропал? Думаете? Так, кто принял командование гарнизоном? Вы? Советую весь гарнизон привести в боевую готовность...

Да, началось – они выдвигаются... Да не дёргайтесь вы, Назаров, не психуйте! Сбежать всегда успеете!

...В штабе Революционного комитета было полно матросов. Толпились в коридорах, в вестибюлях на этажах. В кабинете председателя комитета Петриченкова тоже яблоку негде упасть. Петриченков держал перед собой список, выкрикивал:

– От «Петропавловска» есть кто?

– Есть!

– От «Гангута»?

– Есть!

– От «Стережущего»? От «Проворного»? От «Отчаянного»?

– Есть! Есть! Есть!

– От каждого экипажа – по шестьдесят штыков на берег! Дадите?

– Дадим! Да все пойдём – об чём речь! Будут люди, Петриченков, не переживай!

– Шестой и четвёртый форты! Из каждого гарнизона – по сто штыков! – продолжал выкрикивать осипшим голосом Петриченков. – Все – на береговые укрепления! Братва! Дадим отпор большевистским карателям!

– Да пуцай приходят! – весело сказал кто-то. – Целоваться от души будем!

– Э-эх, мне бы Тухачевского встретить! – мечтательно сказал Прохор Бартнев. – Зацеловал бы до смерти!

Смех прокатился над головами...

...Штаб Тухачевского находился в двухэтажном бревенчатом доме с высоким крыльцом и рядом широких и высоких окон. Большой купеческий дом сейчас охраняли со всех сторон.

Группы красноармейцев. На крыльце и по углам дома в укрытиях стояли пулемётные команды – по два человека на пулемёт.

За столом, накрытым расстеленной большой картой, сидели старшие командиры частей, которым предстояло штурмовать Кронштадт.

– Штурмовые отряды поведут делегаты X Съезда партии, добровольцы, – говорил Тухачевский. – Главное – зацепиться за берег. Наступать во что бы то ни стало! Запомните, товарищи командиры, только вперёд! Будем расстреливать каждого, кто повернёт назад! Вот тут начдив Галямов. Он будет командовать заградительными отрядами, которые выставляются по всему побережью Ораниенбаума и Сестрорецка. И если кто повернёт назад...

– Да куда назад, товарищ командующий? Там же лёд весь повзрывают – вода будет, – перебил один из командиров.

– Тем более, только вперёд... – ничуть не смутившись, ответил Тухачевский. – После захвата прибрежной полосы острова подкрепления наступающим будут доставляться на баркасах и баржах. Вся артиллерия, имеющаяся в моём распоряжении, будет поддерживать вас огнём. У меня всё, товарищи командиры. Прощу отбыть в свои части! И прошу помнить о

заградительных отрядах. Дезертирам и трусам пощадь не будет!

Командиры с шумом встали, отодвигая стулья, гурьбой пошли к двери...

В кабинете остались только Тухачевский и Галямов.

– Хорошую вы мне роль определили, товарищ главком, – сказал Галямов. – Меня, боевого начдива...

– Интересно, как вы сами определили свою роль? – спросил Тухачевский, глядя на карту Финского залива, висевшую на стене.

– Карателя...

– Вас она смущает?

– А если будут бежать раненные? В них тоже стрелять?

– Ну разумеется...

– Мне такая роль отвратительна, – Галямов вскочил из кресла, сжал кулаки. – На эту роль найдите кого-нибудь другого!

– Найдём, – Тухачевский спокойно посмотрел на него. – Сначала расстреляем вас, а потом найдём другого. И никакие прежние заслуги перед революцией вас не спасут. Честно говоря, вы давно заслуживаете трибунала – таково мнение и предреввоенсовета Троцкого. Так что оставьте вы эту слюнтяйскую гуманистическую демагогию и беритесь за дело. Нам Кронштадт взять надо... Во что бы то ни стало... Любой ценой... Не смею больше задерживать, товарищ боевой начдив Галямов...

...Штурмовые отряды скапливались на льду, медленно шли вперёд, вытягиваясь в шеренги. Впереди командиры – делегаты съезда.

...А позади штурмовых отрядов, в прибрежном курортнике, растянулась длинная цепь красноармейцев в неглубоких, наскоро выкопанных окопчиках. Видны были пулемёты. Неподальку прохаживался Галямов, в расстёгнутой шинели, фуражке, надвинутой на глаза, мрачно смотрел на берег, где растягивались в шеренги штурмовые отряды.

Вот вперёд выбежал делегат съезда – молодой парень, который в вагоне запевал песню «Белая армия, чёрный барон...», вскинул руку с револьвером:

– Товарищи бойцы-и! Раздавим контрреволюционную гадину-у! Сме-е-ерть белой гидре-е-е!! Ура-а!! – и он побежал вперёд, размахивая над головой револьвером.

– Ура... – раздался первый неуверенный голос, за ним второй... третий... И вот уже сотни голосов слились в густой рёв: – Ур-р-а-а!!

Красноармейцы побежали по чёрно-белому льду, рассыпаясь в разные стороны – всё быстрее и быстрее. И скоро чёрные фигурки заполнили всё пространство до самого горизонта.

– Приготовиться! – крикнул Галямов. – Если увидите бегущих назад – стрелять без предупреждения! Передайте по цепи!

И несколько командиров, вертевшихся возле Галямова, побежали в разные стороны, громко повторяя:

– Стрелять без предупреждения... Стрелять без предупреждения...

ТИТР: «ФОРТ «КРАСНАЯ ГОРКА», начало марта 1921 года...»

Штаб Козловского.

– Батарея! Огонь! – кричал в телефонную трубку генерал Козловский.

– Батарея-а! Ого-о-онь!! – срывая голос, кричал морской офицер в шинели без погон.

И длинные мощные стволы орудий, торчавшие из бетонных капониров, дёргались один за другим, изрыгая пламя.

– Заряжа-ай! – вновь кричали командиры, и матросы суетились вокруг орудий внутри капонира, крутили большие и маленькие колёсики, полз по цепной передаче большой лоток с тяжёленной чушкой-снарядом, опрокидывая его в пасть затвора.

– Ого-онь!

И вновь длинные стволы орудий главного калибра изрыгали смертоносное пламя...

ТИТР: «ПОБЕРЕЖЬЕ ОРНИЕНБАУМА, начало марта 1921 года...»

...Взрывы взметнулись у самой кромки берега, вздымая фонтаны земли, снега и льда... затем переместились глубже и накрыли батарею орудий большевиков... Взрывы переворачивали орудия, ломая колёса и фуры... Снаряд ударил в пирамиду ящиков со снарядами, и последовали новые мощные взрывы...

ТИТР: «ПОБЕРЕЖЬЕ СЕСТРОРЕЦКА, начало марта 1921 года...»

И здесь грохочут взрывы... Солдаты разбегаются по укрытиям... Переворачиваются орудия батарей... Разбегаются раненные обезумевшие лошади... И на перемешанной со снегом и льдом земле появляются мёртвые тела красноармейцев... Их всё больше и больше...

Штаб Козловского.

– ...Огонь! Огонь! – кричал в телефонную трубку Козловский...

Штаб Петриченкова.

– Огонь! Огонь! – кричал Петриченков в такую же трубку.

И тяжёлые орудия фортов отвечали залпами...

И тяжёлые орудия линкоров «Севастополь» и «Петропавловск» отвечали залпами...

Квартира Ладейникова.

...Александра, Настя и Катерина Васильевна Ладейниковы сидели в квартире в полумраке – горела одна небольшая свеча на столе. Они слышали канонаду тяжёлых орудий, вздрагивали при каждой залпе, испуганно глядя друг на друга, на тёмные окна.

Медленно занимался рассвет... Прояснились очертания Кронштадта... Изломы островерхих крыш... Колокольни и купола церквей...

– Господи... – прошептала Александра. – Помогите, Господи...

Катерина Васильевна и Настя молча перекрестились...

ТИТР: «*ПОБЕРЕЖЬЕ ОСТРОВА КРОНШТАДТ, начало марта 1921 года...*»

...Мордвинцев и Орловский были среди матросов, оборонявших прибрежную полосу. Мордвинцев стрелял из пулемёта, Орловский лежал рядом и подавал патронную ленту. Время от времени он приподнимался и вглядывался в рассветную мглу.

– Они идут, Николай... – сказал Орловский. – Они идут!

– Вижу! – отозвался Мордвинцев и продолжал давить на гашетку.

Рядом матросы беспорядочно палили из винтовок и револьверов...

А в рассветной мгле вдруг появились фигурки атакующих. Они катились, как волна цунами, всё росли на глазах, становились рельефнее и выше ростом, и сквозь треск пулемётов и винтовок послышалось яростное «Ура!».

– Отходить надо, Николай! – крикнул Орловский. – Они сомнут нас!

– Нет! – крикнул в ответ Мордвинцев и давил на гашетку. – Ленту подавай – застрянет!

Вид надвигающейся волны красноармейцев, которая катилась, несмотря на шквальный огонь, вызвал у матросов панический страх – один за другим они вскакивали из неглубоких окопчиков и бежали от берега. Один за другим... Один за другим...

А лавина наступающих неудержимо катилась к берегу. Позади цепей атакующих на толстом льду рвутся снаряды... В чёрных ледяных полыньях барахтаются тонущие солдаты, но другие бегут вперёд, продолжая истошно кричать: «Ура-а!».

И молодой парень, делегат съезда с орденом Красного Знамени, был ещё на удивление жив и бежал впереди, и лицо его было перекошено яростным криком «Ура!»...

И вставало холодное жёлтое солнце над ледяной равниной, и становилось всё светлее...

...На линкоре «Севастополь» появился матрос, и на баке сразу собралась толпа. Матрос был ранен в плечо, и кровь сочилась сквозь порванный бушлат. Изпод волос на лоб набежала и застыла струйка крови.

– Братва! Они прорвались на берег! Лёд взломан – там баржи пошли с десантом, – задыхаясь, отрывисто выговаривал матрос.

Толпа матросов мрачно молчала. К матросу протолкался военмор Огромнов, спросил:

– Много солдат?

– А я считал? По виду – много... Прут и прут, гады... Лёд взрывают – для катеров проход делают. Чтоб десант подвозить...

– Братва! – повернувшись к толпе, крикнул Огромнов. – Все в ружьё! Все на берег! Или что, сдадим Кронштадт на милость большевиков?!

– Не сдадим! – на одном дыхании громыхнула толпа матросов.

– А-атста-ави-ить! – раздался властный голос, и сквозь толпу пошёл капитан Белецкий.

Матросы сторонились, и командир линкора дошёл до Огромнова, остановился рядом.

– Учитывая подавляющее численное превосходство большевиков, считаю кровопролитие бессмысленным! – громко заговорил Белецкий. – Подумайте, товарищи матросы! Флот нужен родине! России! И какая бы власть ни была – флот есть достояние России! А без вас, без грамотных матросов, флот – это груды железа! И потому я предлагаю не проливать кровь понапрасну! Я предлагаю сложить оружие!

– Хватит! – оборвал его Огромнов. – Эти байки мы уже слышали! Жаль, командир, слышать их от тебя! Кроме достояния России есть ещё наша человеческая честь и совесть! Без них балтийский моряк жить не может! Флот для России достояние, а большевики сейчас этот флот расстреливать начнут! Что, братва, послушаемся командира и будем ждать?!

Толпа матросов загудела, заволновалась.

– Пусть командир ждёт, пока его пожалеют! – закричали десятки голосов. – А мы драться будем!

– Тогда айда получать оружие! – вновь крикнул Огромнов...

И толпа матросов ринулась по палубе, открывая металлические дверцы внутрь линкора. Каблуки сапог громко стучали по металлической палубе... И скоро на баке командир Белецкий остался один...

ТИТР: «*ОРАНИЕНБАУМ, начало марта 1921 года...*»

Тухачевский стоял над картой, расстеленной на столе, делал пометки, что-то писал... Рядом за столом начдив 40-й Седякин смолил папиросу, говорил:

– К северной части прорваться трудно – улочки узкие, стреляют отовсюду – из окон, с крыш, чёрт бы их драл! – голова у него была забинтована, на грязных бинтах – заскорузлые пятна крови.

– Ничего... Перемелем – мука будет... – задумчиво говорил Тухачевский, глядя на карту и делая пометки карандашом.

– Докладывает начдив 29-й Хренов. Бригады 19-я и 139-я атакуют форты «Лисий Нос» и «Красная Горка». Бои идут в непосредственной близости. Большие потери. Комполка 176-й Петелин убит, комполка 114-й Галямов убит. Комбриг 19-й Фролов тяжело ранен... – рокотал в трубке возбуждённый голос. – Остервенело дерутся морячки, остервенело...

– Я думал, ты доложишь, что уже взял «Красную Горку» и «Лисий Нос», а ты... Давай больше не звони! Когда форты возьмёшь, тогда и отрапортуешь. – Тухачевский бросил трубку.

Но телефон задребезжал вновь, и Тухачевский, поморщившись, снял трубку с аппарата:

– Товарищ командующий! Докладывает начдив 27-й Лепсе! – с заметным прибалтийским акцентом закричал мужской голос. – У меня пленных много! Что делать?! Охранять их – у меня бойцов лишних нету! Мне боевую задачу выполнять надо!

– Что за дурацкие вопросы, Лепсе? – Тухачевский повысил голос. – На лёд выгоняй! И в расход!

– Как «в расход»? – растерялся начдив 27-й. – У меня приказа «в расход» нету...

– Я приказываю! Выгоняйте на лёд – и в расход! Вы слышите меня, Лепсе?! – заорал в трубку Тухачевский.

– Так точно, товарищ командующий, слышу...

– Выполняйте! – и Тухачевский бросил трубку, выругался. – Чтоб их мать!.. Кисейные барышни! Гитлеровцы! Приказа у них, видите ли, нету!

– Это... Всех стрелять без разбору... Может, слишком, а? – вдруг неуверенно спросил Седакин.

Тухачевский повернулся, некоторое время молча смотрел на начдива, и тому стало не по себе. Он поёрзал на стуле, погасил папиросу в пепельнице, поднялся:

– Ладно, пойду... – и пошёл, прихрамывая, к двери.

– Вовремя, – буркнул Тухачевский.

– Чего? – обернулся начдив.

– Вовремя, говорю, уходишь... – Тухачевский смотрел на карту...

– А-а, ну да... Я в лазарет пока... Потом в дивизию... – начдив подождал, не скажет ли командующий ещё чего, но командующий молчал, и начдив вышел, без стука прикрыв дверь...

И тут вновь затрещал телефон. Тухачевский взял трубку и услышал бодрый голос телефонистки:

– На проводе председатель Реввоенсовета республики! Отвечайте!

– Слушаю... – сказал Тухачевский.

– Это я вас слушаю, товарищ Тухачевский, – раздался голос Троцкого. – Почему не докладываете?

– Не могу похвастаться успехами, потому и молчу, Лев Давидович. Бои идут у всех фортов, на окраинах города. Ожесточённое сопротивление. У нас большие потери. Едва успеваем подвозить на катерах подкрепления...

– Что корабли? Молчат?

– Молчат. Главные калибры теперь ничего не могут сделать. А стрелять из малых калибров по своему городу они, видно, не решаются...

– Когда возьмёте Кронштадт? Что сказать Владимиру Ильичу? Сегодня к вечеру возьмёте?

– Нет.

– Завтра?

– Нет...

– Не надо так шутить, товарищ Тухачевский. Идёт съезд партии. Делегаты ждут сообщения, что мятеж подавлен и Кронштадт вновь советский! – рокотал голос Троцкого. – Когда я смогу дать делегатам утвердительный ответ?

– Не знаю, товарищ Председатель Реввоенсовета. Как только Кронштадт будет взят, я сообщу по телеграфу.

– С таким настроением, товарищ командующий, хорошо покойников считать, – сказал Троцкий, и связь прервалась.

– Тебе виднее, – сказал Тухачевский и положил трубку...

...Бои шли уже в городе, и почти на каждой улице. Из-за углов, из створов ворот, из окон первых этажей домов били пулемёты и винтовки, летели гранаты, и взрывы выворачивали булыжники из мостовых... И трупы матросов и красноармейцев видны были повсюду... На мостовых... Во дворах... Под стенами домов...

К зданию штаба Революционного комитета красноармейцы в конце улицы подкатили две лёгкие пушки и начали бить почти прямой наводкой... Дом огрызнулся пулемётным огнём... Красноармейцы поднимались в атаку, бежали по улочкам к площади, но пулемёты били не переставая, и новые неподвижные тела в серых шинелях и будёновках появлялись на мостовой, а красноармейцы откатывались назад, укрываясь за выступающими домами. И вновь, приседая, стреляли орудия, снаряды выворачивали оконные рамы, откалывали глыбы кирпича и камня. Каменные осколки брызгали в разные стороны... Во многих домах начались пожары, жёлтые языки пламени лизали стены, вырываясь из окон с клубами дыма...

Председатель Революционного комитета Петриченко был на первом этаже штаба. Он лежал за пулемётом и давил на гашетку, когда на улице красноармейцы поднимались в атаку. Рядом с ним у окон лежали матросы – стреляли из винтовок. В углу стрелял ещё один пулемёт. За ним лежал военмор Квартальнов, патронную ленту к затвору пулемёта подавал сорокалетний усатый матрос с забинтованной головой.

В окно ударил снаряд, и внутри рвануло, посыпались куски кирпича и штукатурки, и всё заволочло дымом. И через секунду раздался крик:

– Братва! Они во двор прорвались! В ножи их, гадов! Врукопашную!

И матросы, бывшие в помещении, кинулись к дверям и окнам, выпрыгивали с протяжным криком:

– Полундра-а-а!

И рукопашная завязалась во дворе... И толпа выкатилась на улицу...

– Полундра-а-а!!

Воинственный клич висел в воздухе, грохали револьверные выстрелы... Сдавленная ругань, скрежет сапог по булыжнику мостовой, и – новые тела, засыпывающие на земле...

Квартира Ладейникова.

...Они по-прежнему сидели в полутёмной гостиной, и свеча в подсвечнике догорала, капли воска стекали на скатерть. С улиц издалека доносились частые выстрелы, длинные очереди пулемётов, взрывы гранат и грохот оружейных залпов.

– Бой уже в городе идёт... – сказала Александра. – Неужели они уже прорвались в город? Ведь папа говорил – они даже высадиться на остров не смогут...

– Как видишь, смогли... – сказала Настя.

– Что же теперь будет? – спросила Александра, глядя на мать.

Катерина Васильевна молчала, глядя на колеблющийся огонёк свечи. Из глаз на щёки медленно скатились слёзы, но лицо оставалось неподвижным, и широко раскрытые глаза блестели от слёз...

...Форт «Красная Горка» оборонялся. Матросы стреляли из укрытий... Возле пушек суетились оружейные расчёты, и время от времени орудия стреляли...

...Красноармейцы окружили форт с трёх сторон плотными цепями... Подтаскивали пулемёты... Устанавливали... И пулемёты начинали стрелять длинными очередями... Вот красноармейцы поднялись в атаку... Впереди размахивал револьвером человек в кожанке, перетянутой ремнями, в фуражке, надвинутой на самые глаза. Он побежал впереди цепи красноармейцев...

И тут заработали пулемёты матросов – и бегущие цепи красноармейцев стали редеть... Солдаты падали на снежную землю, вскидывая руки и роняя винтовки... И человек в кожанке, перетянутой ремнями, тоже упал – ничком, и вытянул руки вперёд, и правая рука сжимала револьвер... Цепи красноармейцев залегли под шквальным огнём, стали отползать назад...

А среди канониров были Владимир и Кирилл Козловские. Владимир вместе с другими матросами подносил снаряды, Кирилл работал наводчиком... Орудие заряжено... Одно... Второе... Третье... Кирилл смотрел в бинокль, кричал:

– Залп!

И противопехотные пушки подпрыгивали на месте, как лягушки с растопыренными лапами, выплёвывали огонь и шрапнельные снаряды...

– Хорошо-о! – кричал Кирилл, глядя в бинокль. – Точно! Заряжа-а-ай!!

...Генерал Козловский едва успевал хватать трубки телефонов, стоявших перед ним на столе.

– Сообщает 6-й форт. Боеприпасы средних калибров кончились. Подвоза нет. Нас атакуют солдаты. Революционный комитет форта постановил – обороняться до конца.

– Сообщает 2-й форт. Огонь прекратили. Гарнизон форта сложил оружие.

– Сообщает 5-й форт. Огонь прекратили. Гарнизон форта сложил оружие.

Козловский выслушивал сообщения, бросал трубку и тут же хватал другую.

В дверь резко постучали, и в сопровождении двоих матросов вошёл средних лет господин в расстёгнутой офицерской шинели, под которой был виден английский светло-коричневый френч. Господин начал без предисловий:

– Генерал, меня послал комитет Савинкова. Во имя спасения вашей жизни мы предлагаем вам немедленно покинуть территорию России.

– Как вы сюда попали? – опешил Козловский.

– Катер подошёл к северу острова. В месте расположения батарей «Руффа» и «Шанец». Лёд там взломан, и можно пройти. Время не терпит. Я с большим трудом добрался до вас. Почти по всему острову уже хозяйничают большевики...

– Но город ведь держится? – полувопросительно произнёс Козловский.

– Ещё сутки он продержится... Ну двое... – пожал плечами господин. – Если уходить, то немедленно. Лично мне встречаться с большевиками тоже ни к чему.

– Я не могу бросить товарищей... Это позорное бегство... Нет, я не могу так! – замотал головой Козловский.

– Я ожидал подобный ответ. Могу только ответить – вы нужны для дальнейшей борьбы, господин генерал. Ведь с гибелью Кронштадта наша борьба не закончится. Ваш военный опыт и авторитет будут очень нужны. Кронштадтское восстание – для нас ещё одна трагедия... И не меньшим для нас ударом был разгром Петербургской военной организации офицеров... Решайте быстрее, господин генерал. Ваша гибель здесь будет совершенно бессмысленной.

– Здесь двое моих сыновей... – Козловский посмотрел на матросов, стоявших в дверях. – Без них я не поеду...

В это время затрезвонил один телефон, через секунду – другой. Козловский схватил трубку и услышал мужской голос:

– Докладывает батарея Тотлебена. Гарнизон батареи капитулировал. Сейчас кругом большевики. – Козловский выслушал, медленно положил трубку.

– Доставьте сюда сыновей генерала, – сказал господин, и матросы вышли из кабинета...

...Двое матросов быстро передвигались по цепи обороняющихся, пригнувшись к земле, спрашивали время от времени:

– Братьев Козловских не видели?

– Не... Не видел... Да не знаю я их...

Наконец какой-то матрос, лежавший за пулемётом в укрытии, ответил:

– Володька... Вон он лежит. Вроде, убили...

– Где?

– Да вон же... У мешка с песком... А может, и не он... Да нет, вроде, он... Папироской меня угощал...

– А второго не видел? Кирилла?

– Не, не видал... Убёг куда-то... Вроде, за капоныры матросов повёл...

Двое матросов пробрались дальше по цепи, сгибаясь в три погибели – стрельба стояла частая и беспорядочная. Владимир лежал ничком, закрыв голову окровавленными руками. Матросы перевернули его на спину и увидели мёртвое лицо, залитое запёкшейся кровью...

– Господин генерал, голубчик, времени у нас пятнадцать минут, – глядя на часы, говорил господин в полувоенном френче. – Вы идёте с нами или нет?

– Неужели Кирилла нигде нету? – спрашивал Козловский.

– Да где ж его искать-то, товарищ командир – кругом такой бой идёт, такая там каша...

Господин шагнул к двери, обернулся:

– Мы уходим, господин генерал. У вас ещё две минуты есть... Катер ждать не будет...

Господин вышел. Следом вышли матросы. Козловский смотрел в окно и молча плакал. Слёзы скатывались по небритым щекам, терялись в усах и бороде. Потом встал, взял со стола револьвер и медленно запихнул его в кобуру. Медленно застегнул шинель, надел фуражку и медленно пошёл из комнаты, сгорбившись и опустив голову...

...Штаб Революционного комитета в Инженерном училище был уже захвачен большевиками. Окна чернели обгорелыми чёрными провалами, во многих местах были обрушены перекрытия... На узкой улочке, во дворе, у подъездов лежали трупы красноармейцев и матросов... У ворот стояло оружие, и возле него курили несколько красноармейцев... Через двор в здание провели под конвоем группу матросов. Многие были без бушлатов, в одних рваных окровавленных гимнастёрках.

...Фридман сидел за столом в кабинете, где совсем недавно заседал Петриченков и Революционный комитет. Двое красноармейцев ввели военмора Квартальнова. Он был в окровавленной изорванной рубашке. На лице – ссадины и синяки.

– Ну что, Квартальнов? – спросил Фридман. – Недолго музыка играла, недолго фра-йер танцевал?

Квартальнов смотрел на него и молчал.

– Весь Кронштадт трупами завалили! – Фридман ударил кулаком по столу. – Для этого вы бузу затеяли?! Мало вам крови, да?!

– Тебе всё одно не понять... – Квартальнов едва шевельнул разбитыми губами.

– Расстреляйте его! Прямо во дворе! И следующе-го давайте! – приказал Фридман, и красноармейцы вывели Квартальнова из кабинета.

...Бой шёл возле провиантских складов на Госпитальной улице. Длинные приземистые здания складов были основательно разрушены артиллерией большевиков. Орудия установили в начале Госпитальной улицы, и они методично изрыгали огонь.

В развалинах домов отстреливались остатки повстанцев. Тела матросов во множестве лежали в развалинах, перед складами. Но несколько пулемётов

ещё стреляли. Ладейников был за одним из них. Давил на гашетку, когда на улице появлялись фигуры красноармейцев. Но вот в воздухе прошелестел снаряд, и за спиной Ладейникова рвануло, и засвистели осколки, поднялись клубы пыли и дыма, с грохотом рушились потолочные перекрытия. Осколки ударили Ладейникова в спину, и он упал прямо на щиток пулемёта. Через секунду к нему подполз Мордвинцев, приподнял, положил на спину. Ладейников открыл глаза, силился что-то сказать – и не мог.

– Что? Что? – Мордвинцев старался перекричать грохот выстрелов.

– Дети... – едва слышно выговорил Ладейников. – Жена...

– Что ты сказал?! Не слышу! Чёрт! – кричал Мордвинцев.

Ладейников хотел повторить, но не мог вытолкнуть слова изо рта. Вместо слов хлынула кровь, и он закрыл глаза...

К Мордвинцеву подполз весь перепачканный извёсткой Орловский, прокричал:

– Уходить надо, Николай!

– Куда?! – крикнул Мордвинцев и развернул пулемёт, надавил на гашетку – загремела длинная очередь.

– Дело кончено... Уходить надо! – Орловский передёрнул затвор винтовки, выстрелил.

– Я спрашиваю – куда?

– Куда глаза глядят! – Орловский выстрелил снова. – Нам не привыкать бегать!

– Надоело! Устал! – Мордвинцев вновь надавил на гашетку – вновь загремела очередь.

Лежавшие рядом по обе стороны матросы тоже стреляли, бросали гранаты. Вновь прошелестел в воздухе снаряд, и взрыв тяжело охнул чуть в стороне. Всё заволочило дымом и кирпичной пылью, слышались крики раненых, остервенелая ругань. Ни Орловского, ни Мордвинцева не было видно в том дыму, слышен был только голос Орловского:

– Уходим, Николай! На север острова! Там раздобудем баркас, или по льду! Бог не выдаст, свинья не съест!

И когда дым рассеялся, за пулемётом не было Мордвинцева и рядом среди лежавших и стрелявших моряков не было Орловского. Только рядом с пулемётом лежал убитый капитан второго ранга Игорь Сергеевич Ладейников...

...Они пробирались узкой улочкой. Со всех сторон за домами слышались выстрелы и крики, стук пулемётов и разрывы гранат. Мордвинцев напряжённо вглядывался в мутную даль улицы. Слышались выстрелы со всех сторон.

– Что ты встал? – тяжело дыша, спросил Орловский.

– Кажется, можно направо – там тихо...

– Направо, налево – какая разница? Главное – идти, а не стоять.

И тут за спиной послышался топот – бежали несколько человек. Подошвы сапог скрежетали о булыжники мостовой.

– А ну стой! – раздался окрик. – Руки в гору! Стоять на месте!

Мордвинцев и Орловский одновременно обернулись и начали стрелять. Бежавший впереди худой и высокий делегат съезда в расстёгнутом полушубке, с орденом Красного Знамени на тёмной гимнастёрке, отпрыгнул к стене и тоже начал стрелять из маузера. Бежавшие следом красноармейцы вскидывали на бегу винтовки, и беспорядочная стрельба оглушила узкую улочку.

Орловский упал, согнувшись в поясе, рука с нагном безвольно откинулась в сторону.

– Беги, ротмистр... – едва слышно прохрипел он.

Мордвинцев ринулся во двор с чугунной оградой, в два рывка перемахнул через неё и бросился бежать по другой улочке. Вслед ему гремели выстрелы и слышался топот многих ног. Потом – одного бегущего человека.

Мордвинцев оглянулся – за ним бежал парень в расстёгнутом полушубке, и на груди на гимнастёрке сверкнул орден Красного Знамени. И, словно грива, развевались тёмные длинные волосы.

– Стой, – крикнул он и выстрелил.

Мордвинцев нырнул в подворотню, прижался к стене, стараясь унять дыхание.

Парень в полушубке на скорости промчался мимо, потом притормозил и повернул в подворотню, и едва шагнул в темноту, как Мордвинцев оглушил его рукоятью револьвера по затылку. Парень упал, громко застонав. Мордвинцев вскинул револьвер и выстрелил парню в грудь, прицелившись в орден Красного Знамени...

– ...Эй, на «Севастополе»! – кричал с причала рослый мужик в кожанке, перетянутой ремнями и патронными лентами. Кричал он в жестяной рупор. – Сдавайтесь! Хватит! Повоевали!

– А как шарахнем сейчас по причалу из пулемётов – по-другому кричать будете! – отвечали с линкора в такую же жестяную трубу.

Причал был полон красноармейцев. Все смотрели на линкор, стоявший на ближнем рейде.

– Хватит бузу варить, моряки-и! Сдавайтесь похорошему! Ничего вам не будет! Если сдадитесь – добром и закончим! Главарей ваших перевешаем, а с вами по-братски сивухи выпьем!

Толпа красноармейцев дружно заржала.

– А хрен вам в дышло! Выкуси! Штоб моряк навозной пехтуре сдался?! Не дождётесь, рыла мохнатые!! – орали в «матюгальник» с линкора...

...На палубе корабля было полно матросов, и был среди них командир, капитан первого ранга Белецкий, в морской шинели без погон, в фуражке, надвинутой на глаза. И хотя матрос орал в «матюгальник» весёлым бесшабашным голосом и вокруг него все смеялись, покуривая сигарки, основная масса матросов была угрюма. У многих перевязаны головы – с пятнами крови на бинтах, у многих забинтованные руки лежали на перевязях

поверх бушлатов. И разговоры слышались совсем невесёлые:

– А не сдадимся, так куда денемся? Они нас тута измором возьмут.

– А сдадимся – постреляют всех, как курей.

– Да ты слышал, чё он кричит? Што всё добром уладим...

– Ага, а когда ты оружие сдашь – он по-другому кричать будет.

– Но решать-то всё одно надо. Они долго тянуть не будут.

– Н-да-а, солдат-то пригнали, мать честная! Видимо-невидимо!

– Да уж, господин Тухачевский солдатиков для нас не пожалел!

– Да хватит вам болты болтать! Будем сдаваться аль не будем?

– А куды деваться? И так половину экипажа, считай, перебили...

Проход Бартенева, который был среди матросов, слушал разговоры, вертел головой по сторонам. Голова у него была забинтована, и поперёк груди и через плечо поверх тельняшки тоже лежали грязные бинты с кровавыми заскорузлыми пятнами. Наконец он не выдержал, громко проговорил:

– Сдаваться, стало быть, решили?

– А чё поделаешь, Проход? Сила солону ломит!

– Замирился, значит, с большевичками?! – яростно спросил Бартенева. – Суки вы продажные! Сволочи!

Он заорал так громко, что матросы подались от него в стороны, и вокруг Бартенева образовалась пустота. А Бартенева выхватил из деревянной кобуры маузер и размахивал перед глазами матросов:

– Замирился, да?! Всё простим большевичкам, да?!

– Хочешь, чтоб всех постреляли? – спросил кто-то.

– Ну ихняя взяла, чё тут поделаешь? – раздался другой голос.

– Выколю себе глаз, чтоб у тещи зять был кривой? – спросил ещё один голос.

– А вам большевики, вижу, вроде тещи? – Бартенева скалился и водил маузером из стороны в сторону.

– Поругались, подрались и помирились, да? А вы, суцьи выблядки, брата моего видели? Газом его большевистская теща травила! А сколько таких братьев наших эта теща большевистская потравила! Всю Россию!! – истошно заорал Проход Бартенева, и вид его в эти секунды был страшен.

– Да ты чё, Проход, окстись... – раздавались неуверенные испуганные голоса.

– Ты пукалку-то убери – неровён час, стрельнёшь.

– Не в себе он, ребята – не видите, что ли?

– Пукалки испугались?! Э-эх, морячки-и! Сдаваться решили? А я не да-ам! Я вас всех на тот свет отправлю! С большевиками в обнимку! А ну разойдись! – и Бартенева передёрнул затвор маузера, и толпа шарахнулась в стороны, а Бартенева быстрым шагом пошёл сквозь толпу, потом побежал, стуча сапогами по палубе.

– Куда это он зафитилил?

– Братцы, да он минный погреб взрывать побёг! Ей-й богу, гляди – он к минному погребу бежит!

Толпа матросов ринулась следом, и среди них командир Белецкий.

Бартенев с трудом отвалил тяжёлый люк минного погреба и встал над отверстием, широко раздвинув ноги. В одной руке у него был маузер, левой рукой он выдернул из-за пояса гранату. Взмахнув гранатой над головой, он заорал:

– Не подходи-и!!

И толпа застыла, и стало тихо, и донёлся голос красноармейца с причала:

– Начдив 19-й даёт вам на размышление полчаса! Одумайтесь, моряки! Ещё не поздно! Сложите оружие – и будет вам прощение! От имени Советской власти!

– Слышали?! – заорал Прохор Бартенев. – От имени Советской власти будет вам прощение! А мне вот прощения от большевиков не надо! И от вас мне прощения не надо!

– Не дури, Бартенев! Очумел, да?! Положь гранату!

– Шкуры вы трусливые! – заорал в ответ Бартенев. – Щас рванёт так рванёт! В Москве услышат!

– Положи гранату! – раздался резкий командирский голос, и вперёд вышел Белецкий. – Я приказываю!

– Сдаваться решил, гражданин командир?! Ты с самого начала собирался сдаваться! Но теперь я приказывать буду! – Бартенев опустил руку с гранатой на уровень груди, сунул маузер за пояс и хотел было освободившейся рукой сорвать кольцо, как грохнул выстрел.

Пуля ударила матросу Бартеневу в левую сторону груди точно напротив сердца, и пока командир Белецкий убирал револьвер в кобуру, Бартенев выронил гранату, и она со стуком покатила по палубе, и матросы в страхе пятились от неё, ожидая взрыва. Но граната замерла, лежала неподвижно.

А Бартенев упал на колени и медленно повалился лицом вниз...

Квартира Ладейникова.

...Грохот выстрелов и оружейные залпы раздавались совсем близко. Вдрагивали стёкла и сильнее колебался огонёк свечи. Изредка доносились крики «Ура!» – и снова стрельба. Они по-прежнему сидели в гостиной, скованные страхом и ожиданием. Катерина Васильевна уже не плакала. Всё так же смотрела на пламя свечи. Настя и Александра тоже молчали, хотя при каждом оружейном выстреле вдрагивали и оглядывались на окно. Уже стояло полное утро, и холодное солнце встало над Кронштадтом.

– Я не понимаю, честное слово! – не выдержала Александра и встала. – Мы так и будем сидеть и ждать неизвестно чего?!

– Мы ждём папу, – сказал Настя.

– А если...

– Никаких «если»! – крикнула Настя и тоже вскочила. – Раз папа обещал вернуться – значит, он вернётся!

– Папа не вернётся... – спокойно произнесла Катерина Васильевна. – Папу убили...

Открыв рты, Александра и Настя со страхом смотрели на мать.

– Ты не права, мамочка... – тихо проговорила Настя. – Папа обязательно вернётся... Он никогда нас не обманывал. Он обязательно вернётся...

– Папа не вернётся... – спокойно произнесла Катерина Васильевна. – Папу убили...

– Ты не можешь этого знать, мама... – прошептала Александра, прикрыв ладонью рот.

– Я это чувствую... – спокойно и отчётливо произнесла Катерина Васильевна.

– Ты не права, мамочка... – снова проговорила Настя. – Папа обязательно вернётся... Он никогда нас не обманывал. Он обязательно...

И в это время из прихожей донеслось дребезжание звонка. Александра опрометью бросилась из гостиной. Через секунду Настя тоже кинулась к дверям. Только Катерина Васильевна неподвижно сидела у стола.

Александра открыла дверь и ахнула, отшатнувшись. В прихожую, едва переступая с ноги на ногу, вошёл Кирилл Козловский. Лицо у него было в крови, руки он прижимал к груди, и сквозь пальцы тоже сочилась кровь. Он смотрел широко открытыми глазами и ничего не видел перед собой, и плашмя рухнул на пол.

– Мама-а! – истошно закричала Настя.

Катерина Васильевна появилась в дверях гостиной, сказала спокойно:

– Только без истерик. Постарайтесь поднять его и отнести в кабинет отца... На диван...

Они втащили Кирилла в кабинет, с трудом уложили на диван. Кирилл был без сознания. На гимнастёрке кровоточили три раны, из-под волос на лицо стекала кровь.

Катерина Васильевна решительно приказала:

– Настя, принеси нож. Александра, принеси из аптечки бинты, йод, перекись водорода...

...Они промыли и забинтовали Кириллу голову и грудь. Он выпил воды, стуча зубами о стакан, и затих, лежа на спине с закрытыми глазами. Катерина Васильевна накрыла его пледом. И замерла, сидя на стуле у дивана и глядя на белое бескровное лицо юноши.

Настя и Александра стояли рядом.

– Почему ты не спросила у него, что с папой? Что с его братом?

– Может, он Мордвинцева видел? – спросила Александра.

– Бессмысленно сейчас о чем-либо спрашивать, – ответила мать. – Придёт в сознание и всё расскажет...

– Что же с нами теперь будет, мама? – прошептала Александра.

– Как-нибудь да будет. Ведь никогда же не было, чтобы никак не было... – спокойно ответила Катерина Васильевна, глядя на пламя свечи, стоявшей на столике рядом с диваном...

...Пленных моряков гнали по льду. Длинная колонна. По обе стороны – густые цепи красноармейцев с

винтовками наперевес. Мела позёмка. Моряки почти все были без бушлатов, в рваных окровавленных гимнастёрках, многие с забинтованными головами и плечами. И они покорно топтали по заснеженному льду, опустив головы. И среди них шёл командир линкора «Севастополь» капитан первого ранга Яков Иванович Белецкий.

И уже стоял день, и в пустынном свинцовом небе застыло мутное холодное солнце...

Штаб Тухачевского.

– ...Товарищ командующий! Докладывает начдив 29-й Хренов. Кронштадт в наших руках. Остались отдельные очаги сопротивления в городе и по фортам. Закончим всё к завтрашнему дню. Остервенели морячки. Дрались как звери.

– Поздравляю, начдив 29-й. Буду лично ходатайствовать перед ВЦИКом о награждении вас орденом Красного Знамени. И также представьте к награждению список особо отличившихся. Заканчивайте быстрее! Желаю успеха.

Тухачевский положил трубку, некоторое время задумчиво смотрел на карту, потом взял трубку, проговорил:

– Барышня. Тухачевский на проводе. С кабинетом Троцкого соедините... – он ждал, покусывая губу, наконец выпрямился и заговорил: – Лев Давидович, здравствуйте. Тухачевский докладывает. Штурм острова и крепости Кронштадт близок к завершению. Остались отдельные очаги сопротивления, которые в ближайшие два дня будут подавлены...

– Поздравляю, товарищ Тухачевский, – отозвался Троцкий. – Решительные действия, предпринятые для подавления мятежа, ещё раз подтвердили, что вы являетесь одним из самых выдающихся полководцев Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Поздравляю...

Лёд залива.

...Их подогнали к краю огромной полыньи. Синеватые полосатые тельники, чёрные бушлаты и чёрные штаны ярко выделялись на снежном льду. Красноармейцы быстро строились в две шеренги перед громадной толпой моряков. Моряки жалась друг к другу, топтались на месте, дыша клубами белого пара.

Перед строем вырос начдив Хренов в длиннополной шинели, перетянутой ремнями, в будёновке с яркой красной звездой на лбу.

– По врагам революции-и-и!! По предателям и изменника-а-ам! Пли-и-и!!

Грохнул густой залп. Передние падали на лёд, многие пытались подняться, но падали снова.

– Братва-а-а!! – закричал чей-то пронзительный голос. – Россия не простит палачам нашей смерти! Будьте вы прокляты, коммунычи выродки-и!

– Стреляйте, гады! Балтийцы пощады не просят! – завизжал другой голос.

– Будьте прокляты!! – громыхнула тысячная толпа матросов.

– Пли-и! – вновь последовала команда. – Пли-и!!

Грохнул второй залп, за ним почти сразу третий... четвёртый...

В чёрную полынью падали тела матросов, и жгучая ледяная чёрная вода почти сразу поглощала их. Чей-то другой пронзительный голос вдруг запел:

*– Вихри враждебные веют над нами,
Чёрные силы нас грозно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас ещё судьбы неизвестные ждут!
Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя борьбы угнетённых народов,
За лучший мир, за святую свободу-у!!*

Среди матросов стоял и командир «Севастополя» Яков Белецкий. Он тоже пел, едва шевеля губами, и смотрел на заснеженный лёд. Толпа матросов теснилась всё ближе и ближе к кромке льда...

– Пли-и! – вопил голос начдива, и гремели новые залпы, и всё новые и новые тела матросов падали в полынью... Чёрная вода бурлила, надувалась пузырями...

Дом Советов. Зал заседания X съезда ВКП(б).

...Зал бурлил и аплодировал, когда на трибуне появился Ленин. Он ждал, пока стихнут овации, чуть наклонив голову и глядя в зал, затем поднял руку, призывая к тишине.

– Товарищи делегаты! Только что пришло сообщение из Петрограда! Контрреволюционный мятеж в Кронштадте подавлен! Мятежники разгромлены наголову! Да здравствует наша Рабоче-Крестьянская Красная Армия! Да здравствует социалистическая революция! Ура, товарищи!!

Делегаты съезда встали, продолжая аплодировать, и слышались отдельные выкрики:

– Да здравствует Ленин-и-ин!

– Да здравствует социалистическая революция-а-а!

На сцену, как кошка, вскочил худой и высокий делегат с большой чёрной шевелюрой, горящими, почти безумными глазами, и с орденом Красного Знамени. Мы уже видели его в боях в Кронштадте. Он поднял руку, призывая к вниманию, и громко запел сильным, подрагивающим от напряжения голосом:

*– Вставай, проклятьем заклеймённый,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов!*

И зал грозно подхватил на одном дыхании:

*– Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело!
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу-у!!*

...В пустой квартире Ладейникова медленно начали бить старинные напольные часы, и густой звук уда-

ров поплыл по комнатам... Везде были видны брошенные вещи, окровавленные бинты на навощённом блестящем паркете, следы грязи от сапог... Пианино в углу, накрытое белым полотном... Гамсуновские кресла красного дерева с темно-вишнёвой бархатной обивкой... Ломберный столик на изящных гнутых ножках, ещё один столик – с большой старинной вазой из китайского фарфора, книжный шкаф с застеклёнными дверцами, и дверцы распахнуты настежь, на полках видны ряды книг и больших морских атласов и географических альбомов. А наверху гордо стоял большой макет парусного фрегата «Орёл», с тщательно сделанными самыми маленькими деталями, парусами, пушками, капитанским мостиком, и на главной мачте – Андреевский русский флаг... Фотографии на стенах в ажурных разноцветных рамках, и на них – вся эта, теперь уже в прошлом, безвозвратно ушедшая жизнь – офицеры в белоснежных мундирах и барышни в длинных платьях с букетами цветов... И шампанское, которое пьют на веранде из длинных узких бокалов, освещенных теплым уходящим солнцем... И команда боевого корабля. В центре – белое пятно офицерских мундиров, а вокруг – матросских рубаш. Бескозырки, чёрные клёши... И оперный зал с огромной сценой... Артисты ловят букеты цветов... И восторженный зал... И вновь белоснежные мундиры морских офицеров, блеск орденов, и дамы – сверкающие бриллиантами, колье и диадемы... А вот фотография всего семейства – в центре старик-адмирал, вокруг него сыновья и дочери, внуки и внучки, жёны сыновей, мужа дочерей... Огромная семья... Белые мундиры и тёмные сюртуки и пиджаки, щегольские усы и усики, окладистые и клинообразные бородки... Улыбающиеся лица и глаза, глядящие в будущее с уверенностью и весельем... А вот удивительной работы секретер красного дерева, а дальше – красного дерева туалет с розовым зеркалом эпохи Александра I... А вот... И камера бредёт по квартире, выхватывая мебель и одежду, разбросанную на диванах, стульях, на полу... Этот прекрасный и порочный мир ещё жив, его сердце ещё бьёт последние удары, и больно сжимается душа, когда видишь этот неминуемый уход...

...В городе ещё шли бои... Схватки мятежных матросов и красных велись во дворах особняков и домов, в квартирах этих особняков и домов... Полыхали в разных местах пожары, слышались оружейные выстрелы, крики людей, перестук пулемётов и разрывы гранат... Город ещё сопротивлялся...

...В ночной мгле мохнатая лошадёнка тащила широкие сани, на которых лежал укрытый тулупом раненый Кирилл и сидели Катерина Васильевна и старый возница в тулупе, с заиндевевшей лохматой бородой. Рядом с санями шли, хрустя снегом, Мордвинцев, четверо раненых матросов в бушлатах и полушубках, с винтовками за плечами. И шли сёстры Настя и Александра, закутанные шальями по самые глаза.

за. Ветер задувал в глаза и грудь, крутил маленькие смерчи на снегу.

...Время от времени кто-нибудь оглядывался на город, весь в огнях и пожарах, но уже не были слышны выстрелы и взрывы снарядов и гранат, только пронзительно взвизгивали полозья на снегу.

...Кирилл был в сознании и смотрел в чёрное, необыкновенно чистое и усеянное миллионами звёзд небо.

– Мы прямо на Сестрорецк выйдем? – спросил Мордвинцев возницу. – Опасно... Там же красные на каждом шагу.

– К окраине выйдем... Там деревеньки глухие... А в них у меня свояков полно. Бог даст, спасёмся.

– Дальше ты повезёшь?

– Зачем? Там финских контрабандистов полно. Они вас в своё удовольствие куды хошь доставят. Не бойсь, твоё благородие, раз уж из Кронштадта выскочили, теперь спасёмся...

– Я не за себя, старик... Женщины с нами, – сказал Мордвинцев. – Я за них в ответе.

– Ничо, твоё благородие, Бог милостив, сохранит и оборонит, – старик усмехнулся в бороду. – А знатно вы большевикам наподдали! Долго помнить будут!

– Мы тоже... – Мордвинцев выдохнул клуб пара, глядя вперёд и щурясь от снежного ветра.

– А теперя что же? – поблёскивая шустрими глазами, говорил возница. – Теперя вам спастись надоть. Большевички – народ злопамятный, мстить до третьего колена будут. Одно слово – антихристы, мать их...

– Крепко, вижу, насолили тебе большевики? – усмехнулся Мордвинцев.

– А то! – воскликнул возница. – Маслобойня была – отобрали! Крупорушка была – разорили! Сынов двое – гдей-то в гражданскую сгинули... То ли у Юденича, то ли у Деникина, то ли ишо у какого чёрта – поди разбери теперь... Нету сынов-кормильцев – живи теперь, как хошь...

– Может, у красных они?

– Кто? Гришка и Петро? – возница даже испугался. – Не-е, быть такого не может...

– Теперь такое время – что хочешь может быть, – сказал Мордвинцев.

Настя вдруг обернулась. Где-то далеко в снежной мгле мерцали пожары в Кронштадте. Задержала шаги и помахала рукой родному городу.

– Ты чего, Настя, не отставай, – сказала Александра. – Ещё очень долго идти...

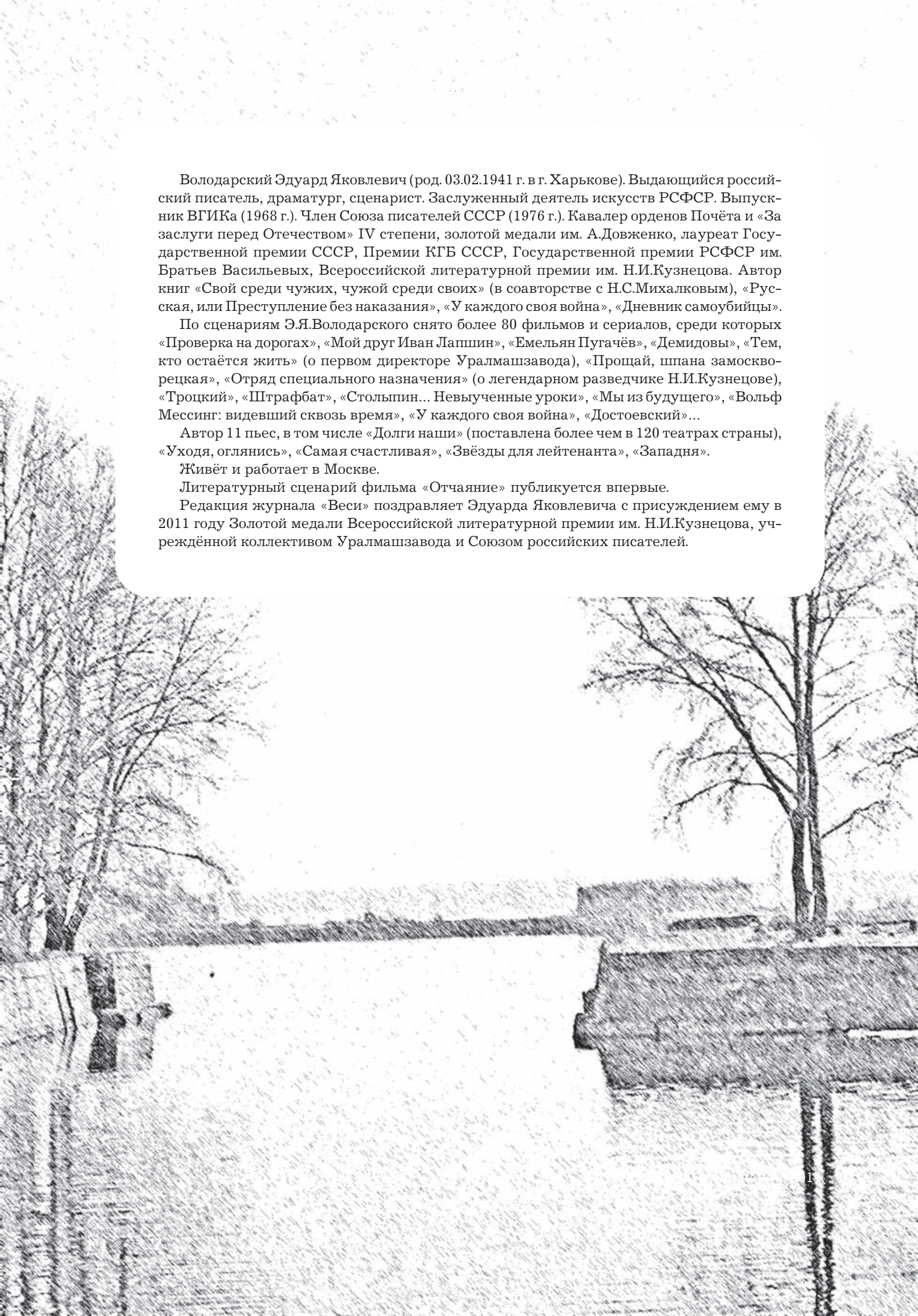
– Мы вернёмся домой, Саша... – тихо проговорила Настя. – Правда? Мы обязательно вернёмся...

– Лучше думай, как отсюда живыми уйти, – ответила Александра.

– Если Боженька есть, мы обязательно вернёмся, – прошептала Настя и перекрестилась, глядя в чёрное бархатное небо, сверкающее миллионами звёзд. – Мы вернёмся...

(Конец фильма)

Март 2010 года

Володарский Эдуард Яковлевич (род. 03.02.1941 г. в г. Харькове). Выдающийся российский писатель, драматург, сценарист. Заслуженный деятель искусств РСФСР. Выпускник ВГИКа (1968 г.). Член Союза писателей СССР (1976 г.). Кавалер орденов Почёта и «За заслуги перед Отечеством» IV степени, золотой медали им. А.Довженко, лауреат Государственной премии СССР, Премии КГБ СССР, Государственной премии РСФСР им. братьев Васильевых, Всероссийской литературной премии им. Н.И.Кузнецова. Автор книг «Свой среди чужих, чужой среди своих» (в соавторстве с Н.С.Михалковым), «Русская, или Преступление без наказания», «У каждого своя война», «Дневник самоубийцы».

По сценариям Э.Я.Володарского снято более 80 фильмов и сериалов, среди которых «Проверка на дорогах», «Мой друг Иван Лапшин», «Емельян Пугачёв», «Демидовы», «Тем, кто остаётся жить» (о первом директоре Уралмашзавода), «Прощай, шпана замоскворецкая», «Отряд специального назначения» (о легендарном разведчике Н.И.Кузнецове), «Троцкий», «Штрафбат», «Столыпин... Невыученные уроки», «Мы из будущего», «Вольф Мессинг: видевший сквозь время», «У каждого своя война», «Достоевский»...

Автор 11 пьес, в том числе «Долги наши» (поставлена более чем в 120 театрах страны), «Уходя, оглянись», «Самая счастливая», «Звёзды для лейтенанта», «Западня».

Живёт и работает в Москве.

Литературный сценарий фильма «Отчаяние» публикуется впервые.

Редакция журнала «Веси» поздравляет Эдуарда Яковлевича с присуждением ему в 2011 году Золотой медали Всероссийской литературной премии им. Н.И.Кузнецова, учреждённой коллективом Уралмашзавода и Союзом российских писателей.